

НЕ ОСТАВЛЯЙ
меня...

ЛЕНА
Кутузова

Мир, где благополучие страны зависит от королевской семьи. Жесткая самодисциплина впитывается с молоком матери. Ни одного грубого слова. Ни одного лишнего жеста. Ни одной неподобающей мысли... Но юная принцесса не желает становиться марионеткой. Сидеть на приемах, служить "красивой картинкой" для репортеров. Она хочет служить своей стране в ином качестве. Даже если придется отказаться от любви. Но готова ли любовь отказаться от принцессы?

1

По широкому плацу, за годы утрамбованному до каменной твердости, прохаживался лейтенант. Перед ним, выстроившись в две шеренги, замерли двадцать человек в пятнистой форме зеленых оттенков.

Офицер остановился и оглядел новобранцев. Каждому заглянул в лицо, осмотрел ниже, от подбородков до высоких ботинок на шнуровке и черных баулов, стоящих у правой ноги. И вздохнул:

— И они называли вас лучшими?

Собравшиеся мало соответствовали этому званию. Форма сидела мешковато, да и сами новоиспеченные солдаты, хоть и старались держаться как положено, еще не приобрели той безупречной выправки, что отличает армейскую элиту.

— На вступительных экзаменах вы показали лучшие результаты. Но это ерунда. Уверяю вас — до итоговых тестов доживут не многие. Я об этом позабочусь. Вопросы есть? Тогда...

— Есть!

Невысокая девушка вскинула руку:

— Господин лейтенант, тела тех, кто не доживет, вернут семье?

Сдержанные смешки оставили командира безучастным. Он медленно подошел к любопытной и оглядел с ног до головы.

Маленькая, даже хрупкая. Но держится уверенно. Козырек форменной кепки закрывает половину лица, приходится наклониться, чтобы разглядеть. И попасть под прицел огромных карих глаз.

— Шаг вперед. Звание. имя. Головной убор снять.

Девушка выполнила приказ:

— Рядовой Кара Хань.

Она уставилась на лейтенанта прямо, без капли трепета, к которому он успел привыкнуть за те несколько лет, что обучал молодежь. В глазах прыгали золотые искры, и чуть пухлые, но хорошо очерченные губы были готовы растянуться в улыбке. Лейтенант поймал себя на мысли, что пялиться, как голодный малец в пубертатный период.

— Итак, Кара Хань, для начала вы вызубрите Устав. Ту часть, где говорится о внешнем виде солдата. И о допустимой косметике.

— Господин лейтенант, я не накрашена!

— Обращайтесь как положено, рядовой. Сегодня ваш первый день на службе, поэтому я спущу некоторые вольности. Но только однажды. Здесь. Сейчас. Еще одно нарушение Устава и... Вам понятно?

— Так точно!

Карие глаза уже не смеялись. Командир удовлетворенно кивнул:

— Встать в строй. Отныне ответственный за вас я, лейтенант Байю. А это значит, вы забудете, что такое спокойно спать, есть и даже ходить в туалет. Я стану вашим дневным и ночным кошмаром, но те, кто переживет тренировки, выживет и в реальном бою. Все поняли? Вижу, поняли. У вас полтора часа, чтобы освоиться и привести себя в порядок. Нале-во! В казармы шагом марш!

Приземистое одноэтажное здание, окруженное газоном, не потерявшим яркость даже в

эти жаркие дни, распахнуло двери новым жильцам. В правом крыле располагались классы, в левом — спальни.

Новобранцы шли по полутемному коридору, читая имена на табличках. По четыре на каждой двери. Находя свое, торопливо заходили, чтобы наспех познакомиться с соседями и хоть немного оглядеться в отведенное время.

Девушкам повезло — комнату пришлось делить на двоих. Больше никто из женщин не прошел строгий отбор.

— Ну, давай знакомиться. Ты — Кара Хань, я уже знаю.

Высокая светловолосая девушка протянула руку. Кара пожала ладонь.

— А ты кто? Я видела тебя на испытаниях.

— Лу Роис. Надеюсь, подружмся.

Они улыбнулись друг другу и оглядели новое жилище.

Маленькая комнатуха вмещала две двухъярусные кровати, два встроенных шкафа и четыре тумбочки. Длинный подоконник, судя по придвинутым стульям, заменяла рабочие столы. Вместо занавесок полагались серые жалюзи, а на потолке прижились три люминесцентные лампы.

Лу тоскливо протянула:

— Убого как. Но читать в кровати будет удобно.

И она радостно сцапала со стола светильник.

Её надежды провалились. Розеток у кроватей не было, а провода оказались слишком короткими.

— Ну вооот.

Лу разочарованно повернулась к Каре. Та, скинув куртку на крайний стул, быстро раскладывала вещи по полкам.

— Слушай, а...

— Лу, может, перестанешь из угла в угол ходить? Тебе что, делать нечего?

— Какая ты скучная! — Лу сморщила носик, чуть тронутый веснушками. — Успеется. А ты всегда такая... правильная? На плацу...

— Командир дал нам полтора часа. И я не правильная. Просто в семье жесткая дисциплина. Правда, папа считает, что мы с ней не совместимы.

— С семьей?

— С дисциплиной! Тебе помочь?

— Я сама.

Лу насупилась и принялась раскладывать вещи, но тут же отвлеклась, глядя, как соседка причесывается перед небольшим зеркалом на двери.

— У тебя красивые волосы. И стрижка... мастер делал, сразу видно. Жалко её будет.

— Ты о чем?

— По Уставу у женщин длина прически — не ниже плеча. А у тебя до лопаток.

Кара отложила расческу и залезла в сумку. Достала ножницы:

— Режь.

Лу опешила. Портить такую красоту!

— С ума сошла? Я не умею!

— Отрезать по прямой линии сможет любой. Даже ты. И скорее, а то еще один нагоняй получу.

— Жаааалко...

— Какие густые! Ножницы не берут!

Лу радостно попыталась отвертеться.

— Режь!

Кара мужественно терпела все время, пока новоявленная подруга пыталась привести прическу в порядок. Наконец, Лу удалось подровнять кончики, и Кара тут же стянула волосы в хвост.

— Теперь правильно?

Лу не ответила. Отвернулась, разбирая вещи. Разговаривать с варваром не хотелось.

Кара собрала рассыпавшиеся по полу пряди, смела в корзину.

— Пойду узнаю, как тут насчет душа. Надеюсь, отдельный.

Надежды не сбылись. Вдоль кафельных стен тянулись изогнутые трубки с лейками на концах. Напротив выстроились умывальники.

— Ну как тебе? Позовешь спинку потереть?

Кара смерила зубоскала и постаралась не сильно хлопнуть дверью. Пылая от возмущения, она мчалась по коридору, и, не рассчитав силы, буквально впечаталась в лейтенанта.

— Рядовой Хань!

Кара вытянулась, очень стараясь изобразить стойку "смирно". Её потуги насмешили командира. Он, проследив траекторию её движения, вздохнул:

— Вы и рядовой Роис можете пользоваться офицерским душем. Там замок. Ступайте. Стоп. Чтобы в следующий раз ноги не опережали голову — наряд вне очереди. Плац — ваш.

— Есть! Разрешите идти?

Каре хотелось как следует заехать кулаком в стену. Закричать. Запустить в лейтенанта чем-нибудь тяжелым. Вместо этого она послушно пошла в свою комнату.

— Хорошие новости, Лу! Нам разрешили пользоваться офицерской душевой. Иначе не знаю, как бы мы обошлись. В общей даже занавесок нет!

Громкая команда эхом пронеслась по коридору, заглядывая в комнаты. Новобранцы кинулись к плацу, на бегу поправляя кепки, застегивая форменные куртки. В назначенное время уложились не все.

Лейтенант скептически оглядел опоздавших и произнес:

— Сегодня — один за всех. А поблажки закончились. Упор лежа принять!

Двадцать человек отжимались под ровный счет.

— Тридцать семь... тридцать восемь... Десять... одиннадцать...

Стон, смешанных с хриплым дыханием, долетел до командира. Тот оглядел вспотевших подчиненных:

— Чем-то недовольны? Пять, шесть... Смирно!

Покачивающиеся люди мало напоминали солдат. Лейтенант вздохнул:

— Первая шеренга, два шага вперед, маааа-рш!

Они двинулись и остановились. Командир даже не поморщился, слушая, как вразнобой ударяют о землю подошвы.

— Рядовые Люц Айр, Эйс Урм — выйти из строя.

Старательно печатая шаг, названные выполнили приказ.

— Круууу-гом! Первая шеренга — первое отделение. Командир — рядовой второго класса Люц Айр. Второе отделение, ваш командир Эйс Урм.

Вместе с назначением лейтенант вручил новые погоны. На темных квадратиках

серебрились тонкие полоски.

— Занять места.

Повышенные в звании встали во главе вверенных шеренг.

— Расписание будет вывешено на стенде у входа в казарму. Надеюсь, все найдут время ознакомиться. А сейчас, командиры отделений — ведите их обедать. После — оба ко мне за указаниями.

Король сидел за простым рабочим столом. Напротив, с папкой в руках, замер секретарь. Он получил указания для дальнейшей работы и готовился уходить.

— И передай, что как только Принц вернется — я его жду.

— Да, Ваше Величество.

Принц явился быстро.

— Я думал, тебя дома нет.

— Минут через пятнадцать уже не было бы. Что-то случилось? Ты редко вызываешь в середине рабочего дня.

— Да?

Король встал из-за стола и пересел в широкое кресло. Жестом велел сыну занять второе, напротив.

— Ты знаешь, где твоя сестра?

Молодой человек замялся.

— Ну... В университете?

— Уверен? А мне сообщили, что Её Высочество Адель ас Кармина, принцесса Логская, из правящего дома Риас, изволила взять академический отпуск сроком на год с возможностью продления. Как это объяснить?

Принц потупил взгляд.

— Так где она? Что опять учудила?

— Пап, ты успокойся...

Король, зная характер дочери, насторожился:

— Мне уже не нравится... Зачем Дели отпуск взяла?

— Решила в армии послужить.

— Что?

Привыкший оставаться невозмутимым в любой ситуации король вскочил.

— Вы рехнулись? Оба? Ладно эта бешеная, но ты чем думал? Принцесса правящей династии, вторая в очереди на престол — и в армии?

— И что? Женщины тоже служат. Почему Дели нельзя?

— Потому что она — Прин-цес-са! Немедленно верни её!

— Пап, думаешь, это хорошая идея?

— Что? — Король возмущенно уставился на сына. — Что ты сейчас сказал? Плохая идея? Есть другие?

— Оставить в покое. Пап, ты же её знаешь — запрети, и она наизнанку вывернется, а своего добьется. Пусть уж хлебнет полной ложкой. Может, ответственной станет...

— А если узнают?

— Ну и что? Всегда можно преподнести это в выгодном свете. И к славе династии. Сын окончил Военную Академию. Дочь тоже отдает долг Родине в рядах вооруженных сил...

— А выдержит? Все же армия.

— У Дели хорошая подготовка. Она справится. А если нет... У неё документы на другое имя. Отзовем тихонько, без лишнего шума.

— Ладно. Возможно, ты прав. Кто еще об этом знает?

— Я, мой секретарь, ну и теперь вы.

— Не ёрничай. И посвяти во все Тхирака. Пусть он держит руку на пульсе.

— Не доверяешь?

— Перестраховываюсь, — король встал, — Ступай, у тебя тоже дел много. И передай матери, что вечером я хочу суп из моллюсков.

— Да, отец.

Пожилой мужчина долго смотрел на закрывшуюся дверь. Дети, хоть и проказничали иной раз сверх меры, никогда не подводили. Нет причин для беспокойства. Но все же, как там его Дели, его кроха... Вздохнув, король вернулся за стол и погрузился в работу.

Физическая подготовка сменялась строевой муштрой. Лу и Каре поблажек не полагалось. Они наравне с мужчинами бегали кросс, отжимались и крутились на перекладине. Разве что шуток в их сторону отпускалось больше.

Тренировки разбавлялась теоретическими занятиями. Звания, Устав, структура вооруженных сил Королевства... Толстые тетради заполнялись схемами, в учебниках появлялись карандашные пометки. В недолгие часы отдыха хотелось кинуться на кровать хоть ненадолго отключиться, но тут учеников подстерегала еще одна напасть — наряды вне очереди.

Каре, которая так и не научилась сдерживать язык, доставалось больше всех. Она то плац мела, то на кухне помогала. Осторожная Лу только головой качала:

— Ну что ты как маленькая! Так сложно промолчать?

— Не могу. Не получается. Стоит его услышать...

— Командирская доля у него такая — нас тиранить. Эй, тебе что, марш-броска мало?

Кара отжималась. Каждый вечер, независимо от самочувствия. Останавливалась, только когда пот пропитывал футболку. Тогда она брала полотенце и шла в душ.

Лу, смущенная таким рвением, поначалу тоже начала заниматься, но пыл быстро угас. Чтобы не портить настроение видом занимающейся Кары, она уходила в гости в соседнюю комнату. Там её ждали:

— Лу, скажи честно — ты тайная дочка короля? Вон, и фамилия...

— Ну... — кокетничала девушка, — я Роис, а не Риас...

Успехом у парней обе пользовались одинаково — сказывался дефицит женского общества. Правда, помогать в повседневных делах мужчины не спешили. Спокойно захлопывали дверь перед носом, смотрели, как подруги тягают ведра, полные воды, а уж руку на лестнице подать...

— Исчезли нынче галантные кавалеры...

Лу, закончив драить пол, кинула тряпку в ведро. Мимо, кивнув в знак приветствия, протопали двое сослуживцев. Девушка грустно посмотрела на цепочку грязных следов.

— Ну, и что с ними делать?

— Наплевать. Или бросить учебу. Мы для них не женщины. Кавалеров надо в других местах искать. И в другой одежде.

Лу вздохнула. Зеленые футболки и пятнистые штаны стали привычным нарядом. Из украшений — металлический жетон с именем и группой крови.

— Скорей бы присяга... Хоть в увольнительную пойти. На нормальных парней посмотреть...

— Только посмотреть?

Кара ткнула подругу пальцем в бок, отчего та взвизгнула.

— Разумеется! Ты за кого меня принимаешь?

— Поверь, наши с тобой приятели тоже только об увольнительной и мечтают!

Лу рассмеялась:

— А ведь и правда! Все разговоры — только о ней. Но доживут немногие...

— Надеюсь, я к тому времени не паду смертью храбрых в неравной борьбе... — Кара со вздохом посмотрела в окно, на плац.

— Язык за зубами держи, и все получится!

— Если бы! Еще нужно во время кросса выжить, и на турнике не повеситься!

Кросс и турник с первого дня стали кошмаром новобранцев. Первое, что делал взвод после утреннего построения — бежал. В дождь, жару, по сухой земле, или выдирая ноги из жирно чавкающей жижи... Лейтенант всегда выбирал новый маршрут, так что привыкнуть не получалось.

— Бегите! Если выдержите до присяги — с тоской вспомните эти моменты!

Справедливости ради — лейтенант всегда преодолевал маршрут вместе с подчиненными. А потом подавал пример на турнике, кувыркался так, что цирковые акробаты могли побледнеть от зависти. Но сколько раз он мог подтянуться, не знал никто. По-первости в казарме даже пари заключали. Ставка так и повисла — командир отбил желание спрашивать первому же любопытному.

— На турник — марш!

И сам взялся за перекладину.

После двадцати восьми подтягиваний новобранец сдулся. Лейтенант подтянулся еще пару раз и спрыгнул. Его грудь ровно вздымалась, только футболка слегка потемнела от пота.

— Кросс побежим?

Желающих сдавать внеплановый норматив не нашлось. И вопрос о физических возможностях командира навечно повис в воздухе.

Нагрузка росла тем сильнее, чем ближе становился долгожданный день. Дисциплина подтянулась и на плацу взвод все больше походил на военное соединение.

Но Кара никак не могла заставить себя уgomониться.

— Похоже, так и пройдет твоя служба — в обнимку с метлой... Не видать тебе Гвардии.

— Кое-кому — тоже. Я тут без чужой помощи. А кто-то и протекцией в сторону Гвардии только смотреть и может...

Лейтенант побледнел. Но, вместо того, чтобы вкатить Каре очередной "вне очереди", резко развернулся и скрылся в казарме.

— Зря ты так, — Лу грустно посмотрела в след командиру. — Такого он точно не заслуживает.

— Я тоже. Посмотри сама — разве я тут хуже всех? А как снайперу здесь мне вообще равных нет. Почему со мной так? Что я ему сделала?

— Жалишь больно. Карочка, милая, ну будь... поумнее. Он все-таки начальник, от него наши судьбы зависят.

— И сильно? Вот твоя, например. Ты что, серьезно рвешься в Гвардию? Оно тебе надо?

Лу, я же знаю — выскочишь замуж, и пошлешь армию куда подальше!

— Не скажи. Я телохранителем хочу стать. Хорошим. И дослужиться до... генерала!

Кара крикнула от такого откровения.

— Запросы, однако!

— Ну, а ты? Ты о чем мечтаешь? Только о винтовке своей и говоришь...

— Потому и говорю, что в планах — только она. Я снайпер, Лу. Понимаешь? И хороший. А этот... — Кара мотнула головой в сторону казармы — меня плац мести заставляет. Каждый день. А случись что — метла мне мало поможет.

Девушка с ненавистью посмотрела на орудие труда, но не бросила, а продолжила методично убирать плац.

— Эй, девочки! Новость слышали?

К подругам подошел Рик.

— Говорят, на нашу присягу сам Его Высочество Наследный Принц пожалует. Ну? Чтс скажете? Заколотились сердечки?

— Он женат! — хором ответили девушки и переглянулись.

Веселый хохот заглушил дальнейшие слова Рика. Тот вздохнул:

— Да ну вас!

И умчался разносить новость дальше.

— Тебе тоже фан-клуб принца побоку?

— С женатыми не кручу. А ты? — Кара даже мести перестала, ожидая ответа.

— А я ставлю перед собой реальные цели. Наследник для меня слишком высокая планка. Ну, пока генералом не стала, — Лу хохотнула. — А вот о сыне министра подумываю. В крайнем случае, сойдет и наследник полковника лейб-гвардии.

— Уууууу... — Кара присвистнула. — Так вот о чем ты думаешь, пока кросс бежишь. А то я думаю — чего это наша Лу поближе к командиру держится? Хорошо, что предупредила, постараюсь держаться от него подальше.

— Тоже мне — соперница, — фыркнула Лу. — За вами двумя глаз да глаз нужен, того и гляди до смертоубийства дойдет. Надеюсь, он тебя первую прихлопнет.

— Ну спасибо, подруга.

— Нет, а чего ты удивляешься? Мне что, во вдовах раньше времени ходить? Хотя, пожалуй, присмотрю еще кого, про запас. У лейтенанта должность нервная, а он совсем не бережется...

— Прямо-таки горит на работе! Ой, Лу, смотри — позавидую. Из ненависти — тс знаешь, какая любовь рождается? Обжечься можно!

— Вот и держись подальше, а то шкурка запузырится. Подметай вон лучше, или снова наряд схлопочешь.

— Не схлопочу, если кое-кто под ногами путаться не будет...

— Как скажешь! Пойти, позаниматься? Командир грозился, что за каждый "неуд" дополнительный круг бежать. Всему отделению.

Кара посмотрела вслед разобиженной подруги.

Сама она за теорию не беспокоилась — хорошая память помогала усвоить информацию во время лекций. После достаточно было бегло просмотреть записи.

Отведенные на предварительную подготовку три месяца наконец, закончились. Как и предрекал лейтенант, выдержали не все. Из первого отделения отчислили двоих, второе

покинул один, по состоянию здоровья.

Остальные, нагладив форму, выстроились на плацу. Волнение ощущалось даже в воздухе — после присяги новобранцы получают заветные шевроны курсантов. А главное — долгожданную карточку. Двухдневная увольнительная! Достаточно, чтобы навестить родителей, сверкнуть парадной формой перед девушками и покутить в любимом баре. Несильно — дисциплина в Академии железная. Вылететь можно прежде, чем поймешь — за что. Но пути-дороги у выпускников ждут феерические: от отряда специального, куда входят лучшие, до лейб-гвардейского полка, часть офицеров которого станут личными телохранителями для королевской семьи.

Командир с удовольствием осматривал строй. Его усилия не пропали даром — толпа новобранцев исчезла. Вместо них на плацу замерли солдаты. Конечно, о настоящих воинов им далеко, но и обучение пока не начиналось.

— Поздравляю! Можете собой гордиться! Скоро вы поймете: все, что узнали, чему научились — меньше капли в океане. Но это завтра. Сейчас же насладитесь новым днем, а для начала — не опозорьте себя, меня и Академию! Вы готовы?

— Так точно!

— Не слышу! Вы готовы?

— Так точно! — взметнулось к безоблачному небу эхо.

Он кивнул. Из некоторых будет толк. Другие... Взгляд задержался на вытянувшейся в строй Каре. Чтобы не испортить настроение, командир отвернулся — сегодня и без этой язвы волнений хватает.

В ворота въехал кортеж и, обогнув здание казармы, остановился возле плаца. Лейтенант быстро занял свое место и едва нога первого из приехавших пересекла границу площадки, скомандовал:

— Смирно!

И, чеканя шаг, подошел к молодому человеку в капитанской форме лейб-гвардейского полка:

— Господин капитан! Учебный взвод для принесения курсантской присяги построен!

Тот отсалютовал в ответ и улыбнулся. Его взгляд пробежал по замершим на плацу новобранцам.

— Смотрю, в этом году и девушки есть?

— Так точно! Рядовые Лу Роис и Кара Хань показали отличные результаты при отборе, обойдя других претендентов.

— Надеюсь, они и дальше не подведут.

Из шеренги, старательно, как учили, вышел солдат. Отсалютовал и раскрыл красную, с золотым тиснением папку. Над притихшей Академией зазвучала Клятва Курсанта. Взвод слаженно повторял зазубренные слова, а под конец дружно опустил на правое колено — как и положено при принесении присяги члену королевского дома.

— Благодарю вас! — голос наследного принца легко заполнил плац. — Надеюсь, ничто не помешает вам сдержать данное слово, и мы будем гордиться вами. Поздравляю, господа курсанты!

Строй качнулся, салютуя в ответ.

Принц козырнул, четко развернулся кругом и направился к машине.

Лейтенант смотрел ему в след, пока не захлопнулась черная блестящая дверь. И только некоторые курсанты заметили во взгляде своего командира звериную тоску.

Казарма гудела. Ради праздника в увольнение отпустили всех, даже штрафников. Но ни один из парней, отвечающих комплименты подругам, не пригласил их на свидание.

— И кто они после этого?

Лу кипятилась, перебирая гардероб.

— Кара, скажи, что лучше одеть — блузку с брюками, или вот этот комплект?

— Оба варианта нравятся.

— Ну нет. От штанов я и тут устала. Юбочку хочу. А ты? В чем пойдешь? С ума сошла?

Хоть украшение одень. Вот, эти бусы к водолазке подходят.

Кара улыбалась, глядя, как суетится подруга. Вышли вместе, отметившись на пропускном пункте.

— Ты куда сейчас?

— Родителей навестить надо. А ты?

— Я тоже сперва домой. До вечера!

И девушки разошлись.

В небольшом кафе сидели двое. Они не скрывались, да и не нужно было — только очень предвзятый взгляд мог опознать в молодом человеке Наследного Принца, каким его привыкли видеть по телевизору и на фотографиях. Девушка и вовсе не беспокоилась — последние шесть лет она провела за границей, в закрытом учебном заведении, приезжая домой только на каникулы. У журналистов было лишь статьи да куча фотографий улыбающейся девчонки с косичками.

— Деля, ты понимаешь, что натворила? Отец будет в ярости.

— Ему придется принять это. Я не отступлюсь.

— Но два года! Ладно армия, оттуда можно было вытащить тебя в любой момент, но Академия! Представляешь, что будет, если станет известно?

Принцесса пожала плечами:

— Ну, узнают. Всегда можно напелести о патриотизме. Журналисты любят такие истории. Еще и рейтинг поднимется.

— Зачем тебе это? — рука мужчины нежно накрыла женскую. — Там нагрузки нечеловеческие, да и дисциплина... Ты ведь никогда с ней не ладила.

— Так может, пора начинать? Выросла уже.

— Вот именно. Должна понимать...

— Я понимаю, братишка. Теперь скажи, что меня ждет впереди? Престижная профессия, но диплом будет просто висеть на стене. А мне найдут подходящего мужа. И я всю свою жизнь буду играть роль примерной жены и матери, стараясь, чтобы никто не догадался о настоящих чувствах. Веселая перспектива, да?

— Тогда чего ты хочешь? Скажи, я помогу.

— А я и не скрываю. После Академии сдам экзамен на профпригодность. А потом — возглавлю королевский отряд телохранителей. Согласись, что в идеале командовать им должен член семьи.

— В идеале... — принц усмехнулся. — Ты совсем не изменилась. Вечно эти твои прожекты.

— Так сможешь?

— А куда я денусь? Тебе мороженого заказать? Два клубничных, пожалуйста. С

шоколадом.

Принцесса облизнулась, когда перед ней поставили креманку.

— Деля, ты родителей то навестишь?

— Очень хочу, но нельзя. Думаешь, меня из дворца выпустят, если отец правду узнает?

Да и репортеры...

— И как?

— Ну брааатик, ну пожааааалуйста! — принцесса скорчила умильную гримасу.

Принц вздохнул:

— Хорошо. Я уговорю отца. Но прощения у него сама потом просить будешь!

— Я тебя люблю!

Забыв обо всем, Адель запустила ложку в розовый холодный шарик.

Два дня свободы пролетели непростительно быстро. Огорошенные таким вывертом времени, курсанты торопились к воротам Академии: лейтенант обещал спустить шкуру с любого, кто опоздает, невзирая на причины. В вопросах дисциплины он был неумолим.

И на вечернем построении увидел все: помятые лица тех, кто перебрал вчера; слишком блестящие глаза и кривые усмешки веселившихся сегодня.

— Прекрасно! Ну, сами напросились! Напрррра-во! Бегом марш!

Оба отделения нарезали круг за кругом вокруг плаца. Кара бежала легко, за два дня она успела отоспаться, а вот Лу пришлось нелегко.

— Вот гад! Чтоб его приподняло да приложило...

— Сама же говорила: работа у него такая, на сгонять, — хмыкнула Кара и посоветовала, — Не сбивай дыхание.

Лу замолчала, но по лицу видно было, что монолог продолжается.

На счастье, душ оказался свободным. Девушки быстро смыли пот и пыль и с блаженными вздохами растянулись на кроватях:

— Ты чем занималась? — зевнула Лу.

— Да так. Спала. По магазинам ходила...

— И все? — удивилась Лу, — А что купила?

— Не поверишь — ничего! — рассмеялась Кара, — А ты как выходные провел?

— О! — мечтательно закатила глаза Лу, — Это было незабываемо! Впервые согласилась на свидание вслепую.

— И как? — заинтересовалась Кара, — Понравилось?

— Оно того стоит! — снова зевнула Лу и тут же оживилась, — А хочешь в следующий раз со мной?

— Может быть, — кивнула Кара, — А теперь давай спать. Я все силы на этой дорожке оставила. Монстр какой-то, а не отец-командир.

И услышала сонный смешок Лу.

Лейтенант говорил правду — дни до присяги казались теперь очень спокойными и легкими.

— Я сдохну на этой чертовой дорожке! — Лу нависла над умывальником, упираясь в него двумя руками. Казенное зеркало на стене отразило покрасневшее лицо, мокрое от пота. — Хотя нет. Не дождется лейтенант от меня такой радости! Я сначала его самого грохну!

— Так что, — Кара довольно фыркала, подставив голову прямо под струю холодной

воды, — мне не к свадьбе, а к похоронам готовиться?

— Иди ты! — толкнула её в плечо Лу и утащила полотенце — свое она, по обыкновению, оставила в комнате, — Что, думаешь, кого другого не найду? Так что не бойся — попляшем еще!

— Если с голоду не окочуримся! Лу, верни полотенце, а то на завтрак опоздаем!

В столовую теперь ходили не просто строем — чеканили шаг, как на параде, да еще пели. Наличие слуха не требовалось, но вот вид на марше требовалось иметь залихватский:

— Вы — гордость Королевской армии! Ну, те из вас, кто выдержит экзамен. Но до тех пор ни один из вас не смеет своим видом бросить даже тень на Академию! — не уставал повторять лейтенант, и курсанты, скорчив «суровые» мины, старательно чеканили шаг.

Лу с трудом сдерживала смех — ей, несколько лет положившей на занятия музыкой, такое пение казалось сродни ударам палкой по крышкам кастрюль:

— Ну сама посуди, — жаловалась она подруге, — какое же это пение? Рожу кирпичом и знай, топай погромче и ори в такт...

— То есть чувства ритма ты не отрицаешь? — посмеивалась Кара, которой подобное тоже удовольствия не доставляла.

— Какой уж тут ритм... — вздыхала Лу, и старательно выполняла команды.

Лейтенант спуску не давал — каждый шаг чуть не с линейкой вымерял. А потом просто растянул на плацу рулетку, и начала гонять по одному, по двое, отбивая ритм ладошами. За временем не следил:

— Вы будете заниматься строевой до тех пор, пока с вами не стыдно будет на параде мимо Его Величества пройти!

И мучения курсантов продолжались. Иной раз лейтенант лишал их и личного времени. Всего час, но, как оказалось, значил он очень много.

Курсанты не успевали ни сами письма написать, ни весточки из дома прочитать — звонки разрешались только по выходным дням, в строго отведенные часы. Лу это ограничение злило куда больше, чем остальные лишения:

— Нет, ну ты представляешь? Я даже родителям позвонить не могу! Не то, что подругам.

Кара только посмеивалась да отшучивалась, когда подруга интересовалась, почему ей родители не пишут:

— А чего писать? Жива, здорова, да и ладно. Лу, у меня отец в длительной командировке, мама с ним поехала. Письма долго идут, так что позвонить проще.

— Бедная! — тут же забывала о собственных горестях Лу, — Я своих хоть в увольнительных вижу!

Но и этих дней становилось все меньше. Лейтенант зверствовал — лишал выходных за малейшие провинности.

Плохо убранная комната. Недостаточно тщательно выметенный плац. Нечеткие повороты на строевой подготовке, неровный марш:

— Я должен слышать один удар, когда вы ноги на землю опускаете. Один! А не десяток разрозненных! Еще раз!

Но, как он не ругался, сам, как и прежде, от занятий не отлынивал: шагал, пел, замирал «на караул» вместе со своими подопечными. И только убедившись, что курсанты поняли, что именно от них хотят, требовал исполнения. Но всегда — безукоризненного.

За это его ненавидели.

— В соседнем отряде так не издеваются! Строевая строевой, но личного времени не лишают, да и увольнительных тоже. Можно подумать, их из его кармана оплачивают!

— Да в лейб-гвардию не взяли, вот и зверствует... другим туда дорогу перекрывает.

Кара на все эти заявления молчала. Та реплика про протекцию, когда командир впервые не нашелся, что ответить, была единственной на эту тему. Девушка не говорила об этом ни прилюдно, ни наедине с Лу:

— Это как острой палочкой в ране ковыряться. Без меня, пожалуйста.

Но сам лейтенант то ли не знал об этом, то ли не оценил. Каре, как и прежде, больше всех доставалось. И окриков, и нарядов. Только теперь он плацем не ограничивались. Девушка то в столовой работала, то в прачечной. Но чаще — замирала без движения у «позорного столба» — так называли особый пост у въезда в Академию. Единственное место для дежурного, не защищенное ни от солнца, ни от ветра, ни от дождя. И стоять следовало, как у входа в парадную залу королевского дворца: навтыжку, не шевелясь, даже моргать рекомендовалось через раз, а то и через два. Церемониальное ружье оттягивало руку, и только раз в два часа разрешалось сделать особые приемы с оружием для разминки. И не приведи судьба ошибиться хоть в одном!

Но раз за разом движения становились все увереннее. Ружье уже не казалось таким неподъемным, да и упражнения давались легче. Лу, которую тоже время от времени отправляли на этот пост, не скрывала зависти:

— Видела бы ты себя со стороны! Стоишь, прямая, как кипарис, а ружье словно бабочка порхает! Ощущение, что рук и не касается, само все делает!

— Если на задании оно еще и стрелять без моего участия будет... — бурчала Кара, разминая затекшие мышцы.

Остальные, вымотанные ежедневной муштрой, с ней соглашались.

Недовольство зрело исподволь, кто-то из отряда молча переносил самодурство лейтенанта, кто-то, как Кара, тихо бурчал, не принимая никаких попыток изменить происходящее. Но некоторые набирались смелости высказать все командиру в лицо. Вместо объяснений лейтенант привычно назначал наряды. Но руку на пульсе событий держал.

И, когда бунт практически назрел, он выстроил подчиненных на плацу.

Осень уже сорвала с деревьев всю листву, и ветер трепал застегнутую на все пуговицы и молнии форменную одежду курсантов. Сами они ёжились под его ударами, шмыгали покрасневшими носами, но старательно тянулись, выполняя команду «смирно». Лейтенант ходил вдоль строя, подмечая все огрехи.

Досталось всем. Высказав, что он думает о выправке отряда, приказал:

— Упор лежаче принять!

И начались бесконечные отжимания, которые сменились бегом вокруг плаца. Сам командир, против обыкновения, к подчиненным не присоединился. Стоял в центре площадки и покрикивал:

— А ну, выпрямились! Что вы как столетние деды горбитесь! И ноги волочите точно так же!

Курсанты старались, но, наконец, их силы закончились. Бегущие сначала замедлились, а потом стали падать. Один, другой... Лу покатила по жесткой земле третьей. Кара сумела продержаться до команды:

— Отряд! Стройся! Смирно!

Курсанты даже не подумали выполнять. Они просто старались удержаться на ногах.

Кару шатало, но никто из мужчин и не подумал поддержать девушку, сами едва с ног не валились.

— Бананы в уши вставили? Была команда «смирно»!

Кое-кто попытался выпрямиться. Лу, которую качало, словно не по земле шла, а по палубе попавшего в шторм корабля, добралась до отряда и встала в строй. Пот заливал глаза, в легких словно костер разожгли.

— Ты как? — выплюнула она в сторону подруги, стараясь не задохнуться окончательно, — Кара... Кара? Что с тобой?

Лейтенант обжег взглядом сначала крикунью, потом стоящую рядом девушку. И, выругавшись, кинулся к строю. Звук пощечины выстрелом прозвучал в сумеречной тишине.

Кара вздрогнула. Медленно подняла руку и провела по пылающей щеке. Понимание, что ударили именно её, пришло не сразу. Но мир снова обрел очертания и вернулась способность думать.

Кто-то схватил за плечи и с силой тряхнул:

— Курсант-рядовой Кара Хань! Внимание на меня!

Девушка с трудом сфокусировала взгляд на говорящем. Лейтенант?

— Ты меня слышишь? Стоять можешь?

Она кивнула.

— Курсант-рядовой, почему ты не остановилась, когда тебе стало плохо? Почему продолжала бежать?

— Приказа остановиться не было...

Лейтенант отступил и обратился к остальным:

— Встать в строй!

Курсанты, которых происходящее заставило нарушить приказ, тут же вернулись на место. Они почти восстановили дыхание, и только блуждающий взгляд Кары напоминал о пробежке.

— Курсант Кара Хань, выйти из строя. Можете сесть.

Девушка упрямо мотнула головой и не двинулась с места.

Лейтенант прошелся вдоль отряда, не сводя с неё глаз. Говорил тихо, так что все замерли, боясь пропустить хоть слово:

— Вы жаловались на муштру, на бестолковое повторение одних и тех же команд. На подготовку, которая, как вам кажется, не имеет смысла. Но вам именно что кажется! Те из вас, кто попадет в лейб-гвардию, будет сопровождать Его Величество везде и всюду, даже во внутренних покоях дворца. И на выездах, кода на свиту короля будут устремлены взгляды всего мира. Но, кроме того, именно на вас будет возложена функция встречи высокий гостей. Один неправильный жест, движение глаз, улыбка — в таких случаях все имеет значение. Все это должно стать для вас столь же привычно, как дыхание. И это не просто красивые слова!

Вы — солдаты прежде всего. А дело солдата — выполнять приказы. Те из вас, кто доберется до выпуска, станут офицерами. Но прежде, чем командовать, надо научиться подчиняться, только тогда вы сумеете действовать правильно и быстро. И вся эта муштра направлена еще и на то, чтобы научить вас не задавать вопросов. Тем, кто будет рядом в королевской семье, это особенно важно. Курсант Кара Хань, кажется, это поняла. На сегодня все. Разойдись! Курсант Лу Роис, присмотрите за поругой. Если ей будет плохо, проводите в лазарет.

— Так точно! — отчеканила Лу, но как только лейтенант отошел, прошипела: — Придурок.

Кара шла в казарме сама. Лу держалась рядом, готовая подставить руку.

— Ты что, на самом деле поняла смысл этой муштры? Все ради выполнения приказа? Ты сдохнуть там хотела только из-за того, что этот идиот приказал бежать?

— Я похожа на идиотку? — ухмылка искривила бледные губы девушки, — Я просто не хотела схлопотать очередной наряд. Драить туалеты вне очереди то еще удовольствие.

— Ну ты даешь! — расхохоталась Лу и тут же осеклась — шуметь в казарме строго воспрещалось.

— Слушай, — лежа в темноте, Лу все никак не могла уснуть, встревоженная случившимся на пробежке, — если служба в лейб-гвардии заключается только в том, чтобы носок тянуть... понимаю, почему лейтенант туда рвется... Непыльная работенка... Эй, ты что, уже спишь?

Кара не ответила. Лу прислушалась к ровному дыханию подруги и тоже закрыла глаза. Обе устали настолько, что до пробудки ни разу даже не повернулись, устраиваясь поудобнее. Но едва из динамиков зазвучал утренний сигнал, девушки подскочили, словно и не засыпали вовсе.

Лейтенант Байю прошелся вдоль строя. Раз, другой. Дождинки оседали на полиэтиленовом капюшоне, ручейками скатывались вниз и падали на высокие ботинки. Курсанты затаили дыхание, лихорадочно стараясь понять, что же ему не понравится на этот раз. И, когда он просто отдал приказ начать движение, вздох облегчения казался материальным. Дождь, пусть и сильный, казался такой ерундой по сравнению с командиром.

Пробежка. Завтрак. Полчаса, чтобы привести себя в порядок и добраться до аудиторий. Косой дождь стучал в окна, ветер завывал, стараясь найти вход в здание, и курсантам совсем не хотелось думать о тех, кто сегодня остался на улице.

— Ты знала? — Лу пытливо смотрела на подругу.

— Что — знала? — удивилась Кара. Она даже учебники раскладывать прекратила

— О том, что сегодня будет такая непогода. Потому и бежала, как от смерти? Сегодня кто-то другой на твоём посту ружьем крутит!

— Да ну тебя! — Кара собиралась еще что-то сказать, но дверь в аудиторию открылась, пропуская преподавателя. Курсанты замерли возле парт.

Пожилого майора в Академии любили. Он не прессовал курсантов, всегда был готов прийти на помощь... но спуска не давал.

— Дежурный, отметьте отсутствующих, — он привычно положил папку с лекциями на стол, — доклада не надо, садитесь.

Еще на первом уроке он заявил, что дисциплина — вещь очень нужная, но вбивать её курсантам в головы будут другие. Его дело — подготовить учеников в другой сфере. Поэтому он накажет тех, кто решится прогулять урок или не сможет ответить, но его предмет — политическая география, а не строевая подготовка.

На его уроках редко стояла тишина. Во время лекции — да, но стоило ей закончиться, как в аудитории поднимался гул голосов. Чем больше вопросов задавали, тем довольнее казался преподаватель. А если спросивший сам находил ответ, используя легкие подсказки, майор просто светился от счастья.

— Лу, ты заметила? Одним губами прошептала Кара.

— Что? — Лу старательно записывала за преподавателем, боясь упустить хоть слово.

— Он учит нас совершенно не тому, чему лейтенант!

— Ну да. Один по плацу гоняет, другой...

— Курсанты-рядовые Лу Роис и Кара Хань! Вам что-то непонятно? — прервал лекцию майор.

Девушки вскочили. В тишине класса громко хлопнули крышки парт.

— Никак нет! — звонко прозвучал дуэт подруг.

— В таком случае... еще одно замечание, и записка отправится прямиком к вашему куратору, — майор сделал пометку в блокноте, — Садитесь.

Лу скорчила в сторону Кары страшную рожицу. Подруга пожала плечами и уткнулась в тетрадь.

Но сама Лу её в покое не оставила. Подошла на перемене:

— Что ты имела в виду?

— Когда?

— Ну, на географии. О методах обучения...

— А! Ну вот смотри. Чего он нас лейтенант добивается?

Лу возвела глаза к потолку:

— Кто о чем, а лысый о расческе! Ну он же прямым текстом говорит: солдат должен выполнять приказы, не раздумывая! Вот вчера... Ой!

— Дошла? — усмехнулась Кара.

— Но... как же так? Один требует, чтобы мы роботами стали. А другой заставляет мозги включать... Ой, ладно. Я с ними с ума сойду! Кстати, ты в увольнительную то идешь?

— Если опять не накосячу, — вздохнула Кара, — Вечно у меня все не как у людей!

— Так пойдем, списки глянем, уже должны вывесить!

— Не успеем, вон, звонок.

По коридорам плыл протяжный звук гонга. Динамики транслировали его на все учебное крыло, и подгоняемые им курсанты спешили в аудитории.

Но, едва началась следующая перемена, подруги заторопились в холл. Там, на специальной доске вывешивались списки тех, кто заслужил увольнительную.

— Ну надо же! — искренне удивилась Кара, увидев там свою фамилию, — И я дождала до такого счастья!

— Я же говорила! — ликовала Лу, — Говорила же?

— Говорила, говорила...

— Что делать будешь?

— Да как-то не думала, — растерялась Кара, — не ждала ведь!

— Твои родители в командировке, да? Тогда... ты свободна? Со мной пойдешь!

— К...куда?

— Да, ой, звонок, побежали!

И только к вечеру подруги смогли вернуться в этому разговору.

— Так, ты что на выход оденешь?

— Ну... парадную форму. Чего смеешься? Курсанты мы, или нет?

— С таким подходом жениха ты себе не найдешь! — Лу лежала на кровати, после присутна смеха сил встать не было.

— Ржать хватит! Кстати, ты куда меня звала?

— Ну, понимаешь... — Лу села ровно и виновато посмотрела на Кару, — У меня

свидание вслепую. Но парней будет двое. Мне велели подругу привести.

— Я не пойду.

— Ну Карочка! Ну миленькая! Ты же не хочешь, чтобы я во цвете лет загнулась от одиночества? Да и тебе пара нужна.

— С чего ты взяла? — Кара даже замерла от неожиданности, — Мне и одной неплохо.

— Ну Кара!

Напол Лу оказался слишком мощным. Она продолжала уговаривать даже после отбоя. И Кара сдалась:

— Хорошо! Но если мне не понравится...

— То ты сразу уйдешь! — тут же согласилась Лу, — Только... не надо форму, хорошо?

— Да мне как-то больше и одеть нечего, — смутилась Кара, — Похудела я здесь, на целых два размера!

— Ой, правда? Счастливаяя! — протянула Лу, — Ну, это не страшно. Перед свиданием быстренько в магазин забежим, купим тебе что-нибудь подходящее! А теперь — спать! Завтра нам надо быть выспавшимися и красивыми!

Кара только вздохнула на бьющий ключом оптимизм подруги. Но спорить не стала. Спать, так спать. Тем более, что день выдался ничуть не легче, чем остальные.

Утро началось с построения. Но те, кто получил увольнительную, освобождались от пробежки, да и от марша в столовую. Лейтенант пожелал им хорошо отдохнуть и напомнил, что вернуться все должны до двадцати одного часа.

— Опоздавшие пусть пеняют на себя. Те, кто явится в непотребном виде — тоже. И если поступит хоть одна жалоба от патруля на поведение курсантов Академии... виновным лучше сразу застрелиться.

Сказал он это с улыбкой, больше напоминающий оскал, но курсанты даже не подумали рассмеяться: они подозревали, что их командир не шутит.

— Ну, и отличненько! — радовалась Лу, оказавшись за пределами Академии, — Сейчас быстренько в магазин, я тут знаю одно место, там такие тряпочки! Закачаешься!

— А может, не надо? Я вроде, прилично одета, — вяло отбивалась Кара.

— Прилично для чего? Для похорон? — Лу презрительно оглядела наряд подруги, — Хочешь сказать, тебе в этом уютно?

Не дождавшись ответа, подтащила подругу к ближайшему зданию. В высоком окне отразились две девичьи фигурки.

— Ну мрак же! Где ты вообще такое берешь? Черное, да серое... И прическа... Карочка, милая, мужчины глазами любят. Их надо внешностью своей покорять. Чтобы увидел, и сразу «АХ», и на земле! Прямым попаданием! Так что хватит ломаться, идем скорее!

Двери торгового центра распахнулись, пропуская девушек в царство шоппинга. Лу со знанием дела потащила подругу к эскалатору:

— Нам на третий. Там тааакой отдел есть! — она в восторге закатила глаза.

Кара пожала плечами:

— Лу, ты мне правду скажи, какого тебя в армию понесло? Да еще в Академию?

— Я же говорила: там можно найти хорошего мужа. Со стабильной работой и высокой зарплатой. Да и сама без дела не останусь. На мои хотелки знаешь, сколько денег нужно? О! Нам сюда!

С постаментов на посетителей отдела равнодушно взирали манекены, наряженные кто

во что горазд.

— Ты... уверена? — Кара задержалась у входа, но Лу решительно увлекла её вперед.

Минут через сорок Кара мрачно рассматривала себя в зеркале. Занавеска у входа в кабинку отодвинулась, и сияющая Лу хлопнула в ладоши:

— Потрясно выглядишь! Если вылечу из Академии, пойду на дизайнера учиться!

— Думаешь? — Кара повернулась, оглядывая себя со всех сторон.

— Знаю. Но чего-то не хватает... вот, нашла!

На плечи Кары, поверх бесформенного свитера улегся скрученный жгутом багровый шарфик.

— Вот, теперь отлично. Только... обувь нужна другая.

Кара мрачно поглядела на свои ноги. Ботинки на низком каблуке. Удобные, практичные...

— И чем тебе моя обувь не угодила?

— Грубовато. К этому наряду нужно что-то поизящнее, чтобы контраст был. Пойдет!

В обувном отделе подобрали ботильоны.

— Колодка неудобная! — пожаловалась Кара.

— Потерпишь, не сахарная. Зато красиво.

— Так что, я из-за этой «красоты» должна ноги гробить? Они у меня не казенные!

— Потерпишь! Так. Теперь прическа и макияж!

— Я тут салон видела, — робко указала направление Кара, но Лу не слушала.

— Где-то тут зеркало было...

Она подтащила подругу к квадратной колонне, облицованной зеркальной плиткой, и расстегнула заколку.

— Прямо здесь? — ужаснулась Кара, но Лу уже занялась её волосами.

— Жалко, обрезала ты их... Ну ничего, сейчас сделаем хвост... выпустим «завлекалочку»... — по обе стороны лица упали тонкие пряди, — Готово! Пошли дальше!

Кара уже перестала не то, что сопротивляться — вопросы задавать. Но, когда подруга остановилась возле косметического стенда и вооружилась кисточкой для пудры, попыталась возмутиться:

— У меня своя косметика есть!

— Ага. Я видела. Два оттенка теней да тушь. Стой смирно!

— Лу, ну кто его знает, кто этой кистью до нас пользовался? Их же не моют!

— Да ерунда все это! Всю жизнь так делаю. Стой смирно!

И Кара сдалась.

Напоследок Лу затащила её в парфюмерный отдел и долго выбирала пробник. А потом жестом фокусника распылила понравившийся на подругу:

— Они стоят, как крыло от военного самолета. Нам такие не купить... Ну, теперь пошли! А то опоздаем.

У выхода Кара на минут задержалась перед большим зеркалом. Потом в карих глазах появились искры. Усмехнувшись, девушка тряхнула головой, словно на что то решаясь, и заторопилась за подругой.

Небольшое молодежное кафе встретило гомоном. Лу притормозила у входа, кого-то высматривая. Потом достала телефон.

— Ничего не слышно! погоди, сейчас СМС-кой... О! Не надо! Вот и Рой.

К девушкам уже спешил молодой человек:

— Лу, привет! — они обменялись поцелуями, — я уж не надеялся!

— Извини, мы задержались немного. А это Кара. Едва уговорила прийти, так что должен будешь!

Парень протянул руку. Кара, чуть поколебавшись, пожала узкую ладонь.

— Ничего не должен! Ты даже не представляешь, кого я вам привел на растерзание! Ни в какую не соглашался. Упрямы, как баран.

— О! — рассмеялась Лу, — Кара, кажется, тебе пару нашли по характеру!

— Хочешь сказать...

— Пошли быстрее! — тут же соскользнула с нехорошей темы Лу и подхватила Кару под руку, — Рой, веди!

Узкий проход вихлял, как горная речка. Небольшие столики отделяли друг от друга пластиковые перегородки в виде штакетника. Низкие, так что перешагнуть можно, они были призваны воздать иллюзию привата.

Столик, забронированный Роем, прятался за ширмой из рогожи. Девушки Зашли за неё и замерли: прямо перед ними сидел лейтенант Военной Академии Нэй Байю.

Лу пискнула и отступила.

— Ты чего? — подтолкнул её вперед Рой, — Знакомьтесь! Намир, — рыжеволосый парень, сидящий в уголке, взмахнул рукой, — и Нэй.

Лейтенант не пошевелился. Только взгляд переводил с Кары на Лу и обратно.

— Садитесь, девочки. Сейчас еще Мира подойдет, только что звонила... и я вас оставлю тет-а-тет.

— Великолечно! — улыбнулась Кара и спокойно опустилась на стул прямо напротив лейтенанта, — будем знакомы! Я — Кара.

Намир тут же пододвинул к ней бокал:

— Вина? Или чего другого?

— Вина, — кивнула Кара, — Лу, ну что ты там?

Лу всхлипнула и медленно уселась на подвинутый Роем стул. Телефонный звонок заставил её вздрогнуть и прийти в чувство:

— Здравствуйте. Меня Лу зовут.

Рой чмокнул телефонную трубку и сообщил:

— Я побежал. А то вы миру знаете, опоздаю — мне не жить! Счастливо оставаться!

И он умчался.

За столом повисло напряжение. Даже Намир понял, что происходит что-то неладное и притих.

— Думаю, продолжать знакомство не стоит, — лейтенант поднялся, — Желаю приятно провести время.

— погоди! Нэй! Ты куда? — безуспешно попытался удержать его Намир.

— Да пусть идет! — махнула рукой Кара, — Мы и так неплохо повеселимся, да, Лу?

— Дд...а, — выдавила из себя девушка, провожая взглядом командира.

Намир оказался интересным собеседником. И пить умел. Он подливал в бокалы вино и рассказывал смешные истории, чутко реагируя на смену настроения. Но очаровать Лу так и не смог.

— Он милый, — вздыхала она, сидя в такси, — но лейтенант... Нет, ты видела, какое у него тело? В этой облегающей футболке...

— На кубики лейтенанта ты можешь вдоволь налюбоваться и в Академии. —

урезонивала подругу Кара, — По мне, так и хорошо, что ушел, хоть повеселились. А то своей постной миной...

— Ничего ты не понимаешь! — надула губы Лу, — Работа у него такая! А в неофициальной обстановке он мог раскрыться совсем с другой стороны!

— Тебя только это волнует? Лу, он старше по званию!

— Ну и что?

— А то, что ни ты, ни я не спросили его разрешения на отдых в том же кафе, что и он!

— Ой, и правда! — Лу задумалась на минуту, потом расплылась в улыбке, — Ничего нам не будет! И мы, и он были в штатском. А значит...

— А значит, будем ждать, чего там решит левая пятка лейтенанта, — не поделила её радости Кара, — Приехали, выходим.

Девушек чуть пошатывало от выпитого, но отпускникам позволялись некоторые вольности, если они не надевали форму и не выходили за рамки. Подруги быстро сбегали в душ, переоделись и дождались переклички.

Лейтенант прошел по коридору, проверяя, все ли курсанты на месте. Мимо Кары и Лу он прошел, даже не повернув голову. Только велел дежурному отметить, что явились они вовремя.

— Вот дает! — восхитилась Лу, — Даже голос не дрогнул!

— А чего ему дрожать? Мы порядок не нарушали, а свидания вслепую не запрещены, — Кара взбила плоскую подушку, — Давай спать. Знаешь ведь этого гада: на пробежке устроит какую-нибудь гадость, как обычно.

— Угумс, — согласилась Лу, — Такое чувство, что весь отряд ненавидит.

Но девушки ошиблись. Сигнал побудки прозвучал задолго до рассвета.

Дежурные отдали команду: построение в полной выкладке.

Лу тихо ругалась, подгоняя рюкзак. Кара соглашалась: бежать ночью, с тяжелым рюкзаком за плечами и в тяжелом бронежилете — то еще удовольствие. Особенно, после хорошо проведенного дня. Но спорить нельзя.

Девушки выскочили на плац в числе первых и перевели дух: если отряд и накажут, то не из-за них.

Лейтенант, навьюченный не меньше курсантов, стоял с секундомером. Но отряд уложился в точно отведенное время.

— Отлично! Приготовьтесь к марш-броску на сорок километров. Дежурные, раздать сухие пайки! Всем проверить экипировку! Чтобы ничего не болталось, не гремело и не натирало!

Курсанты получали сухпаек, укладывали его в рюкзаки и старательно выполняли приказ. Все уже знали, чем грозит плохо подогнанная экипировка на марш-броске. А лейтенант имел обычай за провинность одного изводить весь отряд. Быть причиной наказания не желал никто.

— Готовы? За мной!

— Какого черта, — ругалась Лу, когда ботинок пробивал тонкий лед в замерзших лужах, — Он что, специально где погрязнее выбирал?

— Не удивлюсь, — пыхтела рядом Кара, — но ты помалкивай, дыхание береги.

Вскоре уже не то, что разговаривать, а и поднимать голову, чтобы посмотреть, что впереди, сил не осталось — лейтенант задал слишком быстрый темп.

— Шевелите будками! Враг ждать не станет! Курсант-рядовой Глен, перечислите части

общевоинского защитного комплекта, а так же нормативы одевания!

Задыхаясь, курсант дал ответ. Но лейтенант не унимался:

— Курсант-рядовой Хань, виды боевых противогазов, отличие фильтрующего от изолированного. Быстро!

Кара едва легкие на дороге не оставила, перечисляя. Лу достались отличия гражданских противогазов от военных.

Неожиданный экзамен затронул всех! Лейтенант безжалостно «минусовал» не только за ошибки, но и если курсант не мог ответить из-за сбоя дыхания. И только, погоняв всех по теории, командир дал приказ остановиться:

— Пятнадцать минут на отдых. Время пошло!

Курсанты попадали, где стояли. Кто-то припал к горлышку фляги, кто-то просто сидел, уставившись в одну точку, кто-то пытался отдышаться.

— Это он мстит так! — прошипела Лу, стараясь, чтобы не услышал никто, кроме Кары.

— За что?

— Да за сорванный выходной. Вот представь: мужик уже настроился расслабиться, выпивки, девочки... А тут — мы, такие все красивые. Вот и озверел.

— Бред, — голос кары хрипел от напряжения, — остальные же не при чем. Хотел бы отомстить...

— Ага. Забыла его кредо? «Все за одного»? Вот теперь «все» и отдуваются.

— Да брось, — Кара протянула подруге флягу с водой, — скажи лучше, ты уже от своей любви излечилась?

Ответом ей был тяжкий вздох:

— Если бы! Какой он вчера был, в этой обтягивающей футболке!

— Какой?

— Сэксуальный, — Лу мечтательно закатила глаза.

— Мда, — Кара закрутила крышку и убрала флягу на место, — горбатого могила исправит. Видно, дурь марш-бросками не лечится...

— Да ну тебя! — обиделась Лу, — Лучше...

Договорить она не успела. Зычный голос лейтенанта прервал отдых. Курсанты поднимались на ноги и становились в строй: впереди маячил тяжелый день.

С шага переходили на бег, потом опять шагали. Обед «из баночки», разогретый на специальной горелке оказался не слишком противным. А может, это голод постарался, известно же, что он — лучшая приправа. К концу марш-броска отряд едва ноги волочил, и даже у лейтенанта на лице появились светлые дорожки — ручейки пота проторили их на покрытой пылью коже.

Возвращались, предвкушая отдых. Но командир дал лишь полчаса на то, чтобы привести себя в порядок и собраться на плаце.

— Как самочувствие? Живы?

— Так точно! — ответили хором, стараясь, чтобы эхо от крика разнеслось как можно дальше.

— Готовы к тренировкам?

— Так точно!

Прозвучало лихо, но челюсти у курсантов свело — мечты об отдыхе накрылись.

— Тогда сейчас — командная работа!

Длинные скакалки закрутились, задевая размякшую за день землю. Армейские ботинки

вязли в ней и с чавканьем вырывались на волю — курсанты старательно прыгали. Сложность заключалась в том, что прыгали не по одному: лейтенант разбил отряд на пятерки. Стоило хоть одному запнуться, и из соревнований выбывала вся команда. А проигравшие в эту ночь заступали на дежурство. Победителям же накидывалось полчаса личного времени.

Группа Кары и Лу зацепилась за скакалку третьими. И, усевшись в сторонке, девушки с интересом наблюдали, кто же победит. А потом дружным строем, под пение марша отправились в столовую.

Еды в глубоких подносах-менажницах хватило бы на троих. Но старшие по званию бдительно следили, чтобы курсанты не оставили ни кусочка:

— Эта еда не вами заработана! Имейте уважение к труду налогоплательщиков! Благодаря им вы можете обучаться в Академии и жить на всем готовом!

С ними не спорили. Тем более, что физические нагрузки требовали энергии. Съедалось все до крошки, до крупинки. Некоторые даже добавки просили. Им не отказывали — голодный солдат много не навоюет. А курсанты в первую очередь являлись солдатами.

После отбоя у подруг даже сил не хватило поболтать. Обе не заснули — отрубилась, едва добрались до кроватей. И утреннюю побудку встретили не только стонами и жалобами, но и крепкими выражениями.

Но на зарядку явились без опозданий.

Пробежка. Разминка. Завтрак. А после занятий в аудитории отряду велели явиться в тир. Длинные столы с аккуратно разложенным оружием тянулись вдоль стен.

Первая пятерка, выйти вперед!

Курсанты выполнили приказ. И получили маски, полностью закрывающие глаза:

— Разобрать оружие!

Детали одна за другой ложились на белый пластик столешницы. Когда на него опустилась последняя, последовал следующий приказ:

— Поменяться местами! Маски не снимать! Собрать оружие!

Бедолаги заволновались: они не знали, что именно лежит перед ними. Пытались что-то понять, ощупывая детали, но безуспешно.

— Маски снять! Собирайте!

С открытыми глазами все справились неплохо. Но лейтенант остался недоволен.

— Дай сюда, — забрал маску у ближайшего подчиненного, — смотрите и запоминайте!

Он двигался вдоль стола, разбирая нова собирая. Иногда оставлял детали лежать, и двигался к следующему. Потом возвращался. Но апофеозом стало, когда он сгреб все в одну кучу, а потом спокойно рассортировал снова.

— Вы должны уметь на ощупь определить, что пере вами: пистолет, охотничье ружье, обрез, автомат или снайперская винтовка. И работать с тем, что имеется. А теперь, первая группа — на линию огня!

Девушки отстрелялись не хуже, не лучше остальных. Разве что выстрелы Кары ложились кучнее, чем у подруги, да ближе к центру, чем у основной массы курсантов. Лейтенант долго рассматривал её мишень, потом отложил в сторону:

— Неплохо. На сегодня все, возвращайтесь в аудитории.

— Господин лейтенант, разрешите задать вопрос!

— Задавайте.

И курсант осмелился задать вопрос, который мучил всех уже несколько месяцев:

— Господин лейтенант, почему вы так рветесь в Лейб-Гвардию? Разве быть

наставником тех, кто туда попадет, не почетнее?

— Кру-гом! Шагом марш на занятия!

Опасаясь получить еще и нагоняй, курсанты сдержали вздох разочарования. Но теорий меньше не стало: от банальной жажды славы и денег, до «следования высокой цели».

— Он же сын сановника! Думаете, ему нужны деньги?

Девушки помалкивали, Кара — потому, что не любила обсуждать людей за спиной, а Лу просто слушала, не желая пропустить ни слова о своем обожаемом лейтенанте.

— Лу, это мезальянс! — посмеивалась над ней подруга, — Он дворянин, причем высшего эшелона!

— Настоящая любовь не знает преград! — вздыхала Лу.

— Любовь то да... Но думаешь, твой лейтенант осмелится жениться вопреки воле родителей? Милая, у них там все не как у людей!

— Да знаю я, знаю! — взрывалась девушка, — Но что я могу поделать?

— Они тоже — ничего. Ты же знаешь, благополучие страны зависит от высшего дворянства.

— Он, не надо! От королевской семьи оно зависит! От остальных — постольку-поскольку. Вот если король не уследит, тогда да, всем конец придет.

— Думаешь, они этого не знают? Потому и следят, чтобы не оступиться. Потерять все мало кто хочет. Поэтому... не мечтай о несбыточном.

— Но Кара... — Лу никак не желала остановиться, — Если все это правда... то противиться влюбленным — значит нарушать гармонию семьи, не так ли? Думаю, Его величество не захочет это делать. Если подать прошение...

— Лу! — голос Кары ударил, как хлыст, подруга даже отшатнулась, — Думай, о чем говоришь! Лейтенант тебя даже замечать не желает, а ты уже прошение решила подавать. Это раз. В два... он, хоть и дворянин, но к королевскому роду отношения не имеет. Его поведение на стране не отразится. По крайней мере, она это переживет.

— Вечно ты так, — решила обидеться Лу и до конце дня Кара не услышала от неё ни слова.

Но к выходным оттаяла окончательно.

— На свидание пойдешь?

— Опять? — Кара даже отжиматься перестала.

— А что? Пока молодая, надо и о будущем позаботиться!

— А как же лейтенант? И твоя любовь неземная?

— Любовь любовью, а обед по расписанию. Кстати, Рой сам удивился, что именно нашего лейтенанта на свидание притащил. Прощения просил.

Кара уселась на полу, скрестив ноги:

— Даже так?

— Ага. Говорит, он его давно знает... Представляешь, у нашего командира до сих пор девушки нет!

— А ты удивлена? Думаешь, будь он с девушкой, пошел бы на свидание?

— Да я не об этом, — отмахнулась Лу, — Он еще ни разу не встречался ни с кем дольше месяца! Не выдерживают подруги. А знаешь — почему?

— Ну, почему? — Кара вернулась к тренировке.

— А потому, что он кроме своей службы ни о чем думать не может! Ну какая девушка это выдержит? Ну вот и я подумала-подумала, и решила: у своего мужчины я должна быть на

первом месте. Я, а не работа!

— Не пожалеешь? — хихикнула Кара?

— Было бы о чем! Так что, если командир тебе нравится — забирай!

Руки у Кары подогнулись и она долго каталась по полу, хохоча во весь голос:

— Ну спасибо за подарок, подруга!

— Ну, я так понимаю, завтра ты со мной?

— Да с тобой, с тобой. А то опять куда-нибудь вляпаешься! В душ идешь? Или я первая?

— Да иди уже! — Лу достала зеркальце, — Я пока маску сделаю.

Вскоре Кара полюбила эти вылазки с Лу, подготовки, пробежки по магазинам. Само свидание она, по совету подруги, рассматривала как повод завести новые знакомства:

— Думаешь, они все туда приходят пару искать? Нет, кто-то и за этим, но большинство — развлечься. Так что не парься! Вот, держи, тебе эта помада тоже подойдет! Не шарахайся, новая! Недавно купила.

Единственное, к чему Кара так и не смогла привыкнуть, это к макияжу с рекламного стенда. Грязные кисти приводили её в ужас, и Лу, в конце-концов перестала переубеждать подругу:

— Ну и ходи, как серая мышка! Ты такую косметику в жизни себе не купишь!

Кара её понимала: родом из небогатой семьи, Лу отправилась покорять столицу в одиночку. Младший брат, который планировал поступать в медицинский институт, недавно родившаяся сестренка требовали немалых средств. Ясли, садик... И Лу как в омут кинулась в зарабатывание денег. Целеустремленности и работоспособности девушке можно было позавидовать, но судьба привела её в армию.

— А что? Жалование хоть не высокое. Зато стабильное! На одежду опять же тратиться не надо, все казенное. Можно о повседневных нарядах не думать. Думаешь, легко в офисе? Два раза в неделю в одной и той же блузке появиться нельзя. И обувь... Так я пару туфель купила, их на пару лет хватит, а то и больше, носить то особо некуда, только в увольнительные. Так что мне повезло, что я в Академию попала.

— Не повезло. Ты сама много для этого сделала. Абы кого сюда не берут, — Кара на самом радовалась за подругу, — а с твоим характером ты скоро на повышение пойдешь!

— Зато ты с твоим того и гляди, вылетишь! Следи за языком, сколько тебе повторять!

— Хорошо, хорошо!

Кара на самом деле училась молчать. И прятать взгляд. Давалось ей это тяжело, но дни складывались в недели, а те — в месяцы. И время помогало отработать навык.

Лейтенант привычно обходил строй курсантов. За прошедший год они изменились и уже почти походили на настоящих солдат. Только выправки не хватало. Той самой, что отличала элитные войска. Мелочь, но достигалась она суровыми методами:

— Выстройтесь вдоль стены! — махнул он в сторону ближайшего здания, — Затылок и пятки прижать, плечи развернуть! Лопатки касаются спины целиком! Руки свободно вдоль тела. Отлично. Стоим так ровно тридцать минут. Время пошло!

Первые семь минут стоять было несложно. Но уже через двенадцать тела, не привыкшие к статической нагрузке, начали жаловаться. Плечи опускались, головы отодвигались от стены, поза стала казаться жутко неудобной.

Но лейтенант сурово посматривал на часы. На циферблате ровно, как метроном, одна

цифра сменяла другую — секундомер был беспристрастен.

— Шаг вперед! Вольно!

Курсанты сдержали вздох облегчения: лейтенант не приветствовал открытого проявления чувств.

— Отныне это упражнение является для вас обязательны! Ежедневно, при любой погоде, вы будете тренировать выправку. Постепенно доведем время до полутора часов. Всем понятно?

— Так точно! — за время в Академии курсанты научились отвечать дружно, как один.

— До ужина у нас, — снова взгляд на часы, — ровно пятнадцать минут. Можете проверить списки на увольнение. В толовую не опаздывать!

Курсанты не верили своему счастью. Целых пятнадцать минут дополнительного личного времени!

— С чего он так щедр? — подозрительно косилась на прохаживающегося взад-вперед лейтенанта Лу, — Мне уже страшно.

— Что будет, то будет, — пожалала плечами Кара и подтолкнула подругу в спину, — давай скорее, а то там не протолкнешься!

У стенда собралась толпа. Девушки пробились к спискам и пристально всмотрелись в ровные столбики имен. Нашли свои и довольные отправились в столовую.

— У тебя все в порядке? Ты изменилась! — принц внимательно осмотрел сестру с ног до головы.

— Сильно? — принцесса кинула сумочку на пустой стул и уселась напротив брата.

— Сильно. Раньше ты так не одевалась.

— Только это? — девушка оглядела свой наряд. Очень короткие джинсовые шорты, белая борцовка, простые кроссовки, — Неужели ты думаешь, что тряпки могут меня изменить?

— Не тряпки. Чтобы надеть... это, — он несколько секунд подбирал слово, но так и не нашел, — нужно изменить свою психологию.

— Хорошо, — принцесса придвинула себе креманку с мороженым, — пусть так! Дома все хорошо? Как родители?

— Мама скучает. Ты ей хоть пиши почаще, раз уж звонить не можешь.

— А отец? Смирился?

— Ну, — принц грустно улыбнулся, — он пришел к выводу, что раз нет ни цунами, ни наводнений, ни засухи, то все в порядке. Правда, он до сих пор думает, что ты просто служишь в сухопутных войсках, где-нибудь при штабе. Если узнают правду...

— Тяжело секреты хранить?

— Тяжело, но я предпочитаю думать, как отец: в стране мир и порядок, а значит, все идет как надо, — принц вздохнул, глядя на то, как сестра совсем не по королевски облизывает ложку, — и все-таки ты сильно изменилась. Я буду надеяться, что это не приведет к катастрофе.

— Я тоже. Слушай, я еще мороженого хочу!

— Не простынешь? — принц придвинул сестер свою порцию.

— Не... Черт! Твой мотоцикл!

Принц стремительно обернулся. Сквозь стеклянную стену кафе хорошо было видно, как обнаглевший юнец пытается откатить большой мотоцикл со стоянки.

— Стой! Куда! — принцесса подхватила шлем и выскочила вслед за братом, — Если тебя узнают...

— А ну стой, засранец! — принц не слушал сестру.

От сильного удара паренек покотился по асфальту. Но из-за угла к нему на помощь кинулись друзья.

— Быстро! — принц моментально оценил обстановку и оседлал мотоцикл. Принцесса прыгнула на заднее сиденье и прижалась к брату. Двигатель взревел, и опускающаяся палка только скользнула по спине девушки.

— Цела?

— Да!

— Тогда держись крепче!

Мотоцикл летел по дороге, а на поворотах почти ложился на бок. Раз, дрыгой, третий...

— Почему мы убегаем? Мы же ничего плохого не сделали? — прокричала принцесса в ухо брату.

— Если меня узнают, то начнут выяснять, с кем я встречаюсь. Сама знаешь, на что способны журналисты. Вылетишь из Академии со свистом!

Принцесса промолчала, еще крепче прижавшись к брату. Тот снизил скорость:

— Кажется, далеко уехали.

И в этот момент прямо под колеса мотоцикла кинулась собака. А за ней на дорогу выскочила девочка. Принц среагировал мгновенно: мотоцикл лег на бок и покотился по дороге, сшибая столбики разделительной полосы. Его пассажиры покотились по асфальту. Принца спасла крепкая кожаная куртка, а вот за принцессой на дороге остался длинный кровавый след.

Машины метались, стараясь объехать людей и разбившийся мотоцикл. Ребенок догнал собаку и стоял, в ужасе прижимая щенка к себе. Кто-то из прохожих умудрился оттащить его из-под колес, обратно на тротуар.

Принц сидел на земле, Темное забрало шлема треснуло, но он не решился его поднять. А потом, когда увидел распластавшуюся без движения сестру, стало не до этого.

— Деля! Делечка! Очнись! Ты в порядке?

Голова девушки моталась из стороны в сторону, когда обезумевший от горя брат тряс её за плечи.

— Делька!

— Уходи... — рассеченные губы двигались с трудом.

— Жива... — принц осел на окровавленный асфальт, и тут же подхватился, — Вызовите скорую! И полицию!

— Уже, — отозвался кто-то.

Зеваки снимали аварию на телефоны, но на помощь не спешили.

— Уходи, — повторила принцесса, — тебя узнают!

— Но ты..

— А я буду в порядке. Да беги же ты, дурень! Скажу, что за рулем я была.

— Ты рехнулась? — и принц потянулся к шлему. Свое дело он сделал, голову спас. Но теперь превратился в помеху.

— Не смей, — сестра из последних сил перехватила его руку, — все разрушишь...

— Да плевать! Сейчас ты важнее. Деля! Не смей! — всполошился он, глядя, как глаза сестры закрываются, — Деля! Деля!!!!

Его крик заглушил даже сирену полицейской машины, что спешила к месту аварии.

Полицейские и «Скорая» подъехали одновременно. Врачи тут же начали действовать:

— Не мешайте!

— Да... Да. Она жива? Очнется?

Полицейский оттеснил принца от сестры:

— Как вас зовут? Предъявите документы, пожалуйста.

Принц почти не слушал, все его внимание занимала лежащая на носилках девушка. Её шею поддерживал корсет, и провода опутали фигурку разноцветной паутиной.

— Господин! — полицейскому надоело ждать, — Ваши документы. Вас уже осмотрели?

— Нет, — спохватился принц, — мы можем поговорить в вашей машине?

Служитель закона насторожился:

— Ваши документы!

Принц со вздохом протянул права. Рука полицейского тут же рванулась к козырьку кепи, но предостерегающий взгляд заставил её остановиться.

— Пожалуй, вы правы. Лучше поговорить в машине.

Беседа не затянулась. Рассказав, как все было, принц рванул к врачам.

— Ваше имя? — те немедленно кинулись осматривать жертву ДТП.

— Со мной все в порядке. Как она?

— Кто она вам?

Принц уже открыл рот, чтобы сказать правду, но не решился:

— Знакомая.

— В таком случае, вы должны знать её имя.

— У неё документы с собой.

Медсестра тут же расстегнула «молнию» на поясной сумке девушки.

— Да, во они, — квадратик полупрозрачного пластика переключал в руки врача, который заполнял документы.

— Ого! Курсант Королевской Академии! — восхитился тот.

— Курсант, курсант, — не выдержал принц, — Вы её в больницу везти собираетесь?

— Уже! Вы с нами?

— Конечно!

Кровь окрашивала салфетки, пропитанные дезинфицирующим раствором. Медики протирали раны и кидали буро-розовые тряпки в специальную емкость. Раны поглубже просто промыли и наложили повязки — в больнице ими займутся другие врачи.

Каждый поворот, каждый толчок автомобиля болью отзывался в израненном теле. Но принц думал не о себе. Он прислонился лбом к пальцам сестры и тихо молился.

— Очнись, маленькая... Умоляю... Очнись...

— Больно... отпусти!

Принц не сразу услышал. И вздрогнул когда понял, что этот полухрип принадлежит сестре.

— Она очнулась! Ей больно!

— Руку... отпусти...

Только теперь принц заметил, как сильно сдавил пальцы. Они побелели и девушка с трудом смогла согнуть и разогнуть их.

— Почему ты здесь? Придурок...

— Не разговаривай! — и, наклонившись к самому уху, прошептал: — Они не знают. Я

ничего не сказал..

— Убирайся!

— Что?

— Говорю, убирайся! — девушка закашляла, — Не порти мне все!

Вместо ответа принц повернулся к врачу:

— В какую больницу её везут?

— Ближайшая — «Рассвет». Или у вас есть другие предпочтения?

— Нет-нет, «Рассвет» вполне подойдет.

Эта клиника славилась хорошим оборудованием, и, хотя и держала цены на высоком уровне, от отсутствия пациентов не страдала. Да и хирурги считались опытными.

— Можете остановить?

— Что? — врач непонимающе уставился на странного сопровождающего.

— Остановите. Иначе она сейчас вскочит и начнет меня бить. Сами же видите, в каком она состоянии.

Врач усмехнулся и дал знак водителю. Автомобиль притормозил на обочине.

— Не беспокойтесь, все счета будут оплачены, — успокоил медиков принц и повернулся к сестре: — А в Академию я сообщу, так что лечись спокойно.

— Не смей, — что еще рычала принцесса, он не услышал — дверь отсекала все звуки.

В приемном покое девушка провела довольно долго. Врачи приходили по очереди, мяли живот, проверяли рефлексы. Потом назначили кучу обследований: ультразвуковое, МРТ, анализы крови... А когда все было готово, осмотр пошел на второй круг.

Наконец, когда у принцесса готова была вспылить, консилиум вынес вердикт: травм, несовместимых с жизнью, нет. Положить в отделение невропатологии и наблюдать.

Каталку вывезли из малой операционной, а вернее — процедурного кабинета, в котором перевязывали раны и накладывали под местным наркозом швы. Девушка лежала спокойно, пока её не развернули в сторону коридора. На дверями висели часы, и стрелки неумолимо приближались к половине седьмого.

— О Боже!

— Не вставайте! — попыталась удержать принцессу медсестра, но трубка капельницы закачалась, и из иголки потекла жидкость. Шейный корсет упал на каталку, а девушка торопилась к выходу:

— Лейтенант с меня три шкуры сдерет, если на построение не успею!

— Госпожа Хань, — медсестра успела взглянуть в карточку больной, — в Академию уже доложили о происшествии.

— Ну спасибо! Теперь мне точно конец!

Скрежет тормозов резанул по ушам. Таксист выругался, и зло обернулся на хлопнувшую дверцей девушку:

— С ума сошла — под колеса кидаться... Ох! — он заметил повязки, — Вам плохо?

— Мне будет плохо, если я опоздаю. Скорее! — и Кара продиктовала адрес.

Ровно без пяти восемь она стояла в шеренге. Лу, видевшая бинты и ссадины, тревожно косилась на подругу:

— С тобой точно все в порядке будет?

— Не сахарная, не растаю...

— Но и не железная, — бормотание Лу прервал лейтенант.

В этот раз он не стал устраивать переключку. Обежал взглядом строй и велел:

— Курсант-рядовой Кара Хань, выйти из строя!

Она сделала шаг. Качнулась влево, но тут же выровнялась, вытянувшись по стойке «смирно».

— Вижу, у вас не все так плохо, как мне врачи сказали, — голос лейтенанта дрожал от едва сдерживаемой ярости, — сил еще достаточно. Позвольте напомнить, вы являетесь курсантом Высшей Королевской Академии. А значит все, что вы делаете, отражается на ней! Все! Хорошее или плохое. Что у вас произошло? Что за авария?

— Собака на дорогу выскочила, господин лейтенант. А за ней — ребенок.

— Собака, говорите? А мне кажется, там что-то другое. И если это «другое» подтвердится...

Голос лейтенанта то приближался, гремя в ушах набатом, то отдалялся, почти затихая. Кара не могла понять, почему командир вдруг изменил привычке говорить четко и ясно, почему бубнит что-то себе под нос? И окружающий мир с ума сошел — окружающее словно выцвело, потеряло яркость, а после и вовсе пустилось в пляс.

— Кара Хань! — лейтенант в два прыжка оказался возле упавшей девушки. Похлопал по щекам, прислушался к дыханию.

— Разойдись. До отбоя — свободное время. Из казарм — ни ногой. Ты, — кивнул Лу, — за мной.

Он почти бежал, торопясь в лазарет. Уложил девушку в полевой форме прямо поверх простыней, не думая о чистоте. И ужаснулся: их белизна страшно перекликалась с бледностью Кары.

Врач проверил зрачки, дыхание, расстегнул верхнюю пуговицу куртки и прослушал сердце:

— Что с ней? — спросил, не оглядываясь.

— Она сегодня попала в аварию. Сбежала из больницы. Я сейчас принесу документы, которые мне передали.

— Поскорее, пожалуйста. И разуйте её. На кровати, в ботинках...

Лу кинулась распутывать шнуровку. Потом сняла с подруги куртку, кепи, укрыла простыней.

Лейтенант вернулся быстро. Врач просмотрел документы и нахмурился:

— Вы свободны, лейтенант. Вы тоже, курсант-рядовой.

— Что с ней? — не удержалась от вопроса Лу. Лейтенант нахмурился, но не одернул и вопросительно уставился на врача.

— Судя по документам, последствия сотрясения. Возможно, придется переводить в госпиталь. Точнее будет ясно завтра. Всего хорошего, господа.

Принц просматривал страницу за страницей. Планшет мерцал то красным, то голубым, то желтоватым — в зависимости от сайта.

— Нам удалось заблокировать все видео. В новостях происшествие тоже не появится.

Секретарь положил перед принцем бумагу. На нем виднелись столбики цифр.

— Потрудишься, чтобы это — Его Высочество подписал счет, — тоже осталось в тайне.

— Разумеется, — листок вернулся в папку.

Принц потянулся всем телом и заложил руки за голову.

— Всю ночь работал?

Секретарь улыбнулся:

— Так заметно?

— Глаза выдают. Ты редко так выматываешься. Сегодня никаких важных дел не намечено?

Вместо ответа из папки появился еще один листок:

— Ваше расписание.

— Так... благотворительный концерт... ужин с послом... Ну, с этим и без тебя справлюсь. Иди домой, отдохни...

— Но Ваше Высо...

— Считай это особым поручением. Иди, иди скорее.

Едва дверь за секретарем закрылась, принц кинулся к вешалке. Сменил костюм на джинсы и толстовку, накинул куртку с капюшоном. До концерта оставалось около трех часов. Вполне достаточно.

— Как это — ушла? Куда?

— Не знаю, она не докладывала, — медсестра приемного отделения никак не могла объяснить посетителю, что его родственница отказалась от лечения.

— Но хоть диагноз узнать можно?

— Это не в моей компетенции. Тем более, — она пролистала журнал, — мы все уже передали опекуну госпожи Хань.

— Опекуну? Какому?

— Лейтенанту Высшей Военной Академии Нэю Байю.

— Благодарю, — принц чуть растянул слова, чтобы скрыть недоумение. А выйдя из больницы, дал волю ярости: — От лечения она отказалась! Ну, Делька...

Телефон отозвался длинными гудками. Принц считал:

— Один, два... три... Делька, возьми трубку! Не возмешь, я приеду в Академию и гори все огнем!

Она взяла на восьмом.

— Да?

— Уф. Ты спала, что ли?

— Ну да. В кои-то веки спать можно от пуза, а тут звонят, будят...

— Ты что вчера учудила?

— Ты о чем? — судя по бодрому голосу, упоминание об аварии прогнало остатки сна.

— О больнице. Зачем сбежала?

— А ты бы не сбежал? Лейтенант...

— ты своим лейтенантом мне все уши уже прожужжала. Еще раз пожалуешься, и я приму меры! Отправится твой обидчик на границу рядовым. За что разжаловать — найду. Сама как?

— Говорят, сотрясение.

— Что? Ты где сейчас? Я приеду!

— Не смей! — застерила Кара, — Тебя тут каждая собака знает! Сорвешь мне операцию...

— Да плевал я на твои тайны! У тебя травма, и ты не в больнице!

— Не паникуй. В лазарете я. Обмотана капельницами, как киборг проводами. Еле уговорила врача оставить меня здесь. Но он ругается, сказал, малейшее подозрение на ухудшение, и поеду в госпиталь, как миленькая. Братик! Миленький! Мне нельзя в госпиталь!

— Поговори мне еще! — прикрикнул принц, — Значит, так. Я на телефоне. Но не приведи судьба узнаю, что ты от меня что-то скрывает...

— Не-не-не! — затараторила принцесса, — Ничего не скрываю. И не буду. Ну брааатик! Ну пожалуйста.

— Доиграешься. Деля, если что — сразу звони. Нам твоё геройство не нужно, нам ты нужна. Живая и здоровая.

— Да, да, да. Договорились! Ой, лейтенант идет! Я потом позвоню.

Соединение прервалось. Принц улыбнулся, глядя на темный экран. И заторопился в дворец.

Кара отложила телефон. Говорить с братом не хотелось, вот и соврала.

— И вправду, пришел бы! Хоть какое развлечение!

Но вместо лейтенанта явилась медсестра. Проверила капельницы, подала таблетки и проследила, чтобы больная проглотила их все.

— Обед скоро? — поинтересовалась Кара.

— Скоро. Голодной не останешься, прямо в палату принесут.

Кара вздохнула:

— Как в одиночной камере здесь.

— Ну а что ты хотела? Постельный режим... А не надо было головой биться.

— Что верно, то верно... Ой, Лу!

— Привет, подружка! Отдыхаешь? — вместе с Лу в палату ворвался запах улицы и пороха.

— С ума схожу. Ты со стрельб, что ли?

— Ага, этот... изверг, — подобрала она слово, — такое нам устроил. Ну, да ладно, он всегда гадости устраивает. Ты как? Голова не кружится?

— Кружится. И спать хочется. Скучно. Лу, ты бы хоть книжку какую принесла, мой планшет отняли, а с телефона неудобно читать, глаза устают.

— Принесу. Только... до увольнительной подождешь? А то в местной библиотеке только устав найти можно.

— Ну, в увольнительную уже вместе пойдем. Думаешь, я тут надолго застряну?

— Это в какую увольнительную вы собрались, курсант-рядовой?

Лу пискнула и вытянулась, отдавая честь.

— Вольно. Курсант-рядовой Роис, вы свободны.

Кинув полный сочувствия взгляд на подругу, Лу испарилась. Кара осталась один на один со своим кошмаром.

— Итак, куда это вы собрались? Судя по заключению врачей, к занятиям вы сможете приступить не раньше, чем через полтора месяца.

— Никак нет. Я планирую встать в строй по истечении недели, господин лейтенант.

Нэй поморщился. Кара с трудом сдержала улыбку — вывести командира на проявление эмоций...

— Вы увидели что-то смешное?

— Никак нет!

— Скажи, Кара, — девушка напряглась. По имени к подчиненным лейтенант обращался очень редко, — это на самом деле была собака?

— Ребенок, господин лейтенант. Тормозить на трассе ради собаки... чревато.

— Кто был за рулем?

— Брат, — не стала врать Кара.

— Брат? — брови Нэя поползли вверх, — Но в личном деле указано, что вы — единственный ребенок.

Кара прикусила язык. Она совсем забыла об этой «мелочи»! Но тут же нашлась:

— Названный брат. Мы росли вместе, — и уставилась на командира, ожидая, поверит, или нет. На всякий случай завела руку за спину и скрестила пальцы — на удачу.

Лицо лейтенанта осталось бесстрастным. Но вот взгляд... взгляд изменился. Теперь он смотрел на неё, как на насекомое. Вроде и надо прихлопнуть, да вреда не приносит... пусть ползает.

— Впредь потрудитесь называть вещи своими именами, курсант-рядовой. Желая скорее поправиться и вернуться в Академию. Если пропустите слишком много, вас отчислят.

— Так точно! — согласилась Кара. Отвечать не по уставу желания не возникло. В-первых, за год выработалась привычка, а во-вторых... Во вторых её не покидало чувство, что она и без того сказала много лишнего.

— Да, чуть не забыл! — лейтенант уже открыл дверь, но вернулся. На одеяло легла книга, — Надеюсь, она поможет.

Кара не верила глазам. Смотрела то на книгу, то на командира. Все, что смогла сделать, выдавила:

— С...спасибо.

И получила в ответ:

— В госпиталях, особенно таких, скучно. А это не способствует выздоровлению. Ваша же задача, как курсанта и солдата, как можно скорее вернуться в строй. Все это — он обвел рукой палату, указав на капельницы и бинты, — деньги налогоплательщиков. Мы не имеем права тратить их впустую.

— Пф, — пробормотала Кара ему в спину, — Как будто Академия не содержится на личные средства королевской семьи!

Санитарка принесла обед, но девушка все не могла успокоиться:

— Это меня, меня! деньгами попрекает. Да я на армию потратила больше, чем он за всю свою жизнь заработает! Умник нашелся.

Но постепенно возмущение утихало. Когда дело дошло до компота, мысли Кары потекли в другом направлении:

— Нельзя волноваться. И ругаться нельзя. Тем более, за глаза. И на стране отразиться, и поправиться не поможет. Раз, два, три...

Она считала медленно, совмещая дыхательную гимнастику с медитацией. Голова тут же взбунтовалась: окружающие предметы затеяли хоровод.

Кара терпеливо переждала приступ. Но и после не решилась подняться. Взгляд упал на книгу.

— Интересно, что он притащил? Не очередной устав?

С обложки улыбалась девушка в платье с открытой спиной. На заднем плане скрестили мечи два кавалера. У одного из-под плаща выглядывал хвост, другой имел острые уши.

— Он такое читает? — Кара повертела книгу в руках, вчиталась в аннотацию, — Да ладно?

Свежие, не измятые листы пахли типографией.

— Специально, что ли купил для меня? Приятно, но... он это серьезно?

— Сама с собой разговариваешь? — в палату вошел врач, — Не очень хороший признак!

Голова не болит?

— Кружится, — доложила Кара.

— Так она и будет кружиться. А это что у нас? Книга? Знаешь, тебе бы лучше сейчас воздержаться, хотя... хотя такое чтиво в самый раз будет, мозги не загрузит, они отдохнут... Но все же соблюдай меру!

Врач осмотрел раны, заглянул в оба глаза, подсвечивая себе фонариком, проверил рефлексy.

— Ну что могу сказать, не все так плохо. С месяцок полежишь...

— Месяц? — Кара ухватилась на матрас, чтобы не упасть — от резкого движения её повело в сторону.

— Тише, тише! Это в лучшем случае. Так что наберись терпения. Читай вот. Отдыхай.

Кара недоуменно переводила взгляд с полуголой девицы на обложке на закрывшуюся дверь.

— Они что, сговорились?

У Лу на этот счет было другое мнение:

— Вот очень ты... неприятная! Тут стараешься, изучаешь их, себя в тонусе держишь... и хоть бы цветочек подарили! А тут книжка! Её «по пути» не купишь, специально в магазин идти надо. И ведь пошел! И выбрал! И купил! Заметь, без всяких усилий с твоей стороны. Всего-то надо было в лазарете денек поваляться!

— Поменяемся? — тут же предложила Кара.

— Заманчиво, — усмехнулась Лу, — и все же — откажусь. Мордочку портить не хочется!

Кара осторожно провела по щеке кончиками пальцев:

— Они клянутся, что шрама не будет.

— Ну конечно, не будет! — кинулась утешать подругу Лу, — Просто кожу немного содрала. В крайнем случае, соберем тебе денег на пластику!

— Ну, спасибо!

— Да пожалуйста. Ой, — спохватилась Лу, — мне пора! Пока, подруга! — она поцеловала ладонь и помахала, прежде, чем скрыться за дверью.

Кара доковыляла до окна. В открытые окна вырвался воздух, пахло землей и зеленью. Издалека доносились голоса — за решеткой лазарета кипела жизнь.

Спина слегка заныла — мышцы привыкали к пластику. Возвращаться за подушкой Кара не стала, корка на ссадинах трескалась при малейшем движении. Да и тело ломило, хотя уже прошло несколько дней.

Книга оказалась полной ерундой, но Кара честно читала страницу за страницей — делать в палате все равно было нечего.

Её жалобы на скуку врач пропускал мимо ушей, но на десятый день сообщил:

— Послезавтра у тебя консультация у невропатолога.

Так Кара не волновалась и перед вступительным экзаменом! От вердикта врача зависело очень многое: одним росчерком пера её могли признать негодной к службе.

Явившийся поддержать подопечную лейтенант только накалил обстановку.

— Врач сказал, что у тебя дополнительные обследования. Надеюсь, все будет в порядке.

— Я тоже... — Кара отложила книгу и подалась навстречу гостю: скука сводила с ума, а тут хоть какое разнообразие.

— Тебе понравилось?

— Да, — с раннего детства Каре вкладывали в голову понятия о тактичности, — Довольно... любопытно.

Что еще сказать, она не знала. А лейтенант молча ждал продолжения.

Неловкость замял телефон. Затренькала, завибрировал на тумбочке. На зеленом фоне высветилась надпись: «Братик».

Нэй успел прочитать, Кара видела, как расслабились напряженные губы. И прошептала в трубку:

— Привет. Я занята, потом перезвоню!

Лейтенант уже неприкрыто улыбался, но заметив взгляд Кары, снова посерьезнел:

— Если все хорошо, я пойду. Отдыхай.

— И чего приходил? — спросила Кара у закрывшейся двери. И набрала номер.

— Это я. Докладываю: температура по палате нормальная, комнатная!

Брат звонил каждый день. Уговаривал пройти обследование в хорошей клинике:

— Я все устрою, никто и не узнает, что это ты. Ну, Делька?

— Кара! Называй меня Карой! Вдруг кто услышит!

— Не сердись... Кара. Ну так что?

В этот раз она обрадовала брата новостью:

— Послезавтра к невропатологу. А потом — по ситуации. Так что пока отбой.

— Обещай, если что...

— ... то первым, кому я позвоню, будешь ты. Как родители?

— Скучают. Знала бы ты, чего мне стоило уговорить их не звонить тебе на личный телефон! Нам это аукнется!

— Ну, за этот год ничего страшного не случилось? Ни наводнений, ни засухи... Так что все хорошо. Спасибо, братик! Целую тебя.

В госпиталь Кара собиралась, как на свидание: начищенные ботинки, отглаженная форма. Заставить медсестру пронести в палату уют оказалось нелегко, но переговоры прошли успешно: Кара пообещала принести фото Наследного принца с автографом. Понимала, что брат не обрадуется, но не являться же миру в мятом!

— Готова? — врач подхватил папку с документами: амбулаторной картой, результатами исследований, бланками анализов, — Тогда пойдём. Твои документы у командира, — пояснил сам, хотя Кара ни слова не сказала.

Вместо спецмашины у крыльца ждал легковой автомобиль. На месте водителя сидел лейтенант. Солнце рождало на лобовом стекле сотни бликов, мешая рассмотреть как следует, но как не сомневалась: он смотри прямо на неё. Иначе отчего так в потели ладони, и хочется вытянуться в струнку, как на смотре?

— Лейтенант Байю все равно в город едет, — неправильно понял её врач, — Проще с ним добраться, чем кучу бумажек заполнить. Ну, чего встала? Садись?

Неожиданно лейтенант шел из машины и сам открыл дверцу:

— На заднем сиденье не укачивает?

— Нет, — выдавила Кара и нырнула в прохладное нутро. Врач уселся рядом с водителем.

До госпиталя ехали молча. Так же молча высадились у ворот — пропуска для въезда на территорию у лейтенанта не было.

— Голова кружится? — врач по-своему понял замешательство Кары.

— Нет, все в порядке, — она закинула на плечо рюкзак с личными вещами и вошла в ворота.

Невропатолог подошел к обследованию серьезно. Он прогнал Кару на обследования. Из всех аппаратов она узнала только махину МРТ, а над остальным даже голову ломать не стала. Куда больше мудреной техники её занимал диагноз.

— Ну что, — врач пролистал стопку заключений, — вы перенесли сотрясение мозга, предварительный диагноз подтвердился. К счастью, лечение оказалось своевременным и верным.

— Так я теперь здорова?

— Почти. — врач задумчиво покивал и еще раз взгляделся в цифры на бланках. — Вам необходим покой.

— Если я пропущу слишком много, меня отчислят! — взмолилась Кара.

— Для вас служба в армии так важна? — взгляд врача походил на рентген, — Вы готовы даже собственное здоровье поставить на кон?

— У меня нет другого выхода.

— Академия... Там тоже не звери преподают. Я напишу освобождение от физической нагрузки рекомендации избавить от ночных дежурств. Скажем, на месяц. А потом, если не ошибаюсь, у вас начнется очередной отпуск?

— Так точно!

Кара не верила своему счастью и напряженно наблюдала, как врач что-то пишет на бланках.

— Вот, это передайте командиру. А это — врачу Академии. И вот еще... — перед Карой легла стопка рецептов, — в отпуске вам придется все это принимать. И отдыхать! Как можно больше! Если есть возможность выехать к морю...

— Есть, — улыбнулась Кара, — но позвольте вопрос: почему вы это делаете? Насколько я знаю, учащимся Академии редко делают поблажки, даже по состоянию здоровья.

— Особенно по состоянию здоровья. — поправил врач. — У вас глаза горят. Вы любите то, чем занимаетесь. Ну, а кроме того... красивая девушка наверняка украсит Лейб-Гвардию! Только представьте: мундир, черное с золотом! Кивер, украшенный галуном! На налобнике — герб Его Величества... Вы будете великолепны!

Поверх стопки бланков лег еще один. Кар не глядя, сунула их в рюкзак.

— Надеюсь, мы еще увидимся, — невропатолог проводил пациентку до двери. Она улыбнулась, отвечая на рукопожатие:

— Все может быть.

Своего врача Каре пришлось ждать в холле — он получал лекарства, относил начальству рапорты, отчитывался о делах в Академии.

— Ну, как у тебя дела? Что сказали? Давай карточку, погляжу. Может, какие-то вопросы возникнут, так решу, пока здесь.

Кара достала бумаги.

— Вот.

— А это что? — врач протянул ей бланк. Тот, который невропатолог отдал последним. На нем, по диагонали, от угла к углу, пролег ряд цифр — номер телефона.

— А ты пользуешься спросом!

Каре стало жарко. Она боялась взглянуть на спутника, пока прятала бумажку в самый дальний карман рюкзака — урны поблизости не наблюдалось.

— Так, это сюда... Это — туда... — врач раскладывал документы по папкам, — А знаешь, все не так плохо. И каникулы скоро. Ты голодная? Пошли, поедим. Нэй звонил, он еще не скоро освободиться.

Торговый центр, что расположился через дорогу от госпиталя, распахнул стеклянные двери. В витринах красовались манекены. Эскалаторы сновали вверх-вниз. На экранах крутили рекламу.

— Кафе на втором этаже, — сообщил Каре спутник.

— А может, на фуд-корт? — в последнее время ей нравились такие незамысловатые забегаловки с вредной, но очень вкусной едой.

— Смотри, с гастритом я тебя лечить буду. Твой поклонник на других болезнях специализируется.

Кара сделала вид, что не услышала и шагнула на эскалатор.

У врача в сумке нашлись антибактериальные салфетки:

— Держи!

— У меня есть, — Кара продемонстрировала тюбик с антисептиком, — всегда собой ношу.

— Здравая привычка! Ну, где заказывать будем? И никакого спиртного!

— Пицца. Кофе. И мороженое!

— Как скажешь! Какую пиццу?

— Я сама закажу, — Кара направилась к прилавку, — пожалуйста, с морепродуктами. И морской коктейль!

Врач с сомнением посмотрел на тарелки на подносе Кары, но пугать последствиями не стал. Мало того, себе заказал то же самое. Только без мороженого.

Ели молча. Кара смотрела по сторонам, наслаждаясь отдыхом. Звонки привлекали внимание посетителей, и в воздух взмывали флажки с номером заказа. Вокруг шумели дети, школьники смеялись слишком громко для общественного места, но это не напрягало.

— О чем задумалась?

— Странно. Раньше я считала, что отдохнут можно только в тишине, когда рядом никого нет... А сейчас вокруг круговерть, а я ощущаю покой.

— Смена обстановки. Ты вернулась в давно забытое, связанное с детством. Родители же водили тебя в детские кафе? Ты резвилась на площадках, в потом ела мороженое, сидя вот так, за столиком в центре толпы. Тебе было хорошо, вот подсознание и связало настоящее — с прошлым. Это нормально.

Кара улыбнулась. Детские кафе. Да, собеседник прав — она была счастлива, когда родители выводили её «в люди». Только ни шума, ни гомона, ни прыжков на батуте это не подразумевало.

Мелодия, напоминающая набат, выдернула её из воспоминаний.

— О! — Врач взял трубку, — наш таксист звонит! Нэй! Мы в торговом центре. Как это — что делаем? Обедаем! Не присоединишься? Ну, как знаешь. Ты подъедешь, или нам выйти?

И пояснил Каре:

— Злой он что-то. Наверное, начальство выволочку устроило. Или с отцом виделся. Ну, доела? Пойдем, а то он нас сожрет, и не подавится.

В это Кара поверила.

Машину лейтенанта узнала сразу — тот подогнал её к центральному входу.

— Да мы как VIP! — рассмеялся врач и открыл дверцу. — Кара, ныряй! Нэй, что-то случилось?

Всю дорогу он пытался разговорить приятеля. Но лейтенант мола смотрел на дорогу, изредка вставляя реплики голосом, способным заморозить океан.

Кара вжалась в сиденье, радуясь, что после поездки отправится в лазарет, а не в казарму: сегодня отряду не позавидуешь.

— Нэй, представляешь, Кара себе даже в госпитале поклонников найти умудряется! Ей уже врачи телефончики подсовывают!

Кара захотелось выйти, невзирая на скорость. А врач все не унимался:

— И ведь бабником его не назовешь! Всегда серьезно к отношениям... Эй, Нэй, ты чего?

Кара решила посмотреть в зеркало. И поняла, что лейтенант смотрит не на дорогу...

Стало жарко, да так, что испарина выступила. Но Кара скорей бы умерла, чем расстегнула куртку при командире. Даже кепи снять не решилась. Но мучилась она не долго: жар сменился холодом. Озноб остудил тело, проник до самых костей и заставил их заледенеть.

— Ты, Кара, только не... — врач, не заметив этот обмен взглядами, повернулся к девушке и осекся, — Эй, что с тобой! Нэй, останавливай! Живо!

Машина вильнула к обочине. Мужчины выскочили одновременно.

— Господи, да у неё губы посинели. Ты что, замерзла? Дай руку... Пульс частый. Черт, я фонендоскоп не взял! — врач рванул ворот куртки.

Пуговицы раскатились по асфальту.

— Футболка мокрая. Дура, почему сразу не сказала, что плохо?

— Что с ней?

— Похоже на стресс. Отсроченная реакция? — пробормотал себе под нос и велел: — Поворачиваем. Ей нужно лечение посерьезней.

Кара замотала головой:

— Не надо в госпиталь... в Академию...

— И чтобы тебя там шарахнуло? Нет уж...

— Я... сейчас.

Ноги не держали. Опираясь на руку врача, Кара доковыляла до машины.

— Эй! Это моя сумка!

Кара не слушала. Открыла крышку с бутылки с хлебнула.

Виски обжег язык, живым огнем пробежал по пищеводу и запылал в желудке. Озноб мгновенно исчез, в ушах зазвенело от пустоты.

— Ты хоть знаешь, сколько оно стоит? Настоящее же! — обиженно бормотал врач.

Но возвращать бутылку кара не собиралась.

Еще один глоток, и стало совсем хорошо. Предметы приобрели дополнительный объем, звуки — глубину...

— Дай-ка... — лейтенант одним движением выкрутил из рук бутылку и толкнул девушку в машину. — Заблудись салон — сама отмывать будешь!

2

Врач оказался мягче:

— Ты как? Тебе легче?

— Спать хочу! — Кара поудобнее устроилась на сиденье.

Лейтенант поинтересовался:

— Может, выключить кондиционер?

— Не нужно, духота может спровоцировать новый приступ.

Нэй хмыкнул и заглянул в машину. Кара спала, подложив под голову куртку. Во сне черты лица стали мягче, суровость исчезла, словно макияж смыли. Губы расслабились и казались чуть полнее, чем обычно. Розовые. Мягкие.

Нэй сглотнул и снял куртку. Кара тут же перестала ежиться, раскрылась. Нэй прислушался: с заднего сиденья доносилось ровное сопение. Всю дорогу он посматривал в стекло заднего вида, но не для того, чтобы увидеть дорогу.

Температура держалась три дня. Кара извелась. Тело ломило, в голову словно ваты напихали. Озноб сменялся жаром, и только уколы ненадолго снимали состояние «невесомости».

— Ты просто подхватила вирус. Ну вот как умудрилась? — врач каждый раз брал термометр так, будто он мог укусить, — Летом! Я бы понял ангину, но грипп?

Кара не слушала. Заворачивалась в одеяло, и проваливалась в сон — там было легче.

Карантину она радовалась — сил видеть даже Лу не осталось. Читать тоже не могла, глаза как будто ложкой из глазниц выковыривали. Но, как только температура вернулась к норме, начались другие мучения: Кара с ума сходила от безделья.

— Ну что ты мечешься? Не выпущу я тебя отсюда, пока карантин не закончится. Ты же мне всю Академию перезаразишь! Хорошо, лейтенант здоров, не успел нахвататься.

Нэй приходил каждый день. Стену в палате заменяло стекло. Жалюзи от пола до потолка давало слабое ощущение привата, но правила никто нарушать не собирался.

Лейтенант никогда не останавливался рядом с лазаретом. Только звук шагов замедлялся. Кара быстро научилась выделять их из множества других. И силуэт напротив окна. Нэй всегда поворачивал голову, хотя не мог увидеть, что происходит в палате.

Еще Кара скучала. По безбашенным однокурсникам, по Лу, по её безумным прожекткам. Даже по тренировкам. Но день выписки совпал с приказом: по ходатайству лейтенаната Байю курсант-рядовой Кара Хань отбывала в очередной отпуск досрочно, в связи с необходимостью дополнительного лечения.

Горничная сервировала завтрак. Её Высочество Адель ас Кармина, принцесса Логская лениво наблюдала за действием, сидя на диване. Ветерок, врываясь в распахнутые окна, наполнял столовую запахом океана.

— Ваше Высочество, завтрак готов.

— Опять каша? — Адель подошла к столу. Горничная тут же отодвинула стул.

— По рекомендации личного врача королевской семьи всем на завтрак подается молочная каша...

— Знаю, знаю... — Адель поковыряла ложкой в тарелке, — Новостей нет?

— Пока нет. Место для отдыха Их Величеств еще не выбрано.

— Так и отпуск пройдет... — девушка добавила в кашу сахар, — Что? Со мной что-то не так?

— Прежде вы не любили сладкое, — улыбнулась гоничная.

— Привычки меняются. Ну что еще?

— Простите, — отвела взгляд служанка.

— Нет уж, говори!

— Ваши волосы. Такое богатство...

— В армии они только помеха, — пожалала плечами Адель, — Да не переживай ты так! Отрастут! Я за год их уже три раза укорачивала!

— Ох...

— И не надо стоять над душой! Я сама в состоянии налить себе кофе или сока. И добавку положить. Иди!

Горничная сделала книксен. Адель с напряжением следила, как она уходит из столовой, слушала, как удаляются шаги... Едва они стихли, тарелка отправилась на другой конец стола. Кофе, тосты, сыр и джем — вот что стало завтраком принцессы. Проглотив горку бутербродов, она прихватила стакан сока и вышла на улицу.

Ротанг кресел покрывали подушки. Столы казались невесомыми — так сверкало стекло, из которого их отлили. Им вторили блики на поверхности бассейна.

— Ваше Высочество! Ваше Высочество! — горничная вернулась. Она держала телефон — розовый, и стразы Сваровски переливались всеми цветами радуги.

— Привет, сестренка!

— Привет! — Адель отставила стакан.

— Не заскучала там? Собирайся, через час за тобой вертолет пришлют. Родители уже на месте. Ох, мало мне с ними секретов, еще с тобой...

— Я ценю твою помощь, братик. Сам знаешь, если обо мне узнают — прощай спокойная жизнь. А главное, придется помахать ручкой Академии. Я этого не переживу!

— Главное, чтобы родители эти две недели пережили. Оставишь страну без правителей!

— Ай, — отмахнулась Адель, словно брат мог её видеть, — ничего с ними не случится. Могут и потерпеть, мы почти год не виделись!

— Ну да, — хохотнули на той стороне трубки, — их ждет большой сюрприз! У их паиньки прорезались зубки!

— Эй, ты там не проболтался?

Ответа принцесса не услышала — связь прервалась.

— Пркажете собирать вещи? — поинтересовалась горничная.

— Разве они еще не собраны? — удивилась Адель.

— Да. Но может, вы захотите взять...

— Все необходимое есть на месте назначения. Остальное не важно, и Адель направилась в свою комнату.

Через полтора часа она вышла, полностью готовая к перелету. Штат прислуги выстроился у входа, провожая молодую госпожу. Она попрощалась с каждым, каждому сказала несколько теплых слов, начиная с управляющего, заканчивая садовником. Десять человек — десять улыбок.

Он обернулась к ним еще раз — когда шла к вертолету. Помахала рукой и взбежала по лесенки внутрь. Мужчина в костюме поднялся следом.

Адель сидела в кресле. Она любовалась на воды океана. Далеко внизу прозрачно-голубое полотно перечерчивали белы черточки песчаных островов. Иногда виднелись темные пятна — деревья умудрились выжить и среди соленой воды. Смотреть в иллюминатор казалось приятнее, чем видеть лица телохранителей. Суровые, с полным пониманием важности доверенного дела...

С губ уже рвалось язвительное замечание, но Адель прикусила язык: мужчины работали. Телохранителям некогда зубоскалить, даже здесь, над океаном, может случиться

все, что угодно. И она смотрела в окно.

Цвет воды менялся в зависимости от глубины, оттенки перетекали один в другой, плавно, текуче... Адель всегда нравилось наблюдать за этим гигантским калейдоскопом. Он успокаивал, и перелет проходил спокойно. Но не в этот раз.

Адель вглядывалась в океан, выискивала черточки дельфиньих стай, любовалась на острова — изумруды в бирюзе, но вскоре заболела шея. Принцесса повернулась, чтобы включить встроенный в спинку кресла массажер, и осеклась: телохранитель прижимал к лицу платок.

— Что случилось?

— Ничего страшного, простите... — телохранитель встал. На его место тут же уселся второй. Но не прошло и трех минут, как из носа потекла красная струйка.

Адель огляделась.

Стюардесса зашла в кабину пилотов со стаканов воды. Уже в третий раз за несколько минут... Адель вспомнила, что именно держала та в руках... тонометр! Этот чемоданчик ни с чем не спутаешь.

— Что происходит?

— Ничего серьезного, Ваше Высочество. У второго пилота поднялось давление...

— Померь его остальным, — кивнула Адель на телохранителей, — и принеси плед.

Принцесса вытянулась на диване. Руки вверх, над головой, хорошо потянуться, так, чтобы почувствовать каждую мышцу. Потом — соединить пальцы. Сделать дыхательную гимнастику. Вдох-выдох, вдох-выдох... Плед укутал теплом. Адель закрыла глаза. Не думать. Ни о чем. Просто считать...

Удерживать мысли в нужном направлении всегда было трудно, но в этот раз она справилась — до Острова добрались без приключений.

Телохранители остались у вертолета — королевская семья отдыхала даже без прислуги. Эти несколько дней отпуска го Величество посвящал только семье: жене и дочери. Сын оставался во дворце — по закону, Король и Наследник не могли отсутствовать в столице одновременно. Исключение делалось, если дома оставался кто-то из младших детей, но Принцесса уже много лет не появлялась на родине.

— Деля! — объятия матери пахли теплом, морем и совсем чуть-чуть — ванилью. Королева предпочитала один вид духов уже много лет. А еще она часто сама пекла сладкие булочки, балуя детей и мужа.

— Ты изменилась, — отец поцеловал дочь в щеку.

— Да. Изменилась, — подтвердила мать, — Худая стала. И черная. Посмотри, как лицо осунулось! И обветрилось! Ты совсем перестала за собой следить!

— Ну мам, я все-же в армии! Там нет спа-салонов! — рассмеялась Адель, — Но обещаю — за время отпуска приведу себя в порядок. Вот, видишь — она указала на саквояж — даже все необходимое привезла!

— Ну и хорошо, — лицо королевы осветила улыбка, — пойдём в дом. Я пирожных напекла.

— С шоколадным кремом?

— С шоколадным кремом!

Адель не шла — плыла по тропинке. Мама, папа... Она не видела их больше года, да и последнее свидание было мельком, чуть ли не в аэропорту. А теперь у них целая неделя впереди.

— Жаль, Кост не может приехать. Надеюсь, ты увидишься с ним после? Знаешь, он сейчас почти все время проводит в кабинете. Работает. Даже загар сошел. Знаешь, мне казалось, он навсегда таким останется — почти коричневым. Ты сейчас гораздо смуглее... Деля? Что? — королева осеклась, заметив взгляд дочери.

А принцесса любовалась матерью. Несмотря на возраст, Её Величество сохранила и живость походки, и веселых нрав. Всегда ухоженная, с тщательно уложенными волосами, так, что не выбивается ни одна прядка. И с макияжем. Даже здесь, на Острове, где кроме мужа и дочери её никто не увидит... Королева позволила себе лишь одну поблажку: носил не строгие костюмы, а легкие, не стесняющие движений платья или шорты. Тем более, что фигура позволяла ей эту вольность.

— Ничего, мама. Я так тебя люблю!

Растроганная королева сделала шаг к дочери, но под ногу подвернулся камешек. Адель едва успела подхватить мать.

— Осторожнее! — к ним спешил король, — Дорогая, ты в порядке?

— Да, да... все хорошо, — королева осторожно наступила но ногоу, покачалась с пятки на носок, — Все хорошо...

— Тогда идите вперед, я вас догоню.

Его Величество провожал жену и дочь взглядом, пока они не скрылись в доме, а потом решительно направился к вертолету.

Отдыхом наслаждались все: королевская семья радовалась одиночеству и покою, а два пилота и телохранителя делали все, чтобы не попадаться им на глаза. На Острове для этого давным-давно создали все условия.

— Нас сюда в такой тайне привезли, что случись что — и не надут, — подшучивал король, за что жена ту же дергала его за ухо, — Айайай! Больно же! Вытянешь, и будет у вас король с ослиными ушами.

Деля радовалась, глядя на родителей. Сколько лет они вместе! И столько всего пережили — управление страной занимало все время отца, и мать терпеливо сносила его мнимое невнимание. Только здесь, на Острове, они могли побыть тем, кем были — любящей семьей.

Радость от того, что они наконец-то вместе, что отца никуда не надо бежать, а мама счастливая, ненадолго вытеснила мысли о лейтенанте. Но иногда, ночью, Адель охватывала странная тоска. Правда, первые лучи солнца развеивали её, как утренний туман.

— Папа! — Адель заглянула в мастерскую. Отец увлекался керамикой, но только раз в году, на отдыхе, могу уделить время своему хобби, — Мама спрашивает, ты еще долго? Обедать пора!

— Да-да, я почти закончил. Деля, иди сюда, посмотри! — он протянул ей новую поделку.

Колокольчик из красной глины. По ободу извивался орнамент, знакомый до боли — таким расшивали пеленки и одеяльца младенцев, чтобы защитить от злых духов. А еще украшали вот такие колокольчики. И делали их язычки из полудрагоценных камней.

— Это хрусталь? — принцесса прикоснулась к прозрачной капельке. Она качнулась, по мастерской раздался то ли стук, то ли звон — так звучали только особые колокольчики.

— Ой! — Адель вскинула взгляд на отца. Осунувшееся лицо, словно и не отдышал, — Зачем? Что-то случилось?

— Идем! — король увлек за собой дочь.

— Вот так, — он приладил поделку у окна. Красная нить смотрелась чуждо в бежевой спальне, но это не имело никакого значения.

— Зачем? Тебе отдохнуть надо, а ты... — расстроилась Адель.

— Должен же я и о семье позаботиться. Не только стране мои силы отнимать. Вот что, Деля, давай поговорим.

Они сели на диван тут же, в спальне.

— Все так серьезно? — Адель смотрела на отца как в детстве, снизу — вверх.

Тот привлек её к себе:

— Не слишком. Но звоночки уже есть. Ты, когда сюда летела, ничего не заметила?

Адель задумалась. Потом испуганно спросила:

— Пилот?

— И охрана. А еще вчера картина рядом с тобой со стены упала. Мать постоянно спотыкается... Деля, ты знаешь, чем это грозит. Возьми себя в руки. Разберись. Иначе...

— Хорошо, папа, — хорошее настроение улетучилось, — Знаешь, я и вправду перестала следить за собой. Прости.

— Ничего, — ладонь отца ласково пригладила взъерошенные ветром волосы, — Все мы ошибаемся. Главное, вовремя понять и исправить. Ну, пойдем обедать, мать уже заждалась!

Королева сама накрывала на стол. Ей приходилось сновать из кухни во двор, но семья любила обедать именно там, с видом на побережье. Адель кинулась помогать матери. Но едва отец потянулся, чтобы взять у жены тарелку, как она выскользнула из рук. Коктейль разлетелся по светлой плитке. Адель замерла, глядя на упавшую у ног креветку. А потом резко повернулась и выбежала на улицу. Мать кинулась следом, но отец удержал:

— Ей нужно побыть одной.

— Все так серьезно? — королева обошла пятно на полу и опустилась на стул.

— Не знаю. Радует, что она понимает проблему. Ну, дорогая, — его величество обнял жену за плечи, зарылся лицом в волосы на затылке, — не беспокойся так. Деля — девочка умная. Она справится.

Королева только вздохнула и отправилась за совком и тряпкой — убрать остатки неудавшегося обеда.

Адель стояла на берегу. Ветер развеивал волосы, солнце целовало щеки. Девушка зажмурилась: она забыла нанести крем. Пусть кожа и закалена, но завтра лицо опухнет и будет больно.

Шаг вперед — два назад. Волны набегали на берег, старались коснуться ступней. Адель играла с морем, пока не запыхалась. Потом вздохнула и уселась прямо на песок: отец прав, нужно привести мысли в порядок. А для начала понять, что беспокоит.

Академия. Стоило о ней вспомнить, становилось тревожно. Словно там осталось что-то важное. Что-то, без чего нельзя.

Отбросив все догадки, Адель сосредоточилась на шуме волн. Вдох-выдох, вдох-выдох. В такт природы, в ритме океана...

Память услужливо подсказала: освобождение от занятий. Вот в чем дело! Значит, надо больше заниматься. Пляж есть, бегать по песку ничуть не легче, чем по лесу. Еще можно плавать. И отжиматься в прибое.

Волнение утихало. Вдох-выдох, вдох-выдох... Адель поднялась с песка спокойная, словно в этом мире не осталось ни забот, ни тревог.

— Разобралась? — отец отложил книгу.

Мать спала рядом, уютно устроившись в шезлонге.

— Кажется, да, — Адель подхватила бокал с коктейлем и осушила в несколько глотков.

— Теперь тебе придется принести мне новый, — рассмеялся отец.

— И мне прихвати, — сонно попросила мама.

Адель послала им воздушный поцелуй и убежала в дом.

— Она изменилась, — королева посмотрела вслед дочери.

— Выросла, — вздохнул король, — и стала своевольной. Надеюсь, это не выйдет за рамки.

— Она тебе не рассказывала, как служит?

— Мне? Нет. Я думал, она с тобой поделилась... — король нахмурился, — Неужели что-то скрывает? Тогда понятны все эти... мелочи.

— Не думаю, — королева поправила солнечный очки и снова улеглась, — скорее, хочет отдохнуть от армии. После всех этих хождений строем девочке хочется немного свободы. Не дави на неё.

— Возможно, ты права.

Адель хозяйничала на кухне. Нашла в холодильнике зеленый чай, выжала сок из лимона. На полке обнаружила мятный сироп...

— То, что надо!

В шейкере мягко шуршал лед, перемешивая ингредиенты. А киви бунтовал — никак не получалось нарезать ровными дольками. Адель хмыкнула и нарубила его кубиками:

— Подумаешь, будет новая подача...

И осеклась.

— Дура. Уже сама с собой разговариваешь, — пробормотала, и сама себе не поверила.

Потому что разговаривала она с конкретным человеком. Почему-то присутствие мужчины ощущалось так явственно, и так гармонично. Казалось, лейтенант сидит здесь же, улыбается и так же, как принцесса, наслаждается отдыхом.

— Ой, мамочки... — Адель выхватила из вазочки горсть льда и понесла к лицу. Вода потекла по шее, намочили блузку. Адель не замечала — стояла так, пока пальцы не занемели.

— Деля, ну что ты? Мы с матерью заждались. — На пороге стоял отец.

— Да, уже все готово! — принцесса быстро разлила коктейль по бокалам, — Вот!

Король перехватил у неё поднос. У него получилось донести его до бассейна без приключений.

— Что-то случилось? Ты улыбаешься, — королева взяла бокал.

— А? — встрепенулся король, — Нет, ничего. Просто... наша дочь на самом деле выросла. И, кажется, с ней происходит что-то очень хорошее.

Королева нахмурилась:

— Что ты имеешь в виду? Ой, неужели... Наверное, надо с ней поговорить?

— Не стоит. Если все серьезно, сама расскажет. А нет — нам и знать не надо. Она уже большая девочка, сама разберется.

— И все же...

— Дорогая, она нас когда-нибудь подводила? — поинтересовался король и с разбегу прыгнул в бассейн. Королева взвизгнула — брызги долетели и до неё, намочив одежду.

— Ну, держись! — и она нырнула за мужем.

Адель улыбалась, глядя, как резвятся родители. Она видела их такими только на отдыхе — несколько дней в году. И не стала мешать. Поднялась к себе в комнату.

— Ну, и что думаешь делать?

Отражение в зеркале не ответило.

— Родителям не до меня... И это правильно, и так редко удастся побыть наедине... Так что придется с тобой советоваться. Скажи, с чего мне этот лейтенант померещился? Или я по его придиркам соскучилась?

Адель наклонилась к самому зеркалу. Глаза в глаза, так, что видны прожилки в трепещущем зрачке.

Звон прервал беседу. Девушка развернулась, в руке сверкнула шпилька — за неимением другого оружия, сгодились бы и она.

Но в дом никто не ломился. Просто ветер чуть сильнее качнул колокольчик, и он ударился о фрамугу. Адель аккуратно собрала куски отцовского подарка, стараясь не порезаться об осколки стекла. И повернулась к зеркалу. Голос подрагивал от ужаса, когда она спросила у своего отражения:

— И что теперь будет?

Отражение промолчало. Вместо него заговорил телефон. Адель схватила трубку: звонил брат.

— Привет, малышка. Как вы там? Родители здоровы?

— Родители отлично, вон, плещутся в бассейне, как дети малые, — Адель поднесла трубку к окну, чтобы брат сам услышал.

— Ну, а у тебя все хорошо? Голосок грустный.

Скрыть от брата у Адель никогда ничего не получалось.

— А у меня все ужасно, — выдала она.

— Так, — было слышно, как брат отдает кому-то распоряжение не мешать, — рассказывай.

— Я превратилась в сплошную катастрофу! Когда летела до острова, у пилота давление поднялось. И у охранников.

— Дальше, — потребовал брат. От игривого тона и следа не осталось.

— Вокруг меня все ломается. Посуда бьется. Мама спотыкается. Отец еще держится, но...

— Не знаешь, что делать?

— Делаю! У меня день с медитации начинается. Ею же и заканчивается. От дум уже голова болит.

— А что папа?

— Папа подарил мне колокольчик. Только... он только что разбился.

— Что?

— Ты только не паникуй...

— Какой к черту... — голос на том конце трубки срывался, — Так. Ты сама спокойствие сохраняй. Папе сказала?

— Не успела. Да и прерывать их не хотела. Ой, подожди, там что-то происходит... — с улицы долетели странные звуки.

Адель подошла к окну.

— Кост, ты только не волнуйся...

— Что? — голос принца охрип. — Деля, не пугай...

— Кост, кажется, маму взяли в заложники.

3

Секундное замешательство и — четкий приказ:

— Опиши, что видишь.

— Мужчина... Кост, это один из телохранителей. Он целится в маму и что-то говорит папе, я не слышу, что именно... Так, братик, пожелай мне удачи. И пришли поскорее помощь.

— Деля! Деля, ты что задумала? Де...

Принцесса прервала звонок. Угрожающий её матери мужчина поднял голову и посмотрел на окна. Её он видеть не мог — занавеска скрывала происходящее в комнате. Но предатель знал: в доме, кроме королевской четы, находится их дочь.

— Эй! Проверь комнаты!

Это Адель хорошо расслышала. И начала действовать.

Шпилька в ладонь толщиной. Принцесса давно её не пользовалась, но и не убирала с туалетного столика, ей нравились орнамент и подвески. Сейчас же важным оказался материал украшения — сталь. Когда-то набор подарили в мастерской, производящей холодное оружие. Деля усмехнулась: украшения и мечи. Лучше бы нож для бумаг подарили.

На ногах — сандалии без каблуков. Одежда не стесняет движений. А главное — огромное преимущество перед нападавшими: знание местности. Адель, сколько себя помнила, все каникулы проводила здесь, на Острове. Она знала этот дом едва ли не лучше Дворца, а в окрестностях они с братом играли в прятки. Вряд ли предатели знают местность так же хорошо.

Времени на составление плана не оставалось — на первом этаже уже слышались шаги. Адель метнулась в соседнюю комнату. Там окна выходили на другую сторону дома. Слезть по решетке для цветов было делом минуты. Эти же вьюны сослужили еще одну службу: укрыли от врага. Сквозь просвет между листьями Адель хорошо видела, как бывший охранник высунулся в окно, проверяя окрестности. Он был спокоен. Король в их руках, а принцесса... да что она сделает?

Губы Адель чуть тронула улыбка. Неуместная, но сдержать радость она не смогла: нападающие не знали, что она курсант Королевской Военной Академии. А это уже преимущество. Небольшое, поскольку телохранители сами её заканчивали, но все же... Еще бы оружие достать...

Взгляд Адель переместился на постройки вдали от основного дома. Нужно добраться туда, а потом... Принцесса прислушалась: мужские голоса доносились с противоположной стороны дома.

— Пора!

Адель петляла, как заяц, удирающий от лисы. От куста к кусту, от стола к стулу. Но между ней и постройками раскинулась лужайка. Поливная система еще не отключилась, и веера водяных струй переплетались, образуя сеть. Кое-где в ней запуталась радуга.

Но девушку не интересовали красоты. Светлая одежда делала её хорошей мишенью на зеленой траве. Ни кустика, ни скамеечки — ничего, что можно было бы использовать в качестве маскировки.

Адель закрыла глаза и выровняла дыхание.

— Сейчас! — скомандовала себе между двумя ударами сердца. И рванула вперед.

Спринт в школе. Спортивная секция в университете. Бег на время в Академии... Никогда и нигде Адель не выкладывалась так, как сейчас. Летела по прямой, плюнув на маскировку и риск быть обнаруженной. Кровь стучала в висках, и сердце ухало уже не в груди, а у самого горла, словно собиралось выскочить. Но прежде, чем в глазах окончательно потемнело, Адель перекатом ушла за укрытую брезентом скамейку, забилась под складки ткани и долго лежала, пытаясь отдышаться. Кашель рвался наружу, но все, что позволила себе девушка — шумное дыхание.

— Раз, два, три... — считала Адель вдохи и выдохи, подстраивалась под ритм, приводила себя в порядок. И когда исчезла пелена перед глазами, осторожно выглянула.

Струи воды создавали сверкающую в лучах солнца вуаль. За ней царил покой: Стена дома, затянута вьюном, кусты роз. Среди зелени расположились кресла и гамак звал отдохнуть. Рай на земле. Рай, что вот-вот превратиться в ад.

Адель оценила обстановку и юркнула в ближайший домик. Как раз вовремя — на тропинке у лужайки появился мужчина. Пистолет в руке и пятна на когда-то белой рубашке выдавали, что намерения у него далеко не мирные.

Адель благодарила небеса за страсть деда к оружию. Именно в его правление на Острове построили тир. Дед научил стрелять не только собственных детей, но и внуков. Адель больше всего нравился спортинг.

Она нашла свое оружие. Полуавтоматическое ружье, простое с виду, но отлаженное. И тут же отложила в сторону: времени на расконсервацию не было. Адель пошла вдоль стоек в надежде, что отец нашел время на тир. Она не ошиблась: несколько ружей стояли, готовые к стрельбе.

Патроны тоже нашлись быстро: стандартные, заряженные дробью. Адель выбирала те, что с капсулами, чтобы хоть немного увеличить дальность стрельбы. Хотя большой разницы не было — подбираться придется почти вплотную.

Основной проблемой казалась та самая лужайка. Адель задумалась: обходит её долго, а пересекать... От размышлений оторвал хлопок двери. Сердце забилось в такт шагам и девушка отступила. Стрелять, даже в упор, казалось неразумным: выстрел услышат в доме. А сколько нападающих, принцесса не знала. Кроме королевской семьи на Острове находились два телохранителя, стюардесса и два пилота. Их уголок находился далеко, так, что связь держали с помощью специально проложенной телефонной линии. И хотя координаты Острова приравнивались к государственной тайне, предателям никто не мешал выдать её сообщникам.

Шпилька скользнула в ладонь. Адель переложила её в другую руку и вытерла пот об одежду. Звякнули патроны — жилет с карманами, который она нацепила на себя вместо под сумка, сковывал движения. Осторожно, стараясь не шуметь, Адель положила его на пол.

Шаги приближались. Как только мужчина переступил порог, принцесса начала считать. — Семнадцать, восемнадцать...

От двери до места, где она скрывалась, ровно двадцать один шаг.

— Двадцать!

В бою лучший союзник — неожиданность. Миг — и мужчина рухнул на пол, прижимая обе руки к шее. Из неё торчала шпилька. Кровь в полумраке казалась черной, и белая рубашка быстро меняла свой цвет.

Адель подхватила ружье, жилет и кинулась к двери. Ей казалось, мертвый охранник

поднялся и хрипит в спину, тянет окровавленные руки в попытке схватить, удержать, отомстить.

Осмысленно мыслить принцесса смогла уже на улице. Рефлексов, вбитых лейтенантом в подкорку хватило, чтобы не выскакивать из дверей сломя голову, Адель нырнула в укрытие. И огляделась.

Тишина. Никто не появлялся в садике, но по дому кто-то ходил. Адель не стала рисковать, выясняя, человек там, или это солнце так на стеклах играет. Был еще один путь к дому. Мама всегда за сердце хваталась, когда видела детей на скалах. Неверный шаг — и сорвешься. Но сейчас на ухоженной лужайке было опаснее.

Сандалии не защищали ноги, но Адель не обращала внимания на раны и ссадины, не до них было. Несколько раз помянула лейтенанта добрым словом: тренировки даром не прошли. В стрессовой ситуации тело действовало само, зачастую прежде, чем включался мозг.

Принцесса обогнула дом по широкой дуге. Кусты и деревья, покрывающие склон, служили хорошей защитой. Адель знала, откуда открывается вид на дом и прежде, чем соваться к врагу, решила прояснить ситуацию. О том, что спасти может быть уже некого, старалась не думать.

Мать и отец, привязанные к стульям. Охранник стоит рядом, в руках — автомат. Еще один бродит по дому — окна первого этажа раскрыты настежь, так что внутренности дома видны, как на ладони.

Третий мужчина как раз пересекал лужайку. Еще чуть чуть, и найдет тело сообщника. Времени на раздумья не оставалось. Адель перехватила ружье поудобнее и рванула к дому.

Пять зарядов, пять выстрелов. Дробь против пуль. Ружье против автомата.

«В критических ситуациях необходимо соблюдать спокойствие. Любой предмет может стать оружием. Любая кочка — как союзником, так и врагом, в зависимости от того, как вы себя поведете» — зазвучал в голове голос преподавателя по тактике.

«Доверяйте не только голове, но и заднице. Она зачастую лучше мозгов соображает! Инстинкты — дело такое, они многим жизнь спасли» — это уже лейтенант учил. И Адель доверяла.

Тропинки и «ходы», известные с детства. В этом саду они с Костом играли в прятки столько раз, что знали каждый стебелек, каждую травинку... Подобраться незаметно на расстояние выстрела удалось быстро. И тут же у охранника заработала рация.

— Ульмих убит! Как-как! Шпилькой сонную артерию пробили. Принцесса, больше некому. Но епть, так хладнокровно... Найду эту девку...

Что именно сделает с ней предатель, Адель слушать не стала. Не узнал этого и охранник. Последнее, что он услышал в своей жизни — звук выстрела. На груди расплылось кровавое пятно, из горла, вместе с пеной вырвался хрип.

— Что...

Второй нападающий оказался пилотом. Автомат быстрее ружья, но Адель ждала и успела выстрелить первой.

— Деля! Делечка... — королева захлебывалась слезами, но первым принцесса освободила отца.

— Ты...

— Уходим! Мама, ты как?

Ноги у королевы затекли, но она мужественно заковыляла за мужем.

— Куда сейчас? — король закинул на плечо автомат.

— В пещеру. Там даже осаду можно выдержать.

Пещера уже третье поколение служила убежищем для детских игр. Никакие запреты не могли заставить отпрысков королевского дома подумать о собственной безопасности и отказаться от уютного схрона.

— Мам, сможешь? — Адель протянула королеве ружье, — И патроны!

Его Величество лично учил жену стрелять по тарелкам.

— Мам, только на рожон не лезь!

Адель подхватила второй автомат. Из кобуры достала пистолет. И нож.

— Пап! Уводи маму. Я тут... сейчас еще один явится.

— Идите. Останусь я, — король снял автомат с предохранителя.

Адель обреченно вздохнула. Отец стойко встретил взгляд дочери, полный укоризны:

— Я все-таки мужчина. Прятаться...

— Прежде всего, Ваше Величество, вы — король. Вы — правитель целого государства. А я — солдат. Так кто кого защищать должен?

— Деля...

— Ваше Величество, — в глазах девушки блеснули слезы, но она продолжала говорить официально, — берите королеву и уходите. В пещере вы сможете продержаться какое-то время. Я же разведу обстановку. Да идите же!

— Дорогой... Доченька... — королева уже не плакала. Сухие, полные боли глаза смотрели то на мужа, то на дочь...

— Идите!

Адель развернулась и помчалась по склону вниз.

Эмоции! Они сейчас только мешают. Надо забыть о том, что за спиной остались родители. Мама. Папа. Нет, надо помнить. О том, что она сейчас защищает первое лицо королевства и его супругу. Выдержать бой она не сможет. Главное — потянуть время. После разговора с братом прошло около часа, помощь уже в пути... Час. А кажется, целая жизнь.

Адель остановилась. Так нельзя! Нельзя выпускать наружу воспоминания. Сейчас у неё есть задача. И она должна бросить все ресурсы на её выполнение, а не растекаться в рефлексии.

В доме для персонала было пятеро. Два охранника, два пилота и стюардесса. Трое мертвы. Значит, один против двух. Автомат с небольшим количеством патронов против целого арсенала. И — два часа времени.

— Годится! — Адель проверила оружие, поправила нож на поясе, — Еще посмотрим, кто кого...

Злость поднималась горячей волной. Девушка на миг прикрыла глаза, приходя в себя. Злиться тоже нельзя. «Голова должна оставаться холодной». Адель вздрогнула и оглянулась. Ей показалось, лейтенант стоит прямо за спиной, готовый ткнуть в любую оплошность. Но вокруг только листья шелестели.

«А вот гнев... Его энергию можно и нужно перенаправить».

— Да чтоб тебя... И здесь достал! — выругалась девушка и нырнула в кусты.

Идти до дома охраны напрямую было опасно. Пришлось пробираться через рощу, делая крюк.

Садик, бассейн, шезлонги, теннисный корт... Охрану на Острове оставляли «для порядка», люди скорее, на отдых ездили. Но сейчас дом встретил тишиной.

Странный гул привлек внимание. Адель сделала несколько шагов к кустам. Над ними роились мухи. А на земле...

Девушка отскочила, зажав нос. Спазмы скрутили желудок и девушка порадовалась, что он пустой — вид облепленного мухами трупа удовольствия не вызывал.

Стюардесса. На жаре тело начало разлагаться, но ветер относил вонь в сторону, так что Адель не сразу её почувствовала.

— Даже землей не прикрыли, звери...

Осторожно, чтобы не привлечь внимания последнего оставшегося в живых врага, девушка отступила. Шансы выравнивались — если и произошла утечка информации о том, что принцесса служит в арии, то о Королевской Академии знали всего трое: сама Адель, Кост и еще один человек.

Вдали послышался шум. Адель нырнула в заросли и кинулась к берегу: звук мотора ни с чем не спутаешь. Брат сам себя превзошел, отправляя подмогу.

К берегу подходил катер. Адель уже готовилась выскочить на песок, отделяющий море от роши, но на плечо легла чья-то рука. Девушка вывернулась и ушла от опасности перекатом. Ткань одежды затрещала, зацепившись за ветки, а сама Адель едва сдержала крик: на теле появились новые ссадины. Кое-где проступила кровь.

Но рядом никого не оказалось. Зато в голове зазвучал знакомый голос:

«На задании нельзя поддаваться эмоциям. Забудьте, что это такое. Освободите разум от этих оков».

— Да когда же ты уймешься! — прошипела Адель, но послушно спряталась в папоротнике. Одежда давно перестала выделяться на фоне деревьев, приобретя бурый цвет.

По берегу, размахивая руками, бежал мужчина.

— Пять! — отсчитала Адель и вскинула автомат.

Но тут же опустила. Патронов мало, а на берег из катера посыпался десант. И, судя по всему, вражеский.

Нужно было возвращаться. В пещере можно продержаться до прихода помощи. В крайнем случае, есть тропки, которые Адель знает куда лучше нападающих — она их своими ногами прошла. А карты... такие пути на них не отмечают.

И все же карты оказались точны. Противник успел раньше: напрямик, нигде не задерживаясь. Адель видела, как террористы подошли к пещере и слышала каждое слово.

Войти им не удалось: после предупреждений прозвучал выстрел. Пуля быбила из камня крошку, заставив нападающих отшатнуться.

Начались угрозы. Отец старался, как мог, тянул время... Палец Адель то и дело прикасался к спусковому крючку, но она каждый раз его убирала. Вступать в бой при таком раскладе смысла не имело.

Но когда в пещеру кинули гранату со слезоточивым газом, не выдержала.

Родители выскочили одновременно. Отец стрелял, расчищая дорогу. Мать цеплялась за его ремень, стараясь не отстать. Адель очередью расчистила им путь и перебежала в дурге место.

Они так и не поняли, откуда она стреляла. Пули ложились веером, отскакивали от камней, выбивали фонтанчики земли. Адель пережидала за валуном, а когда все успокоилось, осторожно выглянула.

Они все-таки схватили мать. Отец шел им навстречу, подняв руки — оставить жену в руках врага он не мог.

— Нет! — зашлась в крике королева, — Беги!

Но Его Величество продолжал спускаться.

Адель перевела автомат в режим одиночных выстрелов — патронов осталось немного. Палец ласкал спусковой крючок, но нажать девушка не решилась. Действовать надо было наверняка.

А террористы уже шли навстречу королю. Удар — и он покатился по камням, к ногам жены. Та с криком осела в руках держащих его мужчин.

— Прости, дорогая, — разбитые губы тронула улыбка.

— Ищите девку! И осторожнее — она вооружена.

Адель вжалась в скалу.

— Чего лыбишься? Она троих положила. Не хочешь составить им компанию? И не стрелять! Принцесса нужна живой!

Уже легче. Убивать на месте не собирались... Адель выглянула из-за валуна. Отцу связали руки. Мать сидела на земле у плакала, обняв мужу колени.

Вооруженные мужчины округ делали попытку освобождения невозможной.

Адель прикрыла глаза. Выхода не оставалось — уводит по одному, рассеивать, убирать... Задача для матерого бойца, а никак не для принцессы, пусть даже она и курсант второго года обучения в Военной Академии.

«Принимай решения, только оценив обстановку. Но решив — действуй». Адель показалось, что лейтенант рядом. Присел рядом так, что плечо касается плеча. Она повернула голову. Никого. Почему-то стало обидно.

Боль в прокушенной губе вернула в реальность. Лейтенанта здесь нет, и быть не может. Она — одна, а значит...

Со стороны врагов поднялся шум. Адель посмотрела. Совсем недалеко от острова стрекотал лопастями вертолет. И, судя по суматохе, враг совсем не обрадовался.

Адель начала действовать, не думая. Один выстрел — и падает террорист, тянущий отца по тропинке. Второй — в того, что держит под прицелом мать. Ну, а потом короткая очередь раскидывает ближайших врагов.

Отец сообразил быстрее. Связанные руки не позволили помочь жене, но голос... его голос заставил её подскочить:

— Скорее, бежим!

Адель выскочила из укрытия.

Противник с автоматом казался опаснее, чем безоружная пара. И нападающие сосредоточили внимание на принцессе. У Адель осталось всего несколько патронов, и использовать их следовало с умом.

Она пропустила родителей и повела в сторону врагов автоматом. Те застыли. Кое-кто резво отскочил под прикрытие валунов. Адель молилась, чтобы не начали стрелять. А вертолет уже завис над головами.

Поднятый им ветер сбивал с ног. Стрелять в таких условиях нереально, но те, кто укрылись за камнями, могли спокойно прицелиться.

Сверху раздалась команда. Король, сам прошедший армию, а после не раз отрабатывающий с телохранителями различные ситуации, столкнул жену с тропинки и сам спрыгнул следом. Адель тоже не раздумывала: нырнула за ближайший уступ. Камень ободрал с плеча кожу, но девушка даже не поморщилась одной ссадиной больше, одной меньше...

Поток выстрелов отрезал врагов от королевской семьи — десант не шутил. Солдаты просто залили склон огнем, так, что террористы голову поднять боялись. Пули крошили камни, иногда попадали в людей и тогда слышались вскрики. Или предсмертные хрипы.

А потом сверху спустились и люди.

Крики, выстрелы... Десантники взяли королевскую семью в кольцо, закрывая от врага. Адель подняли на ноги довольно грубо — времени на церемонии не было. Она едва передвигала ноги и сопровождающий, увидев разбитые в кровь ноги, подхватил принцессу на руки.

Ужас остался позади. Но тут же подступил другой. Адель уткнулась в бронежилет и разрыдалась. Солдат тут же остановился:

— Вы ранены? Вам больно?

За маской его лица было не видно. Солнце оставляло блики на стеклах очков, мешая рассмотреть глаза. Но голос выдавал тревогу.

— Все хорошо, — Адель взяла себя в руки, — извините. Я могу сама идти. Но её не отпустили. Донесли, бережно прижимая к груди, до самого дома. В сильных руках было неожиданно спокойно и уютно, так, что захотелось на самом деле почувствовать себя слабой и неприспособленной к реальной жизни сказочной принцессой.

Дом уже проверили. Тела прикрыли простынями, но при виде пятен на ткани Адель затрясло. Он перевела взгляд на свои руки. Кровь въелась в складки кожи и, казалось, останется там навечно.

— Вас осмотрит врач, — солдат по своему понял движение принцессы.

— Со мной все в порядке, благодарю.

— Но...

Адель не слушала. Промелькнули ступеньки и дверь хлопнула, отгораживая от внешнего мира. В открытое окно долетали голоса, девушка захлопнула створки и задернула занавески. Здесь, в комнате, все осталось, как и прежде. Ничего не изменилось. Расческа на столе. Планшет на кровати. И стальная шпилька возле зеркала. Сестра той, что осталась торчать в шее бандита.

Адель сползла по стене и закусила руку, чтобы не завывать. На языке остался привкус крови. Это оказалось последней каплей. Скулеж перерос в вой. Адель рыдала в голос, захлеб, до хрипоты.

Дверь содрогнулась от ударов.

— Ваше Высочество! — солдаты ворвались в комнату и застыли, не смея ничего предпринять.

— Адель ас Кармина! Немедленно успокойся!

Сквозь марь безумия пробился голос отца. Как нутом щелкнул.

— Оставьте нас!

Топот ног и... пустота.

— Деля...

Она завyla и отползла в сторону. Отец шагнул следом:

— Деля, девочка моя...

Вой не прекратился. Тянулся и тянулся на одной ноте. Король снял с кровати одеяло и накинул на плечи дочери. Но обнять её не получилось: девушка снова отползла.

— Да что же...

— Не подходииниии! — вой перешел в визг.

За дверью послышались голоса — королева хотела знать, что с дочерью.

— Не входить!

Голоса стихли.

— Не подходиииии...

— Не буду, — согласился король и уселся на пол.

Принцесса снова попыталась сдвинуться. Но уперлась в стену.

— Все хорошо, малышка... Все хорошо...

— Не прикасайся!

Он не стал слушать. Обхватил, привлек к себе. Спеленутая одеялом девушка дернулась, но вырваться не удалось.

— Тсссс, — начал укачивать её отец, — теперь все хорошо, все хорошо...

— Отойди от меня, папа! Отойди! Это опасно!

— И чем же мне моет навредить моя собственная дочь?

— Я убила. Это неправильно. Отойди, ты можешь пострадать!

— Вот как ты обо мне думаешь? Я должен оставить собственную дочь только потому, что она защищала меня от убийц? Испугаться? Бежать?

— Но ты... можешь пострадать, — Адель твердила одно и то же, голос казался неживым, словно запись перематывали раз за разом.

— Ну, пострадаю, и что?

— Ты — король...

— Ну, король. А теперь подумай: ты — солдат. Ты защищала себя и свою семью. Ты защищала мир в стране. Это правильно, или нет?

Адель замолчала. Король продолжал тихонько покачиваться вместе с ней:

— И есть я. Отец. Скажи, это правильно, если отец оставит свое дитя один на один с бедой? И что будет, если отец — король? Ты знаешь, что бывает, когда короли поступают неправильно. Поэтому успокойся. Все хорошо. Ничего со мной не случится. Ни со мной, ни с мамой. Все ваши грехи я возьму на себя, и отвечу, когда придет время...

— Папа... Папа... — Адель спрятала лицо на его груди. Парфюм почти выветрился, а пахло порохом, кровью и потом? Сквозь них пробивался запах отца. Родной. Любимый. Так пахло спокойствие, уверенность и защита. Адель поверила, что все в порядке, все хорошо и разрыдалась в голос. Король поглаживал её по голове и радовался: вместе со слезами душу дочери покидало отчаяние.

— Ваше Величество! — донеслось из-за двери, — принято решение о вашей немедленной эвакуации.

— Подожди, — шепнул король дочери. Короткий обмен фразами, и он вернулся:

— Мы уезжаем. Ты в состоянии идти?

Адель натянула одеяло на голову:

— Никуда я не поеду!

— Деля...

— Пока не приму душ и не переоденусь.

Король рассмеялся:

— Вся в мать. У тебя двадцать минут.

Она успела. К эскорту вышла, одетая в строгий костюм. Шарфик и очки помогли скрыть ссадины — времени на макияж не осталось.

Королева тоже постаралась. Поднялась по ступенькам, опираясь на руку мужа и

ослепительно улыбнулась окружающим:

— Спасибо вам всем!

И даже в вертолете с её лица не сходило доброжелательное выражение — как на официальных приемах.

Адель не смотрела. Остров остался позади — изумруд в белой оправе песка, на ложе из сине-зеленого шелка.

4

— Деля. Деля!

— Что? — встрепенулась принцесса.

— О чем задумалась? — королева села рядом с дочерью. Адель положила голову ей на плечо и закрыла глаза.

— Задремала. Очень устала.

— Ну, так спи, моя хорошая.

Пальцы матери гладили по голове, перебирали пряди волос... Стало хорошо-хорошо, как в детстве. Тревоги отступили и Адель заснула.

— Ваше Высочество! Проснитесь.

Адель вздрогнула. Перед ней вытянулся десантник. Родителей в вертолете уже не было.

— Где...

— Их Величества сейчас направляются в столицу. Вас приказано проводить на виллу. Пожалуйста, следуйте за мной, вас осмотрит врач.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В неудобном кресле тело занемело. Потянуться в присутствии тянущихся по стойке «смирно» десантников Адель себе позволить не могла. Поэтому повернулась к иллюминатору, чтобы хоть немного размяться.

Почетный караул выстроился от вертолета до открытой машины. У двери стояли высшие офицеры части.

— Это же частный визит, — Адель откинулась обратно на спинку кресла. Боль в губе подсказала, что прикусила она её слишком сильно.

— Ваше Высочество? — военный терпеливо ждал.

— Пожалуйста, попросите убрать эскорт. И поменять машину на закрытую. Это неофициальный визит, не стоит так стараться.

Десантник козырнул и выскочил из вертолета.

Командир базы, генерал, явился сразу же.

— Ваше Высочество...

— Господин генерал, — прервала Адель официальное приветствие, — Я надеюсь, вы понимаете, что мое появление здесь лучше сохранить в тайне. Подгоните машину к самому вертолету, уберите солдат. А особенно проследите, чтобы в округе никто не пользовался фотоаппаратами. Даже один снимок, просочившийся в сеть...

— Я понял, — кивнул генерал, и через четверть часа на вертолетной площадке остался только автомобиль и водитель.

Адель сняла с шеи шарфик и повязала на голову. А потом нырнула в душное нутро автомобиля и подняла стекла. Никто так и не смог увидеть лица принцессы.

Манжета тонометра сжала руку. Кончики пальцев занемели, но Адель и виду не подала, что ей неприятно. Врач волновался — честь консультировать члена королевской фамилии

выпадает раз в жизни, да и то не всем.

— У Вашего Величества слегка повышено давление. Так же наблюдаются симптомы небольшого переутомления. Я не возьму смелость назначать что-либо, кроме общеукрепляющих препаратов, поэтому...

— Благодарю, — Адель улыбнулась как можно приветливей. Но лед в голосе растопить не смогла. Она на самом деле устала. Хотелось спать, а еще есть. Никому из десантников и в голову не пришло предложить королевской семье хотя бы сухпаек, слишком неординарной оказалась ситуация. Адель надеялась только, что родители уже поели.

— Я рекомендую отдохнуть перед следующим перелетом.

— Благодарю, — повторила Адель и повернулась к генералу, — Можно ускорить вылет?

— Ваше Высочество, врач...

— И тем не менее, я вас прошу об этой небольшой услуге. Отправьте меня на виллу как можно скорее.

— Так точно! — козырнул генерал, но предостерегающий взгляд медика не позволил ему выполнять.

— Ваше Высочество! Поешьте хотя бы! — взмолился врач, — а я тем временем капельницу поставлю. Это недолго!

От волнения он даже забыл и об официальнойности, и о дисциплине. Адель улыбнулась:

— Хорошо. Но только, пока готовят транспорт. Господин генерал, у меня еще одна просьба: не надо готовить отдельно. Пусть принесут то же, что едят остальные. Это и время сэкономит, и силы.

Суп, гуляш, жареная картошка, рис... Кормили на этой военной базе почти так же хорошо, как и в Академии. Но, проглотив последнюю ложку, Адель поняла — никуда она сейчас не полетит. Слишком сильно накрыла усталость. Слишком кружилась голова. И слишком нехорошие мысли лезли в голову.

— Чего он там в меня вливает? — покосилась она на капельницу. Жидкость во флаконе едва перевалила за центральную риску. Можно подремать около часа.

Но сон не шел. Произошедшее никак не хотело отпустить. Адель раз за разом прокручивала в голове свои действия и понимала: сама бы не справилась. Все, на что её хватило — воткнуть шпильку в сонную артерию.

В нос ударил запах крови. Вкус железа на губах — её обрызгало тогда. И руки... Адель поднесла руки к лицу. Ни капли грязи, даже под ногтями чисто. Но отчего же это ощущение липкости? Почему стягивает кожу?

Желудок не выдержал и принцесса едва успела добежать до ведра. А потом долго полоскала рот, пока от ледяной воды не заломило зубы.

— Вы можете отдать меня под трибунал, — ослышался за спиной голов врача, — но никуда я вас сегодня не пущу, Ваше Высочество.

Адель встретила с ним взглядом. И поняла — действительно не пустит.

Кровать лазарета оказалась неожиданно удобной. Снаружи слышался ночной шум базы: сменялись часовые, время от времени ездили машины, и по стенам плыли отпечатки окон. Адель почти поверила, что она в Академии. Только вот комната поменьше, да не сопит на соседней кровати Лу... Интересно, как она отпуск проводит? Тоже наверное, вселится. Только по другому.

С подруги мысли перескочили на командира. И снова отбросили в ужас прошедшего дня. Раз за разом Адель прокручивала ситуации. И понимала, что без помощи лейтенанта...

Она резко села. Голова тут же возмутилась порывом и предметы вокруг затеяли хоровод. Адель не обращала на это внимания. Пришло понимание, неотвратимое, как удары по крышке гвоздя, вгоняемого в гроб.

Лейтенанта не было на Острове. Его не было рядом ни в роще, ни на скалах. Не советы... Адель знала — это не внезапно всплывшие знания, полученные на занятиях. Командир комментировал конкретную ситуацию, советовал, что и как... А значит...

Она схватилась за голову. Такая связь может означать только одно — между ней и лейтенантом... Адель схватилась за голову.

— Так вот в чем причина...

Родители виделись только на рассвете и вечером. Ну, еще и на официальных приемах. Но отец всегда торопился на помощь жене прежде, чем она просила. А мама знала, как отреагирует её муж на то или иное... И не потому, что они изучили друг друга. «Королевский дар» — возможность чувствовать сою любовь на расстоянии. Или проклятье?

— Только не это! Не это... Адель раскачивалась из стороны в сторону. Датчик рядом с кроватью начал попискивать. Девушка сорвала с руки браслет, и взвыла сирена.

Первыми в палату ворвались охранники. Парни готовы были убивать за свою принцессу, но кого — не знали.

Врач примчался сразу за ними.

— Вам плохо? Что-то...

— Простите, — улыбка Адель могла растопить и айсберг, — я неловко повернулась в сне, и вот... — она протянула порванный браслет.

Волна облегчения была ощутимой. Охрана вернулась на пост, а врач лично сменил браслет:

— Неудобно? Но вам придется потерпеть, Ваше Высочество.

В палате остался гореть ночник. Да еще монитор светился. На его экране мерцали точки.

Адель не шевелилась, боясь потревожить их монотонный бег. Но мысли метались...

Мелкие неприятности у окружающих еще можно отнести к недоразумениям. Но колокольчики просто так не разбиваются. И нападение. Убийство королевской семьи... Адель до крови закусил губу. Покушение... Где-то она ошиблась. Очень серьезно ошиблась... А поскольку началось все это недавно...

Принцесса перебирала в памяти события. День за днем, час за часом, поступок за поступком... И единственное, что казалось неправильным — эта связь на расстоянии. И то, что командир — сын канцлера, ничего не меняло.

Из цепи несчастий оставался только один выход...

Адель обдумывала его остаток ночи все утро. И в вертолете, который нес её на виллу. Горничная, телохранители... Адель не узнавала лиц, штат сменили и в груди поселилось беспокойство.

Будуар, совмещенный с кабинетом. Анна направилась прямо туда. На столе царил порядок: справа, в специальных лотках, бумага для письма, простая и гербовая. Слева — лампа. Между ними вытянулся органайзер. Перья, шариковые и гелевые ручки, маркеры... В прозрачной коробочке лежало золотое перо. Анна покрутила его в руках и вернула на место. Взяла обычную ручку и выудила из стопки лист бумаги. Место для стандартного обращения — правый верхний угол.

— Ваше Высочество, прикажете подавать обед?

— Да, через полчаса, пожалуйста.

Чужой голос, чужое лицо... Обслуживающий персонал еще не знал её привычек. И ей, и им придется привыкать.

Душ, переодевание... Адель заставила себя нанести макияж, заколола волосы. Рутинные, ежедневные действия. Они помогали не расслабляться, отогнали панику.

Луковый суп. Адель передернуло: она его терпеть не могла. Но съела все, ложка за ложкой, не показывая отвращения.

Стейк слабой прожарки. Из под ножа показалась кровь. У принцессы челюсти свело, в нос ударил запах пороха, но за спиной стояла горничная, а справа — новый повар. На их лицах застыло волнение. Любое недовольство Её Высочества могло вызвать панику. И Адель решительно положила в рот первый кусочек. И тут же потянулась к бокалу с водой — от вина она отказалась, желая сохранить голову ясной.

— Ты чего ковыряешься?

— Кост! — Адель выскочила из-за стола, — Кост!

— Тише, тише... — брат гладил её по голове, по плечам, — Ну, что ты?

Узел в груди распустился, и Адель разрыдалась. Плакала в голос, спрятав лицо на плече брата. Она не видела, как по его знаку вышла прислуга, не заметила, как он подвел её к дивану и усадил. Плакала, а слезы все не кончались. И успокоилась только, года сил не осталось даже не всхлип.

— Дуреха... — Кост достал из кармана фляжку и взял со стола первый попавшийся бокал. Коричневая жидкость плеснула и затихла на его дне.

— Вот, выпей...

— Кост, я даже вино не стала.

— То — вино. А это тебе сейчас вместо лекарства. Ну? Пей! Залпом!

— Не учи, — хмыкнула Адель и осушила бокал одним глотком. А потом медленно выдыхала, шаря по толу взглядом.

Кост поднес к её губам кусок шоколада:

— Держи.

Адель послушно проглотила угощение.

— Ну как? Полегчало?

— Никакого удовольствия. — пожаловалась сестра, — Кто же коньяк залпом глушит?

— Иногда можно и залпом. Так чем ты тут давилась? Вот... — принц сдержался, увидев стейк, — нашли, что подавать.

Звон колокольчика вернул всех в столовую.

— Есть что-то еще, кроме мяса? — поинтересовался Кост, — Я голодный с дороги.

— Через двадцать минут могу подать рыбу, Ваше Высочество.

— Вот и прекрасно! — Кост уселся на место Адель и придвинул к себе тарелку, — Её Высочеству и подайте. А я с голоду помирать не собираюсь.

Он не церемонился — стейк исчез прежде, чем Адель успела что-то сказать. Ей осталось только улыбнуться, — Не надо рыбу. Я сыта. Благодарю вас.

Брат подал ей руку и вывел в сад.

Голова немного кружилась, то ли от слез, то ли от алкоголя...

— Сестренка, малыш... Все будет хорошо.

— Я знаю, — Адель подставил лицо ветру, — просто устала.

— Да. Ты просто устала.

— Но есть еще одно, — принцесса повернулась к брату, — Кост, у меня не получается разобраться в себе. Даже медитация не помогает.

— Подвинься, — принц уселся рядом с сестрой, — в таком случае, могу предложить свою широкую грудь в качестве подушки для битья. Или, на крайний случай, жилетки. Что выбираешь?

Адель улыбнулась, грустно, но горечи уже не было:

— Жилеткой ты уже был. Как насчет роли советника?

— Все, что пожелает Ваше Высочество! Ну, выкладывай.

— Только родителям не говори, хорошо?

Кост сделал движение, словно запечатал рот:

— Не беспокойся.

— В общем... я не знаю, что делать. Кост, понимаешь... это из за меня все!

Принц перестал улыбаться:

— Выкладывай. Да не мнись ты, знаешь ведь, чем наши шалости грозят.

— Это уже не шалости. Помнишь, я говорила, что колокольчик разбился? Что отец делал? И мама постоянно спотыкалась, падала...

Принц кивнул:

— Было дело.

— А еще до этого я чуть пилотов с охранниками чуть на тот свет не отправила. У них давление резко поднялось, чуть не до криза. Ох, лучше бы мы там... в океане...

Пощечина прервала нарастающую истерику. Адель прижала руку к щеке, но не замолчала:

— В общем... это из-за меня. Что-то я сделала не так. А что — не пойму.

— Дурочка, — обнял сестру Кост, — скажи, ты кто? Ну, что смотришь? Какой титул ты носишь?

— Её Высочество, Принцесса Логская из правящего дома Риас...

— А я?

— Его Высочество. Наследный принц из дома Риас... Кост, а...

— Разницу видишь? Кто ты, и кто я.

Адель кивнула.

— Так вот, малышка, даже мне не под силу вызвать покушение на родителей своим поведением. Разве что устроить заговор. Дожди в пору уборки урожая, засуху, когда росткам на полях нужна вода. Даже шторм в путину. Это — могу. Покушение же — нет. А ведь я Наследник! Понимаешь? Силу воли короля мало что перебить может, нам с тобой это уж точно не под силу. Поэтому... В криз — верю. В раны-порезы — тоже верю. В покушение — прости, малышка, у тебя силенок не хватит. Не доросла ты до таких игр.

Адель молчала, только из взгляда исчезла обреченность.

— У тебя кто командир? Нэй Байю?

— Лейтенант Нэй Байю, — насторожилась Адель.

— Во уж не знаю, поздравлять или сочувствовать...

— А что? Что? — принцесса уже забыла о переживаниях. Брат знал что-то интересное!

— Он сын канцлера.

— Пф, вот еще новость!

— А ты в курсе, что мне его в товарищи пророчили?

— Да ладно! — ахнула Адель, — Расскажи!

По старинному обычаю Наследник Престола воспитывался по особым правилам. Он не мог позволить себе вольностей, и даже товарищи для игр подбирались специально. Позже они составляли основу кабинета министров нового короля.

— Ты чего так удивляешься? — фыркнул принц, Он сын канцлера, как-никак... Правда, тогда его отец был простым министром...

— А почему его кандидатуру отклонили? Ты с ним не ладил? А каким он был?

— Тише ты, тараторка! — рассмеялся Кост, — Все тебе расскажи. Не ладил я с ним. Не ладил. Довольна?

— Нет! — честно ответила Адель.

— И не спросишь, почему?

— Почему?

Кост рассмеялся и щелкнул сестру по ному:

— Вот теперь узнаю сестренку.

Я с Нэем познакомился, когда тебя представляли двору. Мужчины решали свои вопросы, дамы усилились... А Нэй не сводил с меня глаз. Даже жутковато было, — Кост передернул плечами. — А оказалось, он просто завидует моей форме Лейб-Гвардейца!

— О нет!

— О да! Он уже тогда грезил армией. Знаешь, как он мне завидовал? Не тому, что я принц. Тому, что я должен поступить в военный университет, отслужить... И моей коллекции церемониального оружия.

— Нашел чему завидовать!

— Было чему. Ты знаешь, что он в армию пошел против воли родителей? Те пророчили ему карьеру дипломата?

— Что? — Адель задохнулась от смеха, — Нэй Байю — дипломат? С его-то характером!

— Да, характер еще тот. Знаешь, он ведь и игры со мной воспринимал как обязанность. Идеальное послушание. Точное выполнение. Но при этом он никогда не был подхалимом. Если Нэю что-то не нравилось, он говорил об этом прямо. Он же не изменился?

— Ни капельки! Все такой же. И мечтает о Лейб-Гвардии. В академии поговаривают что канцлер против, поэтому все рапорты остаются без ответа.

— Возможно, — кивнул Кост, — Насколько я знаю, он хочет, чтобы сын пошел в политику. И знаешь, что странно? Вариант пройти в кабинет министров по военной линии он даже не рассматривает.

— А ты откуда знаешь?

— Да так, проскальзывало пару раз. Но Деля! Это секрет!

Принцесса повторила жест брата, «запечатав» рот.

— Интересно, а девушка у него есть?

— Вот чего не знаю, того не знаю. После того, как решили, что Нэй плохо на меня влияет, мы виделись только на официальных приемах.

— А он влиял? — хитро сверкнула глазами Адель.

— Как знать, как знать. Знаешь, иногда даже обидно: он ни разу не нарушил субординации. Словно и не помнит, как шалили вместе. Попадались, конечно. Но он всегда брал всю вину на себя. И стойчески выносил наказание.

— А ты?

— А я — Наследник. Я получал свое в отцовском кабинете, подальше от чужих глаз. И представляешь, задница до сих пор чешется, как на шалости тянуть начинает.

Два дня пролетели, как один миг. Кост старался отвлечь сестру от грустных мыслей, убедить, что она не виновата в случившемся.

Глядя на него, Адель потихоньку успокаивалась. Но по ночам она еще слышала выстрелы, и рукам было горячо и липко от крови.

Дежурная горничная и телохранитель, дюжий лейб-гвардеец, врываются в комнату каждую ночь, услышав крик. Поэтому Адель приучила себя плакать молча. Она послушно гуляла, часами плавала в бассейне, глотала таблетки и проходила тесты. Психолог ежедневно укладывал её в кровать, и беседы текли спокойной рекой. Зачастую Адель засыпала прежде, чем заканчивался сеанс.

Единственное, что она утаила и от брата, и от врача — чувства к лейтенанту. Адель запретила себе вспоминать, но его голос звучал в ушах, тени на стене казались его тенью... Несколько раз принцесса порывалась отправить письмо, но каждый раз убирала прямоугольник конверта в секретер, боясь пройти точку невозврата.

Но метания и многочасовые раздумья принесли плоды: Адель решилась. Рапорт об отчислении из Академии превратился в кучку рваной бумаги:

— Я не могу отступить. Я дочь короля. Мне нужно справиться со всем этим самой.

5

Принять решение оказалось проще, чем выполнить задуманное.

Девушка поставила цель: закончить Академию с отличием. Нагрузка росла, и сил думать о лейтенанте не оставалось. Когда принцесса думала, что уже справилась, один взгляд на командира заставлял терять голову. Ноги становились ватными, поджилки тряслись... Радовало одно: Нэй Байю поблажек не делал и совершенно не принимал курсанта Кару Бак вне её звания. Курсант должен пройти обучение. Или покинуть Академию. И он прилагал все силы, чтобы сделать жизнь подчиненных невыносимой. Каре доставалось больше всех: несмотря на старания, ошибок она допускала немало.

Но повода для отчисления не было, и к последнему году обучения на погонах появились офицерские знаки отличия. Пока — с литерой «К» — курсант, а значит, пока на две ступени ниже настоящих.

— То, кем выйдете вы из стен Академии, зависит от результатов итогового года, — не уставал напоминать Нэй Байю, — Некоторым я бы и звание старшины не присвоил!

Кара не пошевелилась, когда в неё уперся тяжелый взгляд. Она научилась не реагировать. Только сердце пропустило удар, а потом бешено заколотилось, так, что в груди стало больно.

— Знаешь, что птичка на хвосте принесла? — Лу, едва дождалась вечера, — Про итоговые баллы?

— Сороки сплетни несут, а ты подхватываешь, — Кара с головой накрылась одеялом, но Лу тут же его стянула.

— Совсем тебя не узнаю! Весь последний год сама не своя. Тихая, зубришь... Может, на свидание сходим?

— А как же Мартис?

— Мартис... Ну что — Мартис? Он и не узнает! Не хочешь? Ну и ладно!

Обижалась Лу не долго, новости требовали выхода:

— Ну так вот, про баллы. Поговаривают, перед самым отпуском у нас будут большие учения. Победивший отряд выпустится лейтенантами и будут рекомендованы на лучшие

должности. В том числе — в Лейб-Гвардию. Остальные выйдут младшими. Ну, и куда государство направит.

— Тоже мне — секрет, — Кара снова завернулась в одеяло, — Все справедливо. Лучших — на самые серьезные посты.

— Да ну тебя! Даже понять не даешь, — Лу надула губы, — Ну что с тобой случилось? Кара сделала вид, что спит.

Лу не болтала зря: от учений зависело многое. В том числе — Лейб-Гвардия. Принцессе, чьей целью было возглавить дворцовую службу телохранителей, просто необходимо было стать лучшей. Только так она могла надеяться убедить отца. И Совет, если до такого дойдет.

После учений следовал месяц каникул, а последующие три месяца уже ничего не решали: выпускники могли расслабиться. Но до этого еще надо дожить. Не сорваться. Выдержать постоянные придирки лейтенанта и... само его присутствие.

Под лозунгом борьбы с собой год пролетел почти незаметно. Настала пора Учений. И разверзся Ад.

Командиры словно забыли, что курсанты — обычные люди. Нагрузки выпадали предельные. Палаты госпиталя, специально освобожденные к этим дням, заполнялись.

Но Кара и Лу держались. Вечером сил не оставалось даже на умывание. Развешивали одежду над костром, ставили поближе мокрые ботинки, и отрубались. Но пинки лейтенанта заставляли их подниматься. Разложить палатку. Проверить снаряжение. Проглотить ужин. Сон прерывался, когда приходило время караула.

Лямки рюкзака натирали плечи. Синяки покрывали все тело, а ноги болели так, что казалось, в ботинках хлюпает не вода, а кровь из стертых подошв. Но лейтенант не давал поблажек. И сам шел наравне с остальными.

Наконец, после изнуряющего марш-броска, отряды получили отдельные задания. Лейтенант выстроил свой:

— Получен приказ: вражеский отряд удерживает заложников. Необходимо их освободить и доставить на точку сбора. Контрольное время окончания операции: девять часов утра. Приступаем!

Цена победы была высока. Отряд выкладывался по полной. «Враги», хоть и не настоящие, тоже жаждали победы: от того, сумеют ли они удержать позиции, зависели уже их выпускные баллы.

И они старались. Десять курсантов против десятерых, плюс по одному командиру с каждой стороны. Лейтенанты тоже из кожи вон лезли: гордость преподавателей тоже требовала свой доли славы.

Они шли след в след, стараясь слиться с лесной подстилкой, прятались за деревьями. Использовали любую неровность местности, чтобы остаться незамеченными. Неожиданно Лейтенант Байю поднял руку:

— Отключить навигатор! По условиям, в этой зоне они не работают.

— Только у нас? Или у них, — один из курсантов мотнул головой в сторону лагеря противника, — тоже?

— В реальных боевых условиях тебе враг об этом докладывать побежит? — огрызнулся лейтенант, — Работаем так, словно у них вся техника в порядке. Ну, что расселись? Бегом — марш!

Лагерь состоял из нескольких землянок. Часовой прохаживался взад-вперед, поглядывая

по сторонам. Иногда его рация оживала, и треск сигнала разносился по лесу.

Лейтенант подал знак. За годы обучения эти жесты ввелись в подкорку, и курсанты перегруппировались. Снова безмолвная команда — и позади часового вырастает тень. Движение — и повязка с рукава сорвана. Убит.

Часовой послушно замирает на земле. Его утаскивают по земле, засыпая след лесной подстилкой. А тень продолжает ходить; взад-вперед, взад-вперед, так что со стороны кажется, что это все тот же солдат.

Бесшумно отряд обследует землянки. Заглянуть в открытое окно, осторожно, чтобы не заметили. Распахнуть дверь и войти перекатом, уходя с линии огня.

Землянки оказались пустыми. И только в последней сидели, привязанные друг к другу, четыре «заложника». Два из них имели на одежде красные отметины — «раны».

— Несем на руках. Кара, Лу, — вперед. Чтобы и комар не подобрался!

— Есть! — отрапортовали девушки.

Груз перекладывали в спешки: часть вещей перекочевала из одних рюкзаков в другие. Те, кому предстояло тащить раненых, избавлялись от лишней ноши.

Кара и Лу тоже получили свою часть. Убедившись, что ничего не гремит и не мешает, девушки ушли вперед. Лейтенант замыкал группу.

«Заложники» сильно замедлили продвижение. Он, по легенде, являлись штатскими, и не обладали навыками, необходимыми для марш-броска. А время поджимало: вернуться на контрольную позже девяти утра значило — проиграть.

Но отряд терпел. «Освобожденным» расчищали дорогу, подавали руки на трудных участках. Но, несмотря на все старания, один из идущих самостоятельно все же захромал.

Ему перевязали стертую ногу и посадили на закорки. Из десяти бойцов трое превратились в носильщиков.

Сохранять скорость в таких условиях не получалось. Поэтому увеличивали осторожность. Но их все же догнали: шарик с краской размазался о шлем. Отряд лишился бойца.

Завязался «бой». Задачей отряда Кары было доставить всех заложников живыми, любой ценой. И лейтенант решился:

— Кара, Адель, и вы трое, — он указал на курсантов, которые отвечали за штатских, — вперед. За заложников головами отвечаете. Мы...

По груди расползлось пятно. «Убит». Лейтенант выругался и сам сорвал нашивку. Курсантам пришлось прорываться самим.

— Как они нас вычислили? — Лу старалась беречь дыхание, но были задачи поважнее.

— Следы?

— Слишком быстро. Слово кто метки оставлял.

Кара оглядела товарищей. Они спешили, как могли, но звуки боя вдлеке уже стихли.

— Я — обратно. Если что — постараюсь задержать. Выполните приказ.

— Кара!

Но девушка уже скрылась в темноте.

Она обогнула место боя по широкой дуге, вернувшись на собственный след. Как заяц. Но подозрения Лу подтвердились: кое-где прутья кустов оказались надломлены. Всегда — парами. Один указывал вверх, второй — туда, куда ушел отряд.

— Ах вы... — Кара едва сдержалась, чтобы не процитировать лейтенанта и заторопилась к отряду.

Там, где шел «бой» до сих пор было шумно. Кара подобралась поближе и приникла к прибору ночного видения.

«Сражение» закончилось. Кара разглядела лейтенанта и еще одного из «убитых». «Враги» стояли рядом с ними и что-то обсуждали. Судя по жестике, решали что-то серьезное. Один сидел рядом с лейтенантом и накладывал лангету ему на ногу. Шуточное ранение обернулось серьезной травмой.

Сейчас было самое время вернуться. Никто бы и не заметил. Или напасть. Но подобное грозило «смертью» уже самой Каре. Правда, давало фору остальным.

Кара вскинула автомат. Одна очередь и...

Кровь брызнула фонтаном. Мужчины корчились на земле, зажимая разорванные шеи и животы. Глаза заволокла алая пелена, и во рту появился привкус железа.

Кара выронила автомат. Лесная подстилка приглушила звук, но «противник» насторожился. Кара застыла, боясь выдать себя неосторожным движением.

Её не заметили. Цепочка бойцов прошла мимо, шагая след в след. Дождавшись, когда они отойдут на достаточное расстояние, Кара покинула укрытие.

— Кара? — «убитый» член отряда смотрел с удивлением.

Лейтенант сделал вид, что её вообще нет. Кара, не обращая внимания на холодный прием, наклонилась над ним:

— Что с ногой?

— Не твое дело. Спасательный отряд уже вызвали, — огрызнулся командир, — Ты почему здесь?

— В разведке.

— Ну, считай, ты её провалила!

— Что с ногой? — повторила Кара вопрос. Слишком странной казалась повязка.

— Там открытый перелом со смещением. Представляешь, кость торчит!

— Заткнись! — рявкнул на бойца лейтенант, но Кара продолжила допрос:

— Спасателей уже вызвали?

— Да говорю же — все в порядке! Дуй отсюда, пока к нам не присоединилась.

Кара отступила. Шаг, другой, и ветки кустов сомкнулись, словно её и не было.

Погоню обогнала быстро. Товарищи же направили автоматы в грудь.

— А, это ты... Что там?

— Гонка, кто первый. Они нам в затылок дышат. И еще, ребята, среди нас предатель.

Ошарашенные взгляды. Даже «заложники» всполошились. Но Кара продолжила:

— Кто-то всю дорогу ветки заламывал. Да и сейчас продолжает. Я на три метки наткнулась, пока шла. Поменяла, конечно, но...

«Заложников» взяли в кольцо.

— Руки им связать? — предложила Лу.

— Еще больше замедлимся. Но дело не в этом. Командир ногу сломал.

— Он...

— «Убит», да. Но травма реальная. Спасателей ему вызвали, но... Ребята, его эвакуируют дай бог к обеду. С открытым переломом, наспех зафиксированным... В общем, если его там оставить, получим инвалида. Это не шутка.

— И... что ты предлагаешь?

— Вытаскивать его надо.

Где-то вдалеке ухнул филин. Тишину нарушали только звуки леса. Люди стояли в

онемении.

— Но тогда мы... проиграем!

— Пусть. Ни холодно нам от этого, ни горячо. А вот командира на пенсию отправят. По инвалидности. Вы понимаете, что это для него значит?

Курсанты прятали друг от друга глаза. Рисковать баллами никто не хотел.

— Тьфу, вояки, — ругнулась Кара.

— Он... — робко сообщила Лу, — нас убьет.

— Не вас, а меня. Ну, так что делать будем?

— А заложников куда девать?

— Да! — вклинился в разговор один из них, — Мы — гражданские лица. Вы обязаны нас защищать.

— Да поймите вы, — Кара старалась держать себя в руках, её голос звучал нарочито ровно, — это не игра. Учения — вот игра. А рисковать жизнью офицера ради непойми чего... А, что вас слушать.

— Но они правы, Кара. Нас же всех... выкинут. Прямо перед выпускными.

— Хорошо. Тогда разделимся. Я возвращаюсь. Мы с Альтом потащим командира, и плевать. Остальные — поторопитесь. Вы должны если не выиграть, то хотя бы не проиграть. Наберите баллы по максимуму!

— Подожди, — от отряда отделился курсант. «Слон», звали его за грацию, с которой он сшибал столы и стулья в аудиториях, — я с тобой. Ну, что смотришь? Я и так не лучший, Лейб-Гвардии мне так и так не видать, дальний гарнизон — предел мечтаний. Так что баллом больше, баллом меньше... Веди!

Они шли без тропы. Кара несколько раз сверяла направление по компасу. И не ошиблась — на поляну они вынырнули ровно в срок.

Альт развел костерок и разогревал сухпаек. Себе и лейтенанту.

— В чего здесь?

— Смотри, подгорит! — кивнула Кара на стоящую на огне банку и повернулась к командиру, — Мы не можем вас оставить. Ужинайте, и выдвигаемся.

— Это что еще за самоуправство?

Голос лейтенанта не предвещал ничего хорошего. Но смутить Кару у него не получилось:

— В отряде достаточно человек для доставки заложников на место. Но наша честь не позволяет бросить тело командира на поживу диким зверям! Поэтому мы вернулись.

— Курсант Кара Шторм! Смирно!

Вместо выполнения приказа девушка начала обсуждать со Слоном, как лучше осуществить эвакуацию.

— Да я тебя...

— Господин лейтенант, — Каре надоел спор, — подумайте сами. У вас открытый перелом. Если оставить вас здесь, обязательно будут осложнения — спасательный отряд до вас только к утру доберется. Возможна инвалидность. Не слишком ли высокая цена за игру?

— Игру? — лейтенант задохнулся от возмущения, — Ты называешь воинскую подготовку, и обучение в обстановке, приближенной к реальным — игрой?

— Так точно, — согласилась Кара.

— Да я тебя... Ты знаешь, что за невыполнение приказа...

— ничего. Господин лейтенант, ничего вы мне сделать не сможете. Даже внеочередной

наряд влечь. А знаете почему? Потому что вы — труп. А трупы приказы не отдают. Они лежат себе тихонько и ждут, куда их живые доставят. Поэтому...

Слон и Альт онемели от наглости Кары. Лейтенант — от возмущения.

— Да...

Но его уже не слушали. Соорудили носилки и, как не брыкался командир, усадили насильно:

— Ребята, как думаете, тело от скорости не растрясет? Может, зафиксировать? Местность все же пересеченная...

Слон и Альт дружно поддержали. И лейтенант смирился. Но всю дорогу шипел себе под нос, придумывая ослушникам самые страшные кары: впервые в жизни его собственные курсанты превратили командира в балласт.

Шли, не останавливаясь. Альт и Кара меняли друг друга, Слон от отдыха отказался:

— Ерунда все это. Главное — успеть.

К точке они явились без четверти девять. Остальной отряд уже ждал, и лица у курсантов были не радостные.

Они проиграли. Доставили всех «заложников», притащили командира, уложились во время, но... проиграли.

Зато «соперники» светились от счастья. До высшего балла им только этой победы не хватало. И предпринятый ими маневр себя оправдал.

— По легенде, заложники друг друга не знали. Что, мозгов не хватило — проверить? — лейтенант стоял перед строем. Даже на костылях он старался держать спину, но выставленная нога в гипсе делала все усилия напрасными. Курсанты едва сохраняли серьезное выражение лиц.

— Значит, как приказы нарушать — так это вы первые! А задание как следует выполнить... Вы что творили? Солдат должен приказы выполнять, а не заниматься самодеятельностью!

— Господин лейтенант, разрешите обратиться!

Он застыл, хватая ртом воздух.

— Курсант Хань, я потрясен вашей наглостью! Перебить старшего по званию...

— Господин лейтенант, разрешите обратиться, — повторила Кара.

— Обращайся, — окинул её подозрительным взглядом командир.

— Солдат должен четко и максимально быстро выполнить приказ. Не думая. Я правильно поняла?

— Да!

— Но разве вы сами не говорили, что важнейшее качество офицера — умение оценивать происходящее и принимать самостоятельные решения? Что с офицерами, которые не умеют думать, стране и врагов не надо — сама себя угробит?

Нэй Байю молчал. А когда заговорил, в голосе слышалась тихо сдерживаемая ярость:

— Вашим заданием было доставить заложников в контрольную точку. Это приказ для солдата. А для офицера сигнал: проверить, нет ли подставы, потому что недооценивать врага...

— Господин лейтенант, в момент освобождения «заложников» вы еще не были «убиты». Но вам тоже не пришла в голову мысль проверить их насчет подставы.

— Ты права, — ухмылку лейтенанта, казалось, можно было увидеть с другого конца плаца, — да только там не мои навыки проверяли. А ваши! Смотрели, как будут действовать

будущее нашей армии!

— Господин лейтенант, вы сами себе противоречите! Или подчиняться команде, или... думать. Просьба к командованию сначала самим определиться, чего оно от нас хочет. К вам тоже, господин лейтенант.

А пока позвольте доложить: группа выполнила поставленную задачу, хотя не в полном объеме. Но это скорее вина командира, чем наша. Что касается вас, господин лейтенант, я своего мнения не изменила: игра, даже столь важная, не стоит жизни и здоровья человека. Поэтому нами было принято решение об эвакуации...

— Заткнись, — неожиданно мирно попросил лейтенант, — Я сейчас сам не знаю, что чувствую. Но поздравляю: вы умудрились вытащить «черный билет». Все ваши баллы аннулированы, следовательно, в очередной отпуск никто из отряда не убывает. Остаемся в Академии, следим за порядком и продолжаем учиться.

Под «учиться» он подразумевал ежедневную муштру». А под «порядком»... Проштрафившуюся команду ждал ад.

Сломанная нога не помешала лейтенанту следить за порядком. Уборка всех помещений Академии. Порядок во дворе и в подсобках. Общежитие. Курсанты радовались, что их не заставляют убирать еще и комнаты.

А командир еще и муштру не отменил. Сопровождать отряд на марш-бросках он не мог, но вот командовать на плацу... Шаги выверялись до сантиметров, положение головы, разворот плеч...

— Лейб-гвардия вам обломилась, благодаря излишней самодеятельности, но я скрашу горе: маршировать вы будете не хуже!

К концу третьей недели Кару тихо ненавидели. Сама она сохраняла железное спокойствие.

— Ну как ты так можешь, а? — заламывала вечерами руки Лу, — Я тебя придушить хочу, а ты как ни в чем не бывало.

— Понимаешь, подруга, тут все дело в расстановке приоритетов. Скажи, стоит жизнь лейтенанта каникул? А наших мест в Лейб-гвардии...

— Мечты многих пущены под откос, — робко возражала Лу.

— Мечты — это мечты. Грезы. Красивая форма, ордена во всю грудь... Реальность куда суровее: мы — солдаты. А значит, должны защищать.

— Лейтенант тоже — солдат. Он тоже... должен.

— Прежде всего — он человек. Мне кажется, она стоит дороже, чем вензеля на погонах.

Лу умолкала, до следующего вечера. А Кара раз за разом твердила одно и то же, словно заведенная:

— Мы поступили правильно.

6

Тяжелые шторы надежно удерживались золотистыми подхватами. Кисти свисали до самого паркета. Его начистили так, что отражалась обувь Его Величества.

Король смотрел в окно. На шпили башен, на флюгера, на перистые облака. Ветер игра с ними, рвал на клочки, сгонял в кучу... Над Дворцом царил покой — первый признак того, что все идет как надо.

Но король волновался. Об этом могли догадаться только хорошо знающие его люди: правая рука крепко сжимала запястье левой. Но лицо оставалось безмятежным.

Налюбовавшись на небо, король повернулся к полкам. Провел рукой по тисненым корешкам книг, задержал на одной, передумал и вернулся за стол.

Справа лежала синяя папка с золотым тиснением. Его Величество подвинул её к себе, открыл, и тут же захлопнул.

— Да что же это такое... Что за напасть... — нажал кнопку селектора: — Пожалуйста, чаю. Крепкого. И без сахара.

Секретарь появился через десять минут. На подносе стоял чайничек белого фарфора, рядом — чайная пара из этого же сервиза.

— Благодарю, — кивнул Его Величество, не отрывая взгляда от книжных полок.

Секретарь слегка поклонился и вышел.

Но когда король решил выпить чаю, он уже остыл. Пришлось пить холодный.

Место папки занял лист бумаги. Король карандашом чертил на нем линии, завитушки, вензеля... Но мысль, которая кружилась в голове, поймать не получалось.

Скомканная бумага полетела в корзину. Король развернулся вместе со стулом к карте, что занимала почти половину стены. Внимание правителя приковал короткий участок границы. Он шел строго по середине широкой реки, и являлся причиной многолетнего спора между государствами.

— Неужели снова...

Защуршал селектор:

— Ваше Величество, — доложил секретарь, — господин Канцлер просит аудиенции.

— Пусть войдет.

Секретарь пропустил канцлера, а сам, подхватив поднос с недопитым чаем, выскользнул из кабинета.

Король уселся в кресло возле длинного журнального стола и кивнул на кресло напротив:

— Опять что-то срочное? Только не говори... — и он снова посмотрел на карту.

— Тут не срочное, тут ЧП, — вздохнул канцлер, — и да, вы не ошиблись.

Кожаная папка легла на столешницу. Король некоторое время смотрел на неё, прежде чем решился открыть. И тут же углубился в доклад.

— И как мы это проморгали? — он бросил листы на стол. Они упали веером, накрыв папку.

— Простите, Ваше Величество, — тут же поднялся канцлер.

— Чего вскочил? Сядь. Виниться потом будешь, сейчас не до этого, — король помолчал. — Это надо же! Создать такую шпионскую сеть и где? Прямо у нас под носом! Вот молодцы! И ведь что украли! Если информация дойдет до адресата... ты представляешь, что будет?

Канцлер молчал. Король вопросительно приподнял бровь:

— Только не говори, что у тебя нет плана!

— Есть, — кивнул канцлер.

— Как-то я в тебе и не сомневался. Выкладывай!

Канцлер огляделся, потом безошибочно снял с полки атлас.

— Вот тут, — карандаш ткнулся в точку на карте, — судя по донесению разведки, готовится передача информации. Если устроить засаду...

Король усмехнулся:

— Слушай, ты же вроде министр финансов, а рассуждаешь...

— Я еще и правая рука короля, — улыбнулся канцлер. — Вы сами просили меня об этом.

— Просил, — согласился Его Величество, — и не разу не пожалел о своем решении. Ты ведь еще в школе был заводилой.

Старые друзья обменялись многозначительными взглядами и вернулись к карте.

— Вернуть информацию мало. Нужно вычислить последнее звено.

— Постой, — снова прервал король. — Если они зашли так далеко, то где гарантия, что мы вскрыли всех шпионов? Включая двойных агентов? Как думаешь, если поручить задание спецотряду Лейб-Гвардии...

— Нельзя. Во-первых, спецотряд точно под колпаком. Даже если они просто исчезнут, это насторожит врага. Нужно отправить тех, кого просто невозможно просчитать.

— Разведку?

— Сеть! — палец канцлера ткнулся в доклад. — Мы не раскрыли её полностью. Без завершающего удара...

— Не темни. Кого предлагаешь?

— Курсантов Королевской Академии. Нэй говорил, у него сейчас отряд... специфичный. И многообещающий.

Король задумался:

— Ты предлагаешь довериться новичкам?

— До выпуска им осталось несколько месяцев, так что подготовка у них достаточная. Думаю, стоит рискнуть. К тому же, отряд Нэя сейчас в Академии, они лишены отпуска. Их отсутствие пройдет незамеченным.

— Проштрафились? Подопечные твоего сына?

— Да, — хмыкнул канцлер, — там довольно занятная история случилась. Нэй сломал ногу, и курсанты с риском провалить задание притащили его на контрольную точку.

— Нарушили приказ? — нахмурился король.

— Не то, чтобы нарушили... Скорее, проворонили шпиона. Но обоснования привели — заслушаешься! Для начала объяснили свои действия тем, что командир мог остаться калекой. В реальной ситуации это допустимо, но в мирное время — нет.

— А Нэй...

— Да, Ваше Величество. Травма оказалась тяжелой. Нэй рисковал навсегда остаться хромым.

— А дальше? Ты сказал «для начала».

— Дальше было все еще интереснее. Когда Нэй начал ругаться, ему просто пригрозили, что привяжут к носилкам! Потому что «трупы не разговаривают, а оставить тело командира на съедение диким зверям им честь не позволяет»!

Король расхохотался.

— Вот прохиндеи! Но во всем остальном они как?

— Зная Нэя — безупречны.

— Но сам Нэй, как я понял — ранен..

— Да. Его придется заменить на другого офицера. Думаю, уместнее всего — кого-нибудь из спецотряда. Молодежи нужен кто-нибудь опытный.

— Хорошо, подготовь приказ. Только, прошу — лично подготовь. Мало ли. И да, Нэй все еще рвется в Лейб-Гвардию?

— Замучил просьбами о переводе, — тяжелый вздох лучше слов показал мнение

канцлера о сыне.

— Так может... разрешишь? Мечта у парня, зачем срезать на корню?

— Ваше Величество, Нэй — весьма одаренный парень. Он может принести пользу стране на более ответственном посту. Но поскольку чиновником становиться не желает категорически, пусть находится там, где его навыки будут наиболее востребованы. Он хороший солдат. Но что важнее — умеет готовить таких же хороших воинов. Это важнее, чем эполетами сверкать на парадах.

— Может быть, ты и прав... — король встал и, не стесняясь старого друга, несколько раз взмахнул руками, разминаясь. — Устал. На спорт времени нет совсем, — усмехнулся, похлопал себя по животу. — Дочь, и та фору дала намедни. Ну, не заедрживаю вас больше, господин канцлер.

Услышав официальные нотки, канцлер тут же поднялся. Предписанный полупоклон, и король снова остался один.

Перечитал доклад. Потом еще раз. Маркером сделал пометки и достал записную книжку. Молодежь уже давно пользовалась гаджетами, но он предпочитал по-старинке: отдел безопасности не раз предупреждал, что взломать можно даже самую защищенную сеть. К тому же и сына приучил: все самое важное Наследник писал от руки.

Стук в дверь отвлек от работы. На пороге возник секретарь.

— Ваше величество, по расписанию у вас открытие онкологического центра.

— Хорошо. Когда мне спускаться?

— Через четверть часа.

Король кивнул и секретарь испарился.

Его величество взял за стола фотографию. Мужчина и женщина. Их улыбки — он знал — предназначались не камерам. Они на самом деле были счастливы. Его родители... Мать так и не смирилась со смертью отца от рака. Этот центр был её мечтой, её детищем. Жаль, вдовствующая королева не дожила...

Король застегнул пиджак, посмотрелся в зеркало.

— Дорогой? — Её Величество, по традиции, пришла проверить, все ли в порядке.

— Ты прекрасно! — он поцеловал её в зардевшуюся щеку и развернул к зеркалу.

Двое. Как на той фотографии. Он — в темном костюме, со значком представителя правящей семьи на лацкане. Она — в бирюзовом платье и шляпке с вуалью. Такой маленькой, что она казалась просто украшением в волосах.

— Подожди, — королева поправила мужу булавку для галстука, — вот теперь — безусловно!

Они ехали в одной машине — как и всегда при совместном посещении мероприятия.

— Дорого, я уже который день не могу дозвониться до Дели, — пожаловалась королева.

Его Величество протянул руку. Секретарь тут же подал личный телефон: номер знали только очень близкие люди: дети, некоторые родственники да пара друзей, из тех, с кем сохранилась связь ее со школы.

Длинные гудки. Король отключился:

— Она перезвонит. Наверное, занята. Ты же знаешь, армия — не санаторий.

— Конечно, — вздохнула королева, — но я соскучилась. Да и Коста почти не вижу.

— Дети выросли, — король взял жену за руку, — мы должны отпустить их.

— Ты прав, — королева промокнула уголки глаз.

— Подъезжаем.

Автомобили королевского кортежа описали дугу и приблизились к зданию онкологического центра. Толпа взорвалась приветственными криками и вспышками фотокамер. Они слепили даже в солнечный день.

— Готова?

Королева кивнула.

По знаку начальства телохранитель открыл дверь. Король вышел из машины, и крики стали еще громче. А когда, опираясь на руку мужа, появилась королева, толпа взревела. Люди протягивали букеты цветов, старались коснуться хотя бы одежды Её Величества. Телохранители, сцепив рук, едва удерживали границы коридора.

— Они тебя любят, — шепнул жене король. Та только улыбнулась. И тихо стояла на полшага сзади всю церемонию. Только, когда пришла пора перерезать красную ленту, вышла вперед: Его Величество уступил эту честь королеве.

Вспышки фотокамер, цветы, улыбающиеся лица, поднятые на вытянутых руках диктофоны... Все это стало привычным за годы супружества. Но волнение не проходило. Сегодня оно было особенно сильным, и королева пожалела, что не позвонила хотя бы сыну.

— Все в порядке?

Король угадал волнение. Улыбка королевы могла обмануть кого угодно, только не его:

— Что-то случилось?

— Нет, все в порядке.

Раздвижные двери распахнулись перед высокими гостями. Но едва королевская чета в сопровождении спонсоров и ведущих гостей вошли в тамбур, как двери резко захлопнулись.

Охранники кинулись вперед — что-то пошло не так. Но сомкнутые створки не желали открываться ни изнутри, ни снаружи. Журналисты кинулись вперед, фотоаппараты щелкали в бешеном темпе, толпа заволновалась... и прозвучал взрыв.

Осколки стекла секли толпу, вызывая панику. Тем, кто оказался близко к эпицентру, было уже все равно.

Несколько журналистов, зажимая платками раны, пытались вести репортажи с места событий, кому-то для этого пришлось выхватить чудом уцелевшую камеру из рук погибшего оператора. Шум паникующей толпы перекрывал остальные звуки, и большинство просто снимало: развороченный холл, окровавленные тела, обезумевших людей. Кто-то спотыкался, падал, остальные бежали дальше, наступая на несчастных.

В море безумия то тут, то там возникали островки спокойствия: это оставшиеся в живых телохранители и гвардейцы пытались навести хоть какой-то порядок. Постепенно это удалось: раненым казали помощь, журналистов оттеснили, отобрав камеры, так что в прямой эфир вышло только то, что передавалось напрямую.

Новостные каналы крутили одно и то же: кадры трагедии, свидетельства очевидцев... Город, а после и страну, охватила паника.

7

Отряд привычно бежал по кругу. Лейтенант, сидя в коляске, следил, чтобы никто не лодырничал. Над плацем то и дело раздавались его насмешливые реплики:

— Слон, поживее! А то пока ты подоспеешь, тебе и дел-то не останется! Лу, о женихах потом мечтать будешь, в свободное время!

Но курсанты уже привыкли и не обращали внимания.

— Тебя он не трогает! — возмутилась Лу, стараясь не сбить дыхание.

— Ага, как же! — выдохнула Кара и замолчала.

Лейтенант после того случая на самом деле оставил подколы. Нарядов вне очереди тоже назначить не мог: весь отряд ими был завален по самое не балуйся. Но командир нашел, как отомстить: за каждую провинность назначался или дополнительный круг, или десяток отжиманий. Кара уползала с плаца позже всех. Но никто не слышал от неё не слова жалобы.

— Ты вообще — человек? Или робот? — удивлялась Лу. Знаешь, ты мне сейчас напоминаешь себя же, но только ту, которая в Академию только пришла. Такая же... бесчувственная.

— А я была другой?

— Была, вздыхала Лу, — в тебе душа была. А теперь... а, что с машиной говорить.

Кара тоже не желала поддерживать разговор. Она едва двигалась от усталости, но почему-то именно эти моменты «наказаний», когда весь отряд расходился, казался самым счастливым. Она бежала по кругу, центром которого был лейтенант, и за спиной словно крылья вырастали. Вся территория Академии, да что там — весь мир словно принадлежали только им двоим. После случая на острове Кара даже себе не смела признаться в чувствах, но даже такие «свидания» делали её счастливой. А еще она радовалась, что сам лейтенант даже не догадывается, какой шторм бушует в душе курсанта Хань, и с благодарностью воспринимала каждое наказание. Не потому, нравилось. Кара считала, что это — правильно. Это — наказание за то, что не смогла удержать себя в руках. И все же в груди щемило, и сердце колотилось сильнее не из-за нагрузки.

Но сегодня рядом с лейтенантом стоял офицер. Командир построил отряд:

— Допрыгались? В общем, прислали мне замену. Знакомьтесь: старший лейтенант...

— Тигр, — перебил офицер. — Зовите меня Тигр, не ошибетесь. Что касается остального, лейтенант Байю уже сказал все, что вас нужно знать. В мои обязанности входит проверить ваши умения, поэтому сейчас расходитесь, и ровно через тридцать минут я жду вас здесь, в полной экипировке. Вопросы есть? Вопросов нет. Разойдитесь!

Кара чуть замешкалась. Тигр казался смутно знакомым, словно она его уже видела. Мельком, давным-давно... Но вспоминать времени не было, и она заторопилась в казармы: переодеться, получить оружие и — на построение.

— Они моя гордость, — проводил курсантов взглядом Нэй, — Особенно вон та, с хвостиком... Язва, упрямая, но к цели идет напролом.

— Ну вот и посмотрим, что нам нынче Академия предлагает, — Тигр дошел до скамейки и уселся, — Сам-то как? Заживает?

— Заживает... Но вот самочувствие... знаешь, какого это — отдавать своих людей под чужое командование?

— Знаю. Но они — не твои люди. Кстати, ходят слухи, что тебя списать хотели.

— Не, врут, — хмыкнул Нэй, — Но если бы не Кара... Да, та самая, с хвостиком, думаю, был бы сейчас инвалидом. А так... есть шанс вернуться в строй.

— Может, еще один рапорт напишешь?

— Еще? Тигр, я их столько уже написал, можно бумагой всю зиму камин в кабинете отца топить... Бесполезно. Он только злится.

— А если... напрямую? С твоей характеристикой...

— Послушай, — Нэй говорил равнодушно, но Тигр насторожился, — ты серьезно думаешь, что король в этом случае не выслушает мнение моего отца? Лейб Гвардия для меня — недостижимая мечта. Так что... придется тебе и за меня там попотеть.

— Да... О, а они пунктуальны! — Тигр заметил первых курсантов и бросил взгляд на часы, — Хоть это радует!

Экзамен оказался суровым. А напоследок Тигр привел всех на тренировочную площадку и выдал специальное оружие. Вместо боевых патронов выдал особые — с краской.

— Все против всех. Задача: пройти всю полосу препятствий и сорвать вон тот значок.

Головы повернулись в указанном направлении. На «водонапорной башне» полоскался на ветру желтый лоскуток.

— Десять, девять...

К концу отсчета никого рядом с тигром не осталось. Он сам, вместе с лейтенантом, отправился на возвышенность, наблюдать за ходом учений.

Кара прикинула к бетонной стене. Складки маскировочной сетки служили неплохой защитой.

В просвете между бочками мелькнула спина. Кара вскинула автомат...

Алое пятно на футболке... Липкие руки. Горячие капли на лице... Вкус крови на губах... Сердце заколотилось так, словно Кара долго-долго бежала на пределе сил, и надо сделать последний шаг, а воздуха не хватает...

Раздирая горло ногтями, девушка рванула ворот. Пуговицы отскочили но легче не стало. Удар в плечо заставил упасть. Кара съежилась на земле, и окружающее утонуло в багровой мари...

— Кара! Кара!

Она открыла глаза. Над ней склонилась Лу. Чуть дальше виднелись встревоженные лица командиров. Кара встретилась взглядами с лейтенантом. Тот тут же отвернулся.

— Курсант, вы здоровы? — поинтересовался Тигр.

— Так точно! — Кару словно вздернули на ноги.

— Тогда... что это было?

Кара знала. Но не издала ни звука.

— У неё с утра голова кружилась, — попробовала заступиться за подругу Лу.

— Курсант, вам разрешали говорить? — Тигр даже головы не повернул, — пять кругов вокруг плаца — марш! А вы — в лазарет.

Врач только вздохнул, увидев на пороге Кару.

— Ну, что теперь?

— Голова закружилась, — соврала девушка.

— Присаживайся, — врач достал тонометр, — и ответь, пожалуйста: за что ваш курс меня так ненавидит? Я сейчас должен был на солнышке нежиться, в море купаться... Ил по горам лазить... Так нет! Кое-кто проштрафился, и мой отдых накрылся медным тазом!

Кара промолчала. Оставить в Академии отряд без врача не имели права, и отпуск врачу перенесли на осень.

— Ну, что молчишь? Хоть бы извинилась! Так, а давление-то повышено! Опять непомерны нагрузки?

— Нет. Это... личное, — Кара даже не солгала.

— Тогда давай руку, будем лечить твое «личное», — игла вошла в вену. — И таблетки. А ее вот предписание снизить тебе нагрузки. Сегодня — отдыхай. Я позвоню лейтенанту.

— У нас другой командир, — вздохнула Кара.

— И тебя, смотрю, это не радует? — хмыкнул врач, — Ладно, не красней. Позвоню новому командиру. Иди, отдыхай.

— Мне... нужна помощь, — Эра нырнула в просьбу, как в омут — с головой. Мелькнула мысль, что признаваться в любви гораздо легче, но тут же исчезла, загнанная в самый угол сознания.

— Что у тебя? — насмешливый тон врача исчез.

— Обещайте, что никому не расскажете. Дайте слово!

— Видишь ли... — врач долго подбирал слова, и молчание стало почти невыносимым. — Видишь ли, ты — курсант. А я — медик при Академии. Если здоровык учащегося что-то угрожает, я просто обязан доложить. Ты сейчас просишь меня пойти на должностное преступление?

— Нет, конечно, — Кара знала слово «обязан» куда лучше, чем «хочу», — и в мыслях не было. Я просто... прошу помощи у специалиста. Если не получится — тогда докладывайте. Но в этом случае я сама напишу рапорт об отчислении.

Врач нахмурился:

— После всего, что ты перенесла — рапорт? Кара, ты, случаем... не беременна?

Полный возмущения, боли и недоумения взгляд лучше всяких слов убедил в обратном.

— Ну, тогда давай сюда свою проблему. Будем препарировать.

Кара выдохнула и начала рассказ.

Изменить историю, не упомянув ничего лишнего, было непросто. Легенду Кара подготовила давно, но не знала, поверит ли врач. Он сделал вид, что поверил.

— Значит, после того случая ты не можешь стрелять?

— Стрелять могу. Целится в человека — нет.

— Да, для ученика Академии это катастрофа. Знаешь, давай-ка начнем с успокоительных. А потом я направлю тебя к психологу. Идет?

Кара кивнула — выхода все равно не было.

Лу спала. Движение в комнате слегка её потревожили, и девушка перевернулась на другой бок. На щеке остался след от шва на подушке.

Кара поправила одеяло на подруге и выключила фонарик.

Она устала за эти дни. Но невозможность ничего сделать выматывала куда больше. И все же пялиться в темноту — единственное, что оставалось. Терпеть и глотать лекарство из пузырька, что лежал в кармане.

Кара нащупала куртку. Щелкнула крышечка, таблетки с тихим стуком посыпались в подставленную ладонь. Кончиками пальцев девушка отсчитала три штуки, остальные высыпала обратно. Темнота не помешала добраться до стола, на котором стояла бутылка с водой. Кара хлебнула прямо из горлышка.

— Так, соберись...

В тишине шепот прозвучал набатом. Лу что-то пробормотала во сне, и Кара тихо вернулась в кровать. Сон не приходил.

Кара уселась на кровати, скрестив ноги. Впереди маячило нерадостное будущее — крушение мечты, разрушение всех надежд. Но ставить крест на планах она не собиралась.

Психолог? Невропатолог? В штате госпиталя состояло немало специалистов, к которым можно было обратиться за помощью. Но для самого лечения требовалось время.

И, поскольку его совсем не осталось, Кара решила попробовать исправить положение самостоятельно: контролировать чувства и эмоции её учили с рождения.

Кровать пружинила, одеяло и подушка мешались. Кара перебралась на пол — там

ничего не отвлекало. Устроилась поудобнее и сплела пальцы обеих рук в замысловатую фигуру. Обычно обходилось без подобных излишеств, но сейчас требовалась особенная сосредоточенность. Концентрация на движениях позволяла отвлечься от текущих проблем.

Постепенно мыли перестали мелькать, как рыбки в парковом пруду. Они потекли, подобно полноводной реке. Широко, вольготно. Ни переката, ни буруна — только величественное спокойствие.

Кара вызвала воспоминания. Почувствовала в руках приклад спортивного ружья, вплоть до царапинки, которая появилась от того, что по полированному дереву скользнуло алмазное кольцо.

Комнату заполнил запах крови. Её вкус появился на губах, и лицо запылало там, где капли коснулись кожи.

Кара с трудом удержалась на месте. Хотелось залезть на кровать, забиться в угол, завернуться в кокон одеяла и выть от отчаяния. Вместо этого она направила реку на полыхающий пожар паники.

Стихии встретились. Огонь схлестнулся с водой. И прогремел взрыв.

Пламя зашипело, раскидывая искры. Они прожигали завесу пара, оставляя прорехи — совсем, как на тлеющем шелке. Но вода не сдавалась. Она выбрасывала все новые клубы, и они обжигали так же сильно, как огонь.

Кара знала, что использует запрещенный прием. И приготовилась к последствиям. Но взрыв оказался очень силен.

По закушенной руке потекла кровь. Теперь её вкус на языке был настоящим. Запах бил в ноздри, а не витал фантомом вокруг. Но это была её кровь, и боль привела в чувство.

Лу сопела на своей кровати. За стенкой спали сокурсники. Один вскрик — и вскочат, примчаться выяснять, в чем дело... И Кара молчала. Закрыла глаза и снова сосредоточилась на реке.

Она отступила. Пожар полыхал на самом берегу, но вода отступала от прогретого песка. Но, повинаясь воле девушки, снова направилась к огню.

Тело болело, словно пришлось всю ночь бежать кросс. Ноги гудели, мышцы плеч одеревенели так, что голова поворачивалась с трудом.

Кара вытянулась на полу, едва сдержав стон. Расслабилась, насколько смогла и закрыла глаза. До подъема оставалось несколько минут, следовало использовать их с толком.

Плац. Тигр медленно прохаживался вдоль строя. Раз, другой... На третий останавливается напротив Кары.

— Назовитесь!

— Курсант Кара Хань! — отчеканила она.

— Вчера на тренировке — что это было? Лейтенант Байю рекомендовал вас как неплохого снайпера. Вы же подвели его как последняя... — он чуть замялся, подбирая слово, но потом решил не церемониться, — профурсетка.

— Прошу прощения, господин старший лейтенант.

— Поздно. Вчера ты угробила весь отряд. Тебе не у кого просить прощения.

Кара молчала. Тигр говорил правду. А еще командир подъехал... Но она не посмела даже вздохнуть.

— То, что случилось вчера — следствие травмы? Отвечай честно!

Времени, чтобы придумать внятный ответ, не оставалось. Пришлось прибегать к

полуправде:

— Так точно! Больше этого не повториться.

Она даже не солгала. Просто... травма была не та, о которой знал лейтенант.

Тигр смотрел то на Кару, то на Нэя. А потом хмыкнул:

— Оставляешь любимице пути отступления? Не похоже на тебя.

Нэй смерил товарища возмущенным взглядом:

— Мои курсанты не лгут. По крайней мере — мне. А у неё — кивок в сторону Кары, — было серьезное сотрясение.

— И поэтому ты рекомендовал её для задания? Нэй...

— Она говорит, что здорова!

— Вчера мы имели счастье это наблюдать, — Тигр сочился сарказмом, — Или твоя протеже сумела чудесным образом исцелиться за одну ночь? Ты сам-то в это веришь? Нэй! Это не шутки! Успех операции...

— Курсант Кара Хань! — лейтенант пропустил тираду товарища мимо ушей, — Вы готовы к экзамену?

— Так точно! — Кара смотрела в одну точку, боясь выдать эмоции.

Лейтенант повернулся к Тигру:

— Ну что? Пойдем готовить задание?

Кара волновалась. Медитация получилась жесткой, от таких практик предостерегали и родители, и наставники. Но другого выхода девушка не видела. Тем более — индивидуальный зачет...

— Как ты можешь быть такой спокойной? — удивлялась Лу. — У меня и то поджилки трясутся!

Кара только виновато пожимала плечами. Не объяснять же, что её с малых лет учили не проявлять эмоций. Улыбаться, казаться милой... Даже если в душе поселилась буря. А она сейчас приводила мысли в хаос.

Поэтому обоих командиров — нового и старого — Кара встретила с облегчением. Даже самый суровый экзамен лучше неизвестности.

— Курсант Кара Хань! Вашим заданием будет ликвидация охраняемого объекта. Знак — черная повязка на рукаве. На подготовку — тридцать минут. Вопросы?

— Ликвидировать только объект, или при непредвиденных обстоятельствах...

— На ваше усмотрение. Но непредвиденные обстоятельства нежелательны. Они снизят балл. Выполняйте.

Кара оглядывала полигон. Перекрытия, лестницы, крыши, стенки... Она знала каждый сантиметр площади. Но товарищи, в одночасье ставшие «объектами» тоже исползали местность на собственных животах и могли принять меры. В то, что они дадут поблажку, Кара не верила. Только не на тренировке. А значит...

В голове роились вопросы. Когда появится объект? С какой стороны? Каким способом — на машине, или пешком? В окружении «телохранителей», или перед визитом проведут разведку? От ответов зависело место засады. Кара отметала все варианты один за другим. Пока не остался один, самый бредовый.

Над крышами возвышалась огромная изогнутая труба. Такие обычно устанавливают на кораблях для вентиляции. Темный провал смотрел на полигон, и укрыться от этого взгляда было невозможно.

Кара забралась наверх, осмотрелась. Обзор только в одну сторону, зато ту, откуда и

появится «объект» — других ходов-выходов нет. Почти идеальное место. Но именно это «почти» давало шанс на победу.

Из жерла пахло горячим железом. Лицо покрылось потом. На солнце труба раскалялась, и даже к утру не успевала отдать ночной прохладе весь жар. «Духовка» — название закрепилось за трубой давным-давно, еще на заре основания Академии.

Она остывала только зимой, но тогда грозила уже обморожением. Труба словно ненавидела людей и мстила им всеми возможными способами.

Пачкаясь в ржавчине Кара нырнула в темное нутро. Оно отозвалось гулом. Девушка тут же отметила, что каждое лишнее движение может привести к провалу. Значит, придется замереть.

Одежда тут же промокла, но Кара не посмела снять даже верхнюю куртку — прикосновение к железу грозило нешуточным ожогом. Немного спасла пенка, уложенная на нижний изгиб. Стоять полулежа... Кара усмехнулась, представив лицо преподавателя словесности. Он очень трепетно относился к подобным экзерсисам, они приводили его в ужас.

Пот заливал глаза. Кара сменила кепи на косынку, надвинув её до самых бровей. Лбу стало мокро, зато смотреть не мешало.

Ружье удобно и привычно легло в руки. Кара замерла в ожидании. Но, если тело оставалось неподвижным, мысли роились, как пчелы в поисках нового улья и жалили так же больно.

Девушка понимала: не выдержит жара, потеряет сознание, и спасти её просто не успеют. «Духовка» — последнее место, в котором будут искать курсанта.

Машину сопровождали три мотоциклиста. Они нарезали круги, мешая прицелиться.

Кара вздохнула и всмотрелась в «объект». Лу? На пятнистой куртке девушки выделялась черная полоса.

Лу окружали сокурсники. «Телохранители». Кара прикрыла оптику — если из «духовки» выпрыгнет солнечный зайчик, местоположение снайпера вычислят мгновенно. И на небе, как назло, не было ни облачка.

Но её не заметили. То ли смотрели плохо, то ли не обращали на трубу особого внимания... Но и выстрелить Кара не могла — на линии огня постоянно кто-то находился — «объект» прикрывали телами. А еще эти мотоциклисты...

Кара сосредоточилась. Палец коснулся спускового крючка. Невесомо, нежно, как поцелуй цветка и бабочки... Но что то мешало Каре выстрелить.

Она прислушалась к себе. Несколько минут, потраченных на проверку, роли не сыграют. А вот одержать победу могут помочь. И Кара прильнула к окуляру.

По верхнему краю повязки на рукаве Лу тянулась желто-зеленая полоса. Разноцветные пятна униформы хорошо её скрадывали. Если бы не интуиция...

Кара взгляделась. Вот оно! Ткань почти сливалась с цветом мотоциклетной куртки. Было очень похоже на декоративную вставку в рукав, и девушка долго глядяваясь, убеждая себя, что не ошиблась. И улыбнулась.

По черной коже расплылась желтая клякса красителя. А Кара почти оглохла — труба усилила звук, беруши помогли плохо. Девушка сидела на дне трубы и надеялась, что расстояние смажет шум, и однокурсники не поймут, откуда стреляли. Потому что любое задание, даже самое опасное, подразумевало приказ вернуться живым. Он не озвучивался, это считалось плохой приметой. Но выполнить его старались все.

Тигр усмехался, наблюдая за метаниями курсантов:

— Оригинальное решение? Неужели ни один не догадается?

— Мы с тобой тоже... не сразу поняли. Использовать «духовку»...

— Рисквая.

— Или дура, — лейтенант хмурился, глядя в безоблачное небо, — после сотрясения туда соваться. Может, объявим об окончании?

— Боишься, что твоя любимица зачет провалит? — хохотнул Тигр, не обращая внимание на потемневший взгляд товарища. — Может. Но этот раунд она точно выиграла!

Дробный топот. Голоса. Кара прислушивалась к каждому звуку, стараясь не выдать себя даже вздохом. В висках стучало. Косынка уже не сдерживала пот, ручьи стекали по лицу, шее, впитывались в ворот футболки. Когда Кара касалась плечом разогретого металла, на нем оставалось мокрое пятно, которое тут же таяло. Единственным плюсом «духовки» оказался полумрак — внутрь попадали только косые лучи солнца. Но с каждым ударом сердца девушке казалось, что становится все темнее. Она посмотрела на часы. Пришлось напрячь зрение, чтобы увидеть тонкие стрелки.

Слишком рано для сумерек.

Кара закусил губу. Во рту стало солоно. Она не сразу поняла, что это кристаллы соли выступили на коже. И зуд от них становился сильнее с каждой секундой. Хотелось плнуть на все, выскочить и рухнуть в бассейн с прохладной водой, даже не снимая одежды. Душ тоже годился. Но сигнала все не было.

Она боялась выглянуть, и не видела, как Тигр хмурится, вслушиваясь в захлебывающийся голос, доносящийся из рации. Как побледнел лейтенант, одним движением разворачивая коляску к зданию Академии. И шум в ушах не сразу позволил услышать разливающийся над плацем звук — приказ ко всеобщему построению.

Тело занемело от неподвижности, и выбраться получилось не с первого раза. Хорошо, что скрываться больше не было нужды, и рядом оказался сокурсник. Протянул руку, вытянул из раскаленного жерла. А дальше был бег наперегонки — успеть занять место в строю, вытянуться, ждать...

Пот заливал глаза, и слова командира заглушались ухающими ударами взбесившегося сердца. Они отдавались в висках, и смысл сказанного лейтенантом почти не доходил. И только, когда в полном молчании дрогнули и пополз вниз флаги — государственный и Академии, чтобы минуту спустя снова подняться, но уже с черными лентами, Кара поняла. Смотрела на приспущенные полотна... и не верила. Вспоминала речь лейтенанта и... отказывалась верить снова.

Сердце ухнуло в последний раз и затихло. Дыхание застыло в груди, потому что вырваться наружу могло только в крике. Надсадном, отчаянном, на грани надрыва...

— Эй, ты в порядке? Кара?

Прикосновение вывело из ступора. Рядом стояла Лу. Красные глаза с потеками туши — она так и не научилась обходиться совсем без косметики. Кара не слышала, что говорила подруга — смотрела на эти темные ручейки от слез, и завидовала. Отчаянно, до боли — у самой слез не было.

Нельзя кричать. Нельзя плакать. Нельзя сорваться, выскочить с плаца, прыгнуть в ближайшую машину и гнать, гнать в столицу, к королевскому дворцу... Потому что она сейчас не Адель ас Кармина, принцесса Логская. Она — Кара Хань, и ничто в этом мире не связывает её с королевской семьей. Осиротевшей семьей...

Кост. Мысль о брате обожгла, хотя душа уже казалась выгоревшей до тла. Какого ему сейчас? Один на один с горем... Скорей бы прислал приказ, позволил разделить боль... попрощаться.

А пока... Пока она будет здесь, в Высшей Королевской Военной Академии. И будет выполнять все, что от неё потребуются. Она не доставит Наследнику беспокойства. Не сейчас.

8

Матрац спружинил, когда Кара с размаху упала на кровать. Грязь с ботинок запачкала покрывало, он девушка не заметила. Усталость отошла куда-то, вместе с планами, которые еще утром казались выполнимыми и реальными. Теперь же осталась только пустота. И желание кого-нибудь убить. Да хоть Лу, что бесшумно двигается по комнатам, что-то делает и... всхлипывает.

Сейчас многие плачут. Потеря короля и королевы — катастрофа для страны... Но что эти рыдающие знают об истинном горе?

Кара сжала кулаки. Никогда больше она не услышит голос отца. Спокойный, с чуть слышимой смешинкой... И не нырнет в тепло материнских объятий... Пустота заполняла нутро, вытесняя остатки человечности. И принесли с собой злость. Злость на весь мир. И жалость к себе.

Они плачут, а Принцесса, дочь, не смеет даже слезинки проронить. Хотя, почему не смеет? Именно потому, что в страна оделась в траур, Кара Хань, курсант Королевской Военной Академии имеет право на скорбь.

Но глаза пересохли. Под веками словно собрались пески жаркой пустыни. И из горла вырвался не всхлип — полувои.

— Что ты? — кинулась к подруге Лу.

— Ничего, — тут же замкнулась Кара. Именно сейчас, а шаткий миг, когда страна замерла на пороге перемен, было нельзя. Цена могла оказаться слишком высокой. — Ничего. Сигнал к ужину уже был?

— Через восемь минут, — Лу поднесла к глазам подруги руку с часами на запястье. — И если ты не успеешь привести себя в порядок...

Она не договорила. Кара сорвалась с места. Только хлопнула дверь, да выпала из шкафа запасная футболка. Лу положила её на место и долго смотрела на устроенный на полке беспорядок. Всегда аккуратная, строгая Кара... вот так... Наверное, на неё подействовало известие о гибели королевской семьи.

Лу вытерла слезы. Короля и королеву любили все. И это послужило залогом процветания. Справиться ли кронпринц? Хотя... уже новый король!

Вода била по голове, плечам, спине... Кара открутила вентили на полную и теперь задыхалась в клубах пара. Кожа горела то ли от прикосновений тугих струй, то ли от поцелуев почти кипятка... Девушка не замечала. В голове, как мышь в колесе, крутилась одна и та же мысль: «их больше нет».

Но ровно через три минуты Кара перекрыла воду и потянулась за полотенцем.

Она растирала ноги, грудь, живот, плечи жесткой тканью. Обожженная кожа жаловалась, но руки продолжали двигаться мерно, не пропуская ни сантиметра. Словно боль позволяла отвлечься, словно наказание могло все исправить... Кара встряхнулась. До ужина

оставалось несколько минут, следовало поторопиться.

Построение. Шаг, другой... Мерный топот идущих в ногу не мешал думать. Нехорошие мысли возвращались, цеплялись одна за хвост другой, устраивали карусель...

— Ты есть не будешь?

Кара подняла глаза на Лу. Та указывала на поднос — салат, гуляш, жареная картошка... Кара не съела ни кусочка! Даже про шоколадку забыла.

— Не хочется.

— Ты не заболела? Может, тепловой удар? После «духовки»... Не тошнит?

— Курсант Кара Хань!

Она выпрямилась. В столовой вскакивать при приближении начальства не полагалось, достаточно было отложить столовые приборы и перестать жевать.

— Курсант Кара Хань! Вам требуется медицинская помощь?

— Никак нет! — она смотрела мимо подъехавшего лейтенанта. Коляска едва-едва проходила между рядами столов, но он упорно продвигался в направлении девушек.

— Тогда почему вы не едите? Государство тратит немалые средства для вашего обеспечения.

Он повторял это почти каждый раз, когда кто-то из курсантов оставлял в тарелке еду. Но сил у Кары не осталось. Она нащупала вилку и набила рот салатом.

Вкуса не чувствовала. Чтобы проглотить, приходилось запивать, и кружка постоянно пустела. Перепуганная Лу наполняла её снова и снова. А лейтенант, убедившись, что все подопечные будут сыты, направился к отдельному столу, где его ждал Тигр.

— Что-то она не очень...

— Справится, — отрезал Нэй.

— Уверен? — Тигр зачихнул в рот мясо и долго жевал, прежде чем проглотить. — Она целый день в «духовке» провела, по жару...

— Потому и выглядит... как ты и сказал — не очень, — Нэй присоединился к другу за ужином. Некоторое время оба ели молча.

Потом Тигр не выдержал:

— Нэй, я верю тебе, и поэтому согласился на эту авантюру. Но ты не слишком переоцениваешь девчонку?

— Слушай, — лейтенант отложил вилку и понизил голос, чтобы никто из курсантов не услышал, — помнишь, ты тогда в этой трубе два часа на спор просидел? Так вот, она, — он ткнул вилкой в сторону Кары, — выглядит сейчас намного лучше, чем ты, когда тебя достали.

Тигр хмыкнул и прекратил спор.

Кара не видела и не слышала. Мозг, потрясенный потерей, отказывался работать. Она механически выскребла тарелку, отнесла поднос на стойку и вернулась в комнату. Осталась вечерняя переключка, а до той поры... Девушка скинула ботинки и рухнула на кровать. Измученное тело отказывалось двигаться, и темнота распахнула ласковые объятия. Засыпая, Кара молилась, чтобы в этот раз сны не пришли.

Переключка прошла, как в тумане. Кара, ведомая Лу, вышла из комнаты и замерла справа от двери. Вымуштрованное тело действовало само, алгоритм вьелся в спинной мозг. И, когда все закончилось и прозвучал отбой, девушка даже не вспомнила, что просыпалась.

Но сигнал ночной, тревожной побудки заставил её подскочить на кровати.

Кара моча выпуталась из одеяла. Двигаться не хотелось, думать — тоже. Рядом

чертыхалась Лу — подбудка прервала очень интересный сон.

— Нет, ты представляешь? Стою я вся такая, в вечернем платье из последней коллекции Лартена, ну в том, бежевом... А, ты же не в курсе. Оно такое... кружевное, с прозрачными вставками по бокам, а от колен волнами расходится. Идешь — и словно из морской пены... Ну вот, стою я, значит, в этом платье, волосы длинные-длинные, в прическу уложены высоко, и жду... А он выходит из машины и протягивает мне букет потрясающих роз! И ведь я знаю, что их ровно сто одна штука, и что в одном из бутонов — бриллиантовое кольцо... И даже знаю, в каком из... И тут этот треклятый сигнал, чтобы ему пусто было! Кара, ты слушаешь?

Лу выглядела несчастной, но в этот раз у Кары не было ни желания, ни сил её успокаивать:

— Кто о чем, а лысый... Бегом, Лу!

Отряд выстроился на плацу. Кто-то на бегу застегивал куртки, кто-то поправлял кепи, а кто-то пытался покрепче завязать шнурки на ботинках. Но все — добротное, без суеты. И как только появились два командира, шеренга замерла.

Тигр и лейтенант медленно обходили курсантов. Кому-то уделяли чуть больше внимания, кому-то — чуть меньше. Те, кому не повезло, забывали даже дышать. Но стоило начальству сделать шаг дальше, как следовал облегченный вздох. Тихий-тихий, чтобы не обеспокоить командирское ухо.

Возле Кары Тигр стоял очень долго. Осмотрел сначала с головы до ног, после — с ног до головы. И повторил. Потом повернулся к товарищу:

— Нэй, ты уверен? — в голосе звучало сомнение.

В ответ последовал кивок — лейтенант даже говорить ничего не стал.

После странного осмотра личного состава командир отступил и Тигр зачитал список из девяти имен.

— Кого не назвали — вольно и разойтись. Остальные — за мной!

В кабинете лейтенанта сразу стало тесно. Он сам сменил коляску на костыли, но поторопился занять место за столом — Тигр замер рядом, и его неподвижность была сродни напряжению дикого зверя, готового ринуться в атаку.

Нжй Байю придвинул к себе папку — именно ему полагалось зачитать приказ. Но прежде, чем достать гербовой лист, он обвел осмотрел курсантов. Каждому заглянул в глаза, словно стараясь рассмотреть саму душу.

Он редко ошибался в людях. И за прошедшие годы сумел сделать из простых солдат — элитных бойцов. Пусть до выпуска еще несколько месяцев, перед столом застыли навтыжку хорошо обученные воины. Даже суматошная Лу, заливающая все вокруг себя щебечущим мехом. Даже язвительная, замкнутая в себе Кара. Особенно Кара. Он задержал на девушке взгляд. Она смотрела в одну точку, и казалось, вместо живого лица на ней — маска.

Это тревожило: его подопечная не считала нужным поделиться с командиром своими бедами. Пальцы сжались на синем картоне папки. Нэй заставил себя расслабиться, надеясь, что никто не заметит. Но мимолетная ухмылка Тигра развеяла мечты. Вспомнился недавний разговор.

— Нэй, подумай еще раз. Мне кажется, ты не совсем... объективен.

— Я объективен, — возмутился Нэй. — Со... — он вовремя осекся, на миг забыв, что в Академии товарищ предпочитает использовать позывной, — Тигр, она готова!

— Признаю, использовать «духовку» было умно. А то, что она выдержала, говорит о хорошей физической подготовке. Но... ты сам говорил, что у курсанта Кары Хань совсем недавно была травма. Которая может поставить выполнение задания под угрозу!

— Она справится!

Тигр замер, оглядывая старого друга. Потом хохотнул:

— Нэй, если бы я тебя не знал... Ты влюбился?

— Да пошел ты... — задохнулся лейтенант, но тут же взял себя в руки. — И все-таки я настаиваю на рассмотрении кандидатуры курсанта Кары Хань.

— Как старший по званию я могу отклонить твоё представление. Но если объяснишь... ведь читал её лично дело. Да, отчаянна, исполнительна, инициативна... Но последнее задание провалила из-за излишней самоуверенности! Нэй, если ты благодарен ей за то, что она спасла тебе ногу...

— Заткнись! — пальцы лейтенанта сжались в кулак и удар обрушился на ни в чём не повинную ручку инвалидного кресла. — Ты что, считаешь меня потерявшим голову юнцом? Тигр, поверь — Кара сделала выводы, она это умеет. Но если с тобой что-то случится, именно она сможет принять на себя командование. За ней пойдут без разговоров. Знаешь... я бы сказал, умение заставлять слушаться у неё в крови. Она прирожденный командир.

— Или сумасбродная девчонка. Но я верю твоей чуйке, она никогда не подводила. Давай сюда свой список.

Курсанты терпеливо ждали, когда начальство перестанет сверлить их взглядом и сообщит, зачем их подняли среди ночи по тревоге.

Лейтенант открыл папку:

— Пусть вы ещё курсанты, но сейчас вы нужны своей стране, как никогда.

Строй подтянулся. В глазах зажегся огонь. И только Кара встревожилась ещё больше. В свете последних событий то, что на задание отправляли не спецотряд лейб-гвардии, внушало даже не страх — ужас. Но она заставила себя успокоиться — командир давал водные.

— Через два дня на границе планируется провокация. Цель — отвлечь нас и переправить объект. — с фотокарточки, сквозь квадратную оправу очков, смотрел немолодой мужчина. Седые волосы гладко зачесаны, из-за ворота белоснежного, в синеву, халата выглядывает аккуратный узел галстука. И только разноцветные колпачки ручек, выглядывающие из нагрудного кармана, нарушали весь официоз.

Лейтенант не заметил, как вздрогнула Кара и продолжал:

— Наша задача: вернуть объект целым и невредимым. В случае, если это окажется невозможным — уничтожить. Но это будет означать провал операции. — Нэй выдержал паузу, стараясь смириться с тем, что сейчас произнесет, — Командиром отряда назначен старший лейтенант Тигр. Все точные вводные получите от него. Вопросы?

На мгновение в кабинете воцарилась тишина. Нэй кивнул товарищу:

— Принимай командование.

Голос остался ровным, но в душе бушевал ураган: теперь он не мог помочь своим курсантам ничем. И не только из-за ранения. Отныне и до возвращения он для них — никто.

Тигр понял и шагнул вперед, хрустя костяшками пальцев. Щелчки звучали громче выстрелов.

— Готовы? Тогда — за мной!

Проверка снаряжения. Укладка рюкзаков. Ничего лишнего. Кара методично разбирала

вещи. Руки действовали сами, в голове же теснились мысли.

Правильно ли она поступает? Тел родителей еще не преданы земле, а дочь не спешит проводить их в последний путь. Принцесса, место которой рядом с Наследником, пакует баулы, чтобы выдвинуться к черту на кулички, а брат даже не пытается вернуть её домой! Она что, теперь лишняя в королевской семье?

Девушка закусила губу, отгоняя нехорошие мысли. Кост — это Кост. Если до сих пор ничего не предпринял, значит, нельзя. Значит...

Взгляд седого мужчины с фотокарточки был серьезен. Кара знала, кто он. Если один из ведущих разработчиков... — Кара мотнула головой. Даже в мыслях запрещая называть себе имя и должность предателя, словно кто мог подслушать. Но решение приняла: если произойдет утечка информации, Кост столкнется с такими трудностями, что... последствиях думать не хотелось. Она пойдет на задание. Она его выполнит. А потом закончит обучение, вернется домой и встанет рядом с братом. Ему будет нужна её помощь.

Погрузка в автобус прошла в тишине. Через некоторое время возбуждение улеглось и курсанты задремали, сберегая силы.

Кара не спала. Тусклый свет в салоне превращал окно в зеркало, и отражение девушки накладывалось на тени вдоль дроб. Они клубились аморфными фигурами, и только иногда фары встречных машин превращали их обратно в кусты и деревья.

Девушка не обращала на метаморфозы внимания. Она думала о брате. Мысли о родителях причиняли нестерпимую боль, которую нельзя было выплеснуть ни к слезам, ни в крике... И Кара думала о брате. О том, что ему сейчас еще тяжелее, чем ей — стоять в кондиционированных залах Дворца, выслушивать соболезнования, принимать участие в заседаниях Совета... Их сейчас очень много, гибель Его Величества запустила глубинные процессы, незаметны взгляду простого человека. Следовало вернуть все на прежние рельсы до того, как изменения станут катастрофическими.

Рядом с Наследником — жена. Она поддержит, подставит плечо. А Кара... рядом с ней сокурсники. И пусть им не открыт истинной причины, переживать в их компании гору куда легче, чем среди официальных приемов, где за скорбными масками часто скрыты радостные оскалы.

А еще задание... Сейчас оно казалось невероятно важным. Здесь, на границе королевства, происходили события, способные разорвать мир. Косту как никогда нужна помощь сестры. И она справится. Жаль только, командир остался в Академии...

Мысли скользнули к лейтенанту. Сейчас, на грани сна и яви, они казались спокойными и не причиняли боли. А может, её заглушила другая, более острая... Или Кара все же научилась справляться со своими чувствами? Она не стала разбираться. Просто приняла как данность, что уже скучает. И порадовалась, что Нэй Байю ничего не знает об истинном происхождении одного из своих курсантов. Он бы не поменял своего отношения, не тот характер. Но вот настоять на возвращении Принцессы домой вполне в его духе. Как и в духе его отца. То, что Кост сумел сохранить все в тайне от Канцлера... Кара покачала головой и поднялась — автобус прибыл к месту назначения.

— Ваше Высочество, — канцлер догнал Наследника у самой машины. — Мы никак не можем связаться с Её Высочеством. Телефон не отвечает, а отследить по навигатору невозможно.

Крон-принц кивнул:

— Знаю. Я пошлю сообщение сегодня-же.

Канцлер отступил с легким поклоном. Наследник нырнул в прохладу салона, доставая телефон. Рассеяно улыбнулся жене, качающей на руках малыша, и набрал номер.

Тихо зурчал мотор, кортеж выехал в распахнутые ворота, мимо вытянувшихся в струнку гвардейцев.

— Диам? Да, надо встретиться. Я выделю сегодня время, ночью, да, раньше никак... Это касается...

Канцлер смотрел на закрывающиеся створки. Солнце сверкало на золоченых кончиках пик, венчающих столбы ворот. Они ярко выделялись на фоне плотной зелени. Кортеж скрылся за деревьями и грохот взрыва заставил землю содрогнуться. Ветки всколыхнулись, и над ними вырос буро-сизый столб взрыва.

Вертолет доставил отряд на базу. Курсанты выпрыгивали из «вертушки» на бетонное покрытие и сразу отбегали в сторону, чтобы не мешать выгрузке остальных. Кара, придерживая на плече лямку рюкзака, залюбовалась восходом.

Розоватые пальцы зари прорезали утренние сумерки, и у кромки земли и неба золотилось восходящее солнце. Миг полной тишины, покоя, когда стихали ночные птицы, а дневные еще только просыпались, не смея потревожить рассвет... Но сейчас о тишине можно было и не вспоминать. Воздух ритмично вздрагивал от ударов лопастей, и люди кричали, стараясь перекрыть этот шум. Поправив рюкзак, Кара бегом кинулась за командиром — с момента, как они покинули Академию, Тигр передвигался только бегом.

Час на завтрак. Час — на получение точного задания командиром. Утро только-только вступило в права, а открытые внедорожники углубились по грунтовкам в лес, увозя отряд как можно ближе к месту высадки. В назначенном месте Тигр отдал команду, и курсанты утонули в безбрежной зелени — до места нарушения границы им следовало добираться пешком. Никто, даже пограничники не знали о готовящейся операции.

9

Полиция и гвардия оцепила место трагедии. Но машина Его Высочества Наследного Принца взорвалась вне пределов резиденции. Очистить близлежащий парк, любимое место отдыха горожан, оказалось не так просто. Поняв, что случилось, люди теснились вокруг, многие рыдали. Над толпой тут и там взлетали руки с телефонами — стримеры вели прямую трансляцию.

Телевизионные каналы не отставали. Ведущие тараторили на фоне пожара, операторы изгибались под невероятным углом, стараясь получить эксклюзив, и все утверждали, что только у них — самые свежие новости.

Канцлер стоял поодаль. Едва ли не впервые в жизни он не знал, что делать. Дерзкие нападения произошли с разницей в несколько дней, и несмотря на беспрецедентные меры безопасности, королевская семья была уничтожена почти полностью. Из прямых Наследников в живых оставались Принцесса и её троюродная тетушка, которая оживала свои дни в старой горной резиденции — туда удалялись на покой все члены правящего дома, когда искали уединения.

Старуха уже ни на что не претендовала. А вот Принцесса... Младшая дочь неожиданно встала во главе семьи. Но самое страшное, Канцлер даже не представлял, где её искать. Где-то в армии, но где? Даже имени, под которым Её Высочество проходила службу, никто не

знал.

— Господин Канцлер, — один из специальных следователей протянул запаянный пакет. В прозрачном пластике корчилась от жара обгоревшая записная книжка. Принц, как и его отец, любил держать важную информацию на бумаге.

— Я заберу, — осторожно, чтобы не повредить ставшую хрупкой бумагу, Первый Министр положил пакет в свой портфель. Секретарь протянул руку, чтобы забрать, но получил отказ. Канцлер не доверил заботу о блокноте даже ближайшему соратнику.

Они успели вовремя.

Заняли места, рассредоточились так, чтобы мимо мышь не пролетела. Несколько раз мимо проходили пограничные патрули, но даже собаки не почуяли чужаков.

Слон в очередной раз подал сигнал. Кара застыла, прикинув к окуляру снайперской винтовки. Между деревьями мелькнули человеческие силуэты.

Одетые в камуфляж люди двигались ловко, так, что под тяжелыми ботинками даже трава не шуршала. Но один из идущих выбивался из общего строя: шагал тяжело, и дышал... неправильно. Грудь вздымалась, как после тяжелого бега и видно было, как он устал.

Кара взгляделась. Знакомое лицо. Даже не по фотографии, а так... Они встречались в ой, другой жизни, когда Её Высочество Принцесса Логская сопровождала отца в один Исследовательский Институт.

Девушка сосчитала до десяти, не сводя глаз с цели. Она ждала сигнала. И как только разжался затянутый в черную перчатку кулак — выстрелила.

Неожиданно это получилось легко. Выдохнуть. Задержать дыхание, тронуть пальцем спусковой крючок... Идущий справа от «объекта» солдат дернулся и свалился под ноги товарищам. Те замешкались. Один обхватил ученого и повалил в траву. Но навстречу ему уже вставал Тигр.

Они перехватили «объект» слишком легко. Потащили в чашу. Кто-то мчался впереди, расчищая путь, кто-то прикрывал отход... Кара собралась спрыгнуть и присоединиться к отряду, как...

Их оказалось гораздо больше, чем обещали. Опытные бойцы против новичков. Бежали, и этот молчаливый бег не сулил ничего хорошего.

На заставе услышали выстрелы. Но пока поднимутся, пока придут на помощь, операция будет сорвана. Кара поймала в окуляр потный затылок ученого. Короткое движение пальца, и он взорвется сотней осколков, пятная траву и подлесок буро-красным...

Это правильный вариант. Только так. Кара выдохнула. Можно остаться, прикрыть отход, продержаться какое-то время в надежде, что придет помощь... Но обманывать себя не хотелось — этого не будет. Она умрет тут, на первом своем задании. Адель ас Кармина, принцесса Логская... И нарушит все мыслимые и немыслимые законы. Она — член правящего дома, и что она делает тут, в этом лесу, почему участвует в приграничной тычке?

Спрыгнуть с дерева, догнать отряд... А потом сообщить настоящее имя. И через два часа она обнимет брата.

Девушка облизала губы. Три, два, один... И нажала кнопку рации:

— Я прикрою.

Тигр моментально оценил обстановку. «Объект» затруднял движение, кому-то просто необходимо было остаться, и почему бы не Каре? Скорее всего, она погибнет, но выиграет для отряда несколько минут. Жизненно необходимых минут — приграничные патрули

наверняка услышали перестрелку и торопятся к месту стычки.

— Приказываю продержаться!

— Слушаюсь, — прощуршало в динамике и неосторожно высунувшийся преследователь упал, нелепо взмахнув руками.

Остальные затаились. Но их оружие не бездействовало.

Пограничники оказались проворнее, чем ожидалось. Тигр коротко назвался и велел проводить отряд к командованию. В ответ прозвучал приказ сложить оружие.

Старший лейтенант вспыхнул:

— Идите вы... Там у меня боец этих гадов сдерживает, а вы...

Над деревьями взметнулось пламя. А через несколько мгновений долетел звук взрыва. Бойцы присели, готовые ринутся под прикрытие крепких стволов, но не пришлось — воцарилась тишина. Смолкли даже птицы, и только дым пожара заволакивал небо жирными мазками.

Несколько пограничников нырнули в кусты. Командир же велел Тигру:

— Автоматы на предохранители и дулом вниз, за спину.

По знаку старшего лейтенанта курсанты подчинились. Но к «объекту» по-прежнему никого не подпускали. Тигр оглядел отряд. Трое нуждались в срочной медицинской помощи. Еще двое прихрамывали. И у всех без исключения имелись ушибы и ссадины. Но они были живы. Все, кроме отчаянной девчонки, оставшейся прикрывать отряд... Тигр запретил себе думать о плохом — незачем притягивать несчастья. У Кары оставался шанс выжить. Упустить его она не имела права!

Командующий заставой связался с вышестоящим начальством. Те подтвердили полномочия Тигра и велели оказать содействие. Все, что он потребует. А требовалось немного — отдельная комната, куда поместили ученого, и не лезть в их дела.

На посту у закрытой двери стояли по двое. Еще один находился вместе с «объектом». Ученый поначалу пытался что-то сказать, объяснить, но Тигр прервал все излияния:

— Тебе лучше помолчать. У меня приказ доставить тебя живым, и только.

Интонация, с которой это было произнесено, испугала пленника, и он надолго замолчал.

А Тигр не находил себе места. Внешне он оставался спокойным, но нервы натянулись, как канаты, тянущие неподъемный груз. От внеплановой прогулки по приграничной территории старшего лейтенанта сдерживал только долг.

Но все его вопросы скоро разрешились. Посыльный сообщи, что командира специального отряда хочет видеть командующий части.

На длинном столе, предназначенном для совещаний, на пакете, лежал обугленный ботинок и искореженная снайперская винтовка.

— Там все разворочено. Пожар едва потушили. И, похоже, ваш боец оказался в эпицентре — это все, что от него осталось.

Тигр мрачно смотрел на черную подошву.

— Остальные?

— Никто не выжил. Даже раненых нет. Если хотите осмотреть тела...

Тигр хотел. Очень хотел. Но, как ни старался, ничего нового не узнал. И чувство тревоги не исчезало: он бы уверен, что сделал все правильно... но изо всех сил хотел оттянуть встречу с Нэем.

— Черт бы тебя побрал, Кара Хань. Какого ты не выполнила последний приказ?

Лейтенант Нэй Байю стоял перед большим портретом, утопающим в цветах. Пальцы сжатые на перекладинах костылей, побелели.

— Прости. Я плохо обучил тебя...

Глаза Нэя блестели от не пролитых слез. Но девушке, серьезно взвешивающей с фотографии, было все равно.

— Не казни себя, — Тигр положил руку на плечо друга. — Она была настоящим воином. И, черт тебя дери, я начинаю понимать, что ты в ней нашел!

— Ты был прав, — голос Нэя звучал неестественно спокойно, — не следовало её отправлять. Она...

— Тогда на её месте был-бы другой. Нэй! — руки друга сжали плечи лейтенанта и с силой встряхнули, — Очнись! Давай напьемся, ты набьешь мне морду, и все будет...

— Не будет, — высвободился Нэй. — Пойдем, скоро трансляция.

По всем телевизионным каналам страны, на всех рекламных проекторах в супермаркетах, в кафе, на вокзалах и в аэропортах показывали одно и то же — похороны королевской семьи.

Закрытые гробы стояли на лафетах в крупнейшем Храме страны. Два из них укрывали желто-черны стяги правящего дома. Такие же, только с синей каймой, укутывали гроб крон-принца, который так и не стал королем.

Принцесса — хрупкая фигурка на фоне стены из траурных цветов — всю церемонию простояла неподвижно, хотя специально для неё принесли покрытый крепом стул. Она приняла соболезнования от Канцлера и Министров, после — от высшей знати. А после — от сотен, тысяч людей, пришедших проститься со своим королем. Выражение её лица скрывала плотная вуаль.

— Бедняжка, — вздохнул Тигр, — совсем одна осталась.

— Будет еще труднее, — вздохнул Нэй. Он не понаслышке знал о суровых правилах Дворца, и скорбь юной девушки словно переплеталась с его горем.

Больше за всю трансляцию никто не произнес ни слова. Только когда гробы на широких полотнах опустили в земляные ямы, устланные тканью и цветами, и рота Лейб-Гвардейцев вскинула ружья для последнего залпа, прозвучала команда. Курсанты вытянулись и замерли, салютуя безвременному ушедшему оплоту страны.

Кадры похорон на экране сменил ведущий. Со скорбным видом он перечислял, кто из правителей прислал соболезнования. На строгом костюме ярко выделялась бело-черная траурная лента.

Нэй щелкнул кнопкой пульта. Экран погас.

— Вольно. Разойдись.

Курсанты покидали зал в тишине.

10

Несмотря на гибель Кары задание сочли успешно выполненным. И подопечных Нэя отпустили на каникулы. А его отправили в отпуск по состоянию здоровья — причины противиться у него больше не было.

Оставаться в своей комнате в Академии он не мог — она вдруг стала тесной и душной. Воздуха не хватало, а из коридора то и дело слышался знакомый голос. Кара не желала отпускать свою жертву. И, сидя в тишине и одиночестве, Нэй вдруг понял, как ему не хватает этой девушки. Как тоскливо без острых, на грани приличия шуточек, язвительных ответов.

Без гибкой фигурки, нарезающей круги по плацу...

Еще несколько дней понадобилось, чтобы осознать: он влюблен. И от понимания, что понимание слишком поздно, захотелось перекинуть веревку да вон хоть через тот турник, завязать петлю и...

Вместо этого он напился. В одиночку, жестоко нарушая все правила Академии. Пил рюмку за рюмкой, а когда не смог наполнить её — стал глотать прямо из горла. Пил, пока не закружилась голова, пока реальность не потеряла очертания, пока глаза не застила черная пелена...

Разбудила жажда. Из рта воняло, язык напоминал наждачную бумагу, а губы склеились так, словно накануне их клеем смазали. Не открывая глаз, Нэй протянул руку. Пальцы нащупали лежащую на боку рюмку, сдвинули вилку и наткнулись на что-то липкое. Нэй нехотя проснулся. Поднятая к глазам рука была перепачкана красным.

Острый соус из красного перца... Взгляд скользнул по смятым пакетам из-под закусок — рыбы, кальмаров, чипсов — и устремился дальше, к бутылке зеленого стекла. Липкие пальцы обхватили её, пачкая красным, но в жадно раскрытый рот упало лишь несколько капель.

На полу, возле стула, грудой лежали разномастные бутылки — Нэй пил все, до чего смог дотянуться. Но все до одной оказались пустыми.

Пришлось встать. Лейтенант забыл о раненой ноге и она тут же подвернулась, заставив упасть обратно на стул.

Зато боль прояснила затуманенную голову. Ровно настолько, чтобы понять всю мерзость происходящего.

Костыли валялись в стороне — то ли потерянные, то ли отправленные подальше пинком... Нэю пришлось встать на четвереньки ползти, чтобы до них добраться. Унижение достигло апогея — из глаз полились слезы. Злые, пьяные... не приносящие облегчения.

Волоча ногу, кое-как удерживая равновесие, Нэй добрался до бутылки с водой и осушил её больше, чем на две трети. В голове шумело, и боль сверлила затылок шумной дрелью. Оглядываясь на разгром, царящий в комнате, лейтенант понял: если не остановится, подпишет себе смертный приговор.

К такси, через два часа подкатившему к главным воротам Академии, вышел ничем не напоминающий пьянчужку офицер. Отглаженная форма, чисто выбритый подбородок. Только красные глаза напоминали о безумно проведенных днях, да костыли не всегда правильно вставали на землю, заставляя время от времени терять равновесие.

Но лейтенант отказался от помощи водителя, кинул на заднее сиденье сумку и сам уселся туда же. Тихо загудел моторчик, опуская стекло.

— У меня кондиционер.

— Так выключи, — равнодушно велел лейтенант и назвал адрес.

Больше водитель по поводу открытого окна не возмущался — тому, кто вхож в загородный дома Канцлера, возражать опасно. Машина вздрогнула и, выплюнув газовое облачко, оставила ворота Академии позади.

Мама встретила как обычно: охами и ахами. Сын похудел, осунулся... А уж раненая нога и вовсе привела её в ужас. Нэй поспешил улизнуть в свою комнату, слушать причитания после похмелья было невыносимо. Да и разочаровывать матушку — тоже.

Но она не отставала. Сын редко появлялся дома, да и звонками не баловал. Так что

обрадованная женщина то и дело подходила к двери и интересовалась, не надо ли ему что-нибудь. Наконец, Нэй не выдержал:

— Мам, я устал. Пожалуйста, дай мне отдохнуть! А после я буду в полном твоём распоряжении на время всего отпуска!

— Ты обещал! — женщина словно поставила печать под договором и оставила сына в покое.

Как ни оттягивал Нэй встречу, а к ужину ему спуститься пришлось. На длинном столе стояло только два прибора, и только расставленные по центру низкие вазы с цветами спасали от ощущения пустоты.

— А отец? — Нэй поцеловал мать и заторопился к своему месту. Сон, ванна и куча принятых лекарств помогли, но ноги все еще дрожали. Особенно раненая.

— Он позвонил, что не придет, — вздохнула жена Канцлера. — Отец теперь редко бывает дома... Во Дворце кутерьма, все растеряны, никто не знает, что делать...

— Еще бы, — горько усмехнулся Нэй.

— А главное, — мать понизила голос до шепота, — они ждут очередного удара! Ходят слухи, что злоумышленник не успокоится, пока не уничтожит весь королевский род.

У Нэя перед глазами встала колыбелька с младенцем. И мальчик в форме лейб-гвардейца рядом.

— Нужно усилить охрану.

Ох, неужели ты думаешь, что отец об этом не подумал? Во Дворец сейчас и муха не проберется! Но хватит о делах. Я хочу радоваться, что мой единственный сын все же соизволил навестить родителей! И я никому не позволю омрачить эти мгновения, даже если весь мир полетит в тартарары!

Нэй не стал спорить. Болтовня матушки отвлекала от вновь проснувшегося горя.

На какое-то время ему показалось, что он вернулся в прошлое. Беззаботное детство, воркотня матушки... На столе — его любимый яблочный пирог... Ровно порезанные кусочки на специальном блюде источали умопомрачительный аромат. И Нэй, как прежде, подхватил тот, что золотился крепкой корочкой и тут же сунул обожженные пальцы в рот.

— Ну сущий ребенок, — укоризненно вздохнула матушка и рассмеялась. Нэй подмигнул и снова нарушил все мыслимые правила этикета — укусил глубоко, так, что на щеках остались сладкие крошки.

— Нэй! — матушка указала на прибор, — Или мне тебя без сладкого оставить?

Вместо ответа он торопливо дожевал кусок и потянулся за следующим.

— Ох, как же соскучилась по твоим проделкам!

Но, несмотря на все попытки забыть о неприятностях, тревога не исчезала. Мысли вертелись вокруг организации безопасности Принцессы, так внезапно получившей титул Наследной.

Нэй понимал — это не его дело, в Службе Безопасности не новички, и сейчас они носом землю рыть будут, чтобы искупить вину... Но, едва он переставал думать о Лейб-Гвардии, в мысли горьким эхом вривалась Кара Хань.

Нэй вспоминал каждый день, каждый час, каждый миг её службы. И корил себя за то, что их оказалось так мало. Но в то же время понимал: повернись время вспять, все будет по-прежнему. Кара точно так же уйдет на задание, а он... он будет отстаивать это её право перед всем миром.

Сердце защемило. Горько. Больно. Ну кто мешал ему чаще видеться с этой язвительной

девчонкой? Если бы знал...

— Сынок! — осторожный стук в дверь прервал поток грустных мыслей.

— Мама? Проходи, — он приподнялся ей навстречу, но тут же снова опустился в кресло, повинувшись жесту маленькой руки.

— Прости, что отвлекаю, но звонил отец. Он заедет ненадолго домой. Ты же его дождешься?

Нэй кивнул. Спать он не собирался, а слоняться из угла в угол... Тем более, что с отцом они не виделись несколько месяцев.

Канцлер поцеловал жену и уселся за вновь накрыты стол. Ел торопливо, но не жадно. В столовой повисла напряженная тишина. И только, когда хозяин дома положил вилку, Нэй решил спросить:

— Как там... во Дворце?

— Хаос, — Канцлер жестом пригласил сына пройти за ним в кабинет. — Будешь? А я — буду.

Нэя передернула, когда коньяк плеснул в бокал. После запоя еще мутило, и не то что вид — запах спиртного был отвратителен. Но отец не обратил внимания. Тяжело опустился в кресло и поинтересовался:

— Все еще хочешь в Лейб Гвардию?

— Хочу. И сейчас — больше, чем когда либо. Отец, пойми... Нэй замолчал, повинувшись усталому взмаху руки.

— Оставь. Пафоса мне и на работе хватает. Думаешь, убедшь там полезен? С твое-то ногой?

— Я почти здоров! Врачи говорят...

— Что бы они не говорили, а нести службу сейчас ты не можешь, — Канцлер повернулся к сыну. В глазах — ни капли сочувствия. Только серая, холодная сталь. — Пока ты бесполезен. Во Дворце нет места калекам, по крайней мере, сейчас. Знаешь, что начальник Службы Безопасности хотел застрелиться? И чего мне стоило удержать его от этого шага...

— Зря, — Нэй ответил таким же безжалостным взглядом. Только глаза у него были материнские, темно-карие. Но и они умели быть холодными. — Он не справился со своими обязанностями. Из-за его халатности уничтожена почти вся королевская семья!

— Эх, какой скорый! — Канцлер снова глотнул коньяка. И отодвинул бокал уже окончательно — его день не закончился, через несколько минут водитель подгонит к крыльцу машину. — Ты же военный! Ты должен понимать, что командир, он не только команды на плацу выкрикивает. У настоящего командира в руках сотни ниточек, тысячи связей. Оборвись его жизнь... восстановить все это будет непросто.

— Заместитель...

— Чушь! Смена руководства редко бывает безболезненной. Мы же не в том состоянии, чтобы отвлекаться, — он вздохнул. — Ох, сын, не выйдет из тебя политика. Ты солдафон, до мозга костей солдафон. Ну, так тому и быть. Служи. Готовь воинов. А пока — сиди дома и лечи ногу. И проводи побольше времени с матерью, она извелась вся. Хоть бы звонил ей почаще, обалдуй.

Машина давно увезла Канцлера, а его сын все еще сидел в кабинете, глядя на остатки коньяка в бокале. Нэй видел, как устал отец. От носа к губам залегли глубокие складки, от недосыпа появились мешки под глазами. Он... постарел. Всегда моложавый. Уверенный в

себе и окружающих Канцлер — постарел. Это лучше всяких слов обрисовывало ситуацию во дворце.

Но жалеть отца Нэй не стал. Он не заслуживал такого оскорбления. Но и Нэй — тоже. Его отчитали, как мальчишку, который сует нос не в свое дело. Он едва сдержался, чтобы не опрокинуть в себя остатки коньяка и стремительно, насколько позволяли костыли, вышел из кабинета.

— Сынок?

— Мама? — Нэй натянул улыбку, но обмануть матушку не поучилось.

— Прогуляйся со мной...

Особняк Канцлера окружал небольшой сад. Несколько деревьев, кусты да пара цветников. А еще — фонтан. Нэй доковылял до скамейки и опустил руку в журчащую воду. Запах ночной фиалки вернул его в детство.

— Помнишь, ты удивлялся, как может невзрачный цветок источать такой дивный аромат? — мама протянула ему сорванный цветок.

— А ты сказала, что не следует судить о чем-то только по внешнему виду...

— Ты помнишь... — маленькая ладошка коснулась коротко стриженной шевелюры. — Не обижайся на отца. Ему сейчас тяжело. Тяжелее, чем кому то ни было. Эти жуткие трагедии обезглавили страну. Пройдет немало времени, пока Её Высочество втянется в государственные дела, разберется, кто друг, а кто враг...

— Хорошо бы отец тоже разобрался с этим, — горько ответил Нэй. — Кажется, он даже в собственном сыне не видит опоры.

— Это не так! — в голосе матери звучала страстная уверенность. — Просто... ох, ты, оказывается, совсем не знаешь своего отца. Он сам привык быть стеной, защитой, оплотом... Ему тяжело смириться с тем, что ты вырос, и он все еще хочет заслонить тебя от грядущих бурь.

— Я не ребенок! — Нэй отстранился.

— Конечно, не ребенок. Ты взрослый мужчина. Так и веди себя... как взрослый.

Теплая улыбка на миг сменилась насмешливой — с таким выражением лица матушка следила за проказами маленького Нэя. Он почувствовал, как вспыхнули щеки и отвернулся.

Тонкие пальцы осторожно коснулись подбородка.

— Посмотри на меня, сынок. Дело ведь не в отце, верно?

Ветер шептал что-то, запутавшись в ветвях деревьев. Фонтан тихо ему отвечал, словно плакал. Неожиданно захотелось как в детстве уткнуться в материнские колени и дать волю слезам. А когда они иссякнут, и высохнут на щеках влажные дорожки, вдруг понять: все беды закончились. Все хорошо. И побежать в дом, где на столе уже ждет свежий чай и яблочный пирог.

Но детство закончилось давным-давно. Звезды равнодушно взирали на метания молодого человека, и только сверчки старались поддержать его пронзительным стрекотанием.

В последующие дни Нэй почти не видел отца. Самые строгие дни траура перевалили за половину, следовало подготовить все для коронации и приведении армии к присяге. Канцлер сбивался с ног и Нэй злился, что не может помочь, но ничего не предлагал, боясь гневного взрыва. Матушка балансировала по краю, стараясь предотвратить взрыв. Нэй вдруг понял: с того момента, как он пошел против воли родителей и отправился в армию, вся её

жизнь превратилась в искусный танец между мужем и сыном. Одно неловкое движение — и хрупкое равновесие взорвется, похоронив под обломками всю семью. И теперь он изо всех сил помогал ей в этом. Но вскоре понял: находится дома невыносимо!

Матушка слишком болезненно переносила его ранение. Когда думала, что он не видит, смотрела невидящим взглядом, и старательно сдерживала слезы. Эти попытки сделать вид, что ничего не случилось раздражали. Но еще больше раздражало безделье.

И все же вернуться в Академию не долечившись, он не мог. И все свободное время Нэй тратил на тенировки.

Спортзалы, врачи, массажисты... Он метался от одного к другому, стараясь не опоздать. А вечерами, вымотанный тяжелым днем, падал в кровать и засыпал.

Иногда тяжелое забытие сменялось снами, слишком яркими, слишком живыми. Кара была рядом, и её смех хрустальными осколками пронизывал вязкий туман, а в прорехи заглядывало солнце.

После таких снов совсем не хотелось возвращаться в реальность. Она давила, мучила... Но лейтенант Нэй Байю умел требовать не только с курсантов. Самым строгим тренером он был для себя самого. И вступал в новый день, как белка — в колесо. Бесконечное, тошнотворное, но необходимое для того, кто хочет жить. Пусть не для себя. Ради матушки. Ради отца. Они не заслужили хоронить единственного ребенка. И Нэй оставался в этом мире только из-за родителей.

К началу учебного года он смог сменить костыли на трость и вернуться в академию. Из дома уезжал, как из оранжереи: красивой, но душной и влажной.

Курсанты возвращались в приподнятом настроении, особенно выпускной курс. Они радовались встрече после небольшого, но перерыва. Это виделось в позах, улыбках, обменах взглядами... Особенно сиял выпускной курс, и даже отряд Кары поддавался всеобщему настроению.

Но на построении о ней вспомнили. Место в шеренге зияла брешь.

— Сомкнуть строй!

Шеренга качнулась и брешь исчезла. Но Нэй понял — только здесь, в ряду курсантов. В душе она по-прежнему ощущалась дырой, пустотой, болью, что не разит, но тихо ноет, сводя с ума. И эта грань уже близко.

В моменты отчаяния Нэю всегда помогала работа. Но не теперь. Недолеченная нога не позволяла тренироваться, и он зарылся в бумажную рутину. То, что он ненавидел — стало спасением. Тем более, что пришел приказ подготовить отряд для принесения Присяги на Дворцовой площади.

Она приносилась в день коронации, сразу по окончании глубокого траура и заменяла торжества. Они пройдут потом, через год, когда снимется последняя черно-белая лента с одежды нового правителя. Но тем строже выдвигались требования к подготовке.

По традиции, от Академии отправлялся выпускной курс. Два отряда со своими командирами. Но ранение лейтенанта Нэя Байю поставило его участие под угрозу.

— Ты не сможешь держать строй! — никто в этом не сомневался, и Нэй с ненавистью сжимал ладонь на рукояти трости. Горькая правда — он не сможет чеканить шаг по главной площади страны.

— Уверен? — тихо спросил отец.

Канцлер выбрал время, чтобы позвонить сыну. Нэй не жаловался, но ледяные нотки в голосе не оставляли сомнений в его состоянии.

— Уверен, — отрезал Нэй и прервал связь.

Даже на это он теперь не годен. Воин, защитник... даже любимую женщину не смог уберечь... Да что там — понять, что влюблен, и то...

Лист бумаги лег на стол. Нэй замер, глядя на белое поле. А потом щелкнул кнопкой ручки.

Широкие, уверенные строчки складывались в рапорт об отставке.

Прежде, чем подписать, лейтенант прочитал его еще раз. И еще. А потом смял резким движением, словно в горло врага вцепился.

— Будь ты проклят, Нэй Байю!

Кулак побелел от напряжения, рука дрогнула, и бумажный комок пролетел мимо корзины для бумаг.

Лейтенант наклонился, с каким-то наслаждением ощущая боль в раненой ноге, подхватил смятый лист и выкинул.

— Говоришь, не можешь?

Пока курсанты тренировались чеканить шаг под руководством старшего офицера, лейтенант тоже времени не терял. И его занятия были не менее выматывающими. День за днем тело покрывала испарина, и боль тянула жилы. Зубы скрипели, когда Нэй сжимал челюсти в попытках не закричать.

Но он радовался этому страданию. Оно помогало хоть ненадолго отвлечься от пустоты, которая поселилась в душе. Падая на кровать, Нэй проваливался в сон и воспоминания не тревожили измученный разум.

И наконец, настал день, когда в кабинет Канцлера вошел секретарь:

— Звонит ваш сын.

— Нэй?

Канцлер не сдержал удивления. Впервые за много лет сын позвонил сам.

— Что-то случилось? — тревога перерастала в страх, пока в трубке не послышался спокойный голос.

— Все в порядке. Хочу доложить, что я справлюсь. Я уверен.

— Я понял, — Канцлер кивнул, словно собеседник мог его увидеть.

На этом разговор отца с сыном прервался, но второй человек в королевстве не торопился отдать телефон секретарю. Он смотрел на экран, на фотографию заставки. На ней улыбались фотографу трое: он сам, жена и сын — сорванец двенадцати лет, молодой, уверенный и... счастливый.

— Наверно, пришло время тебя отпустить...

Над площадью реяли флаги. На навершии королевского стяга развивались черные и белые ленты — символ траура. Такие же повязки красовались на рукавах высших сановников, расположившихся на трибунах.

Отряды всех родов войск, призванные принести присягу, замерли под палящим солнцем. Нэй застыл во главе курсантов. Парадная форма, сшитая специально для этого случая, еще не обмялась и казалась непривычной.

Нога побаливала. Не сильно, просто напоминая о травме. Но это пока: через несколько часов боль усилится, а когда придется чеканить шаг — станет нестерпимой. Лейтенант морально готовился к этим минутам. Что будет потом, его не волновало. Главное — выдержать эти четверть часа, когда он поведет отряд мимо главной трибуны, на которой Её

Величество будет принимать парад.

Но прежде она объедет площадь, отдавая приветствие своей армии.

Первая команда, подхваченная усиливающей голос аппаратурой пронеслась надо площадью. Военные, и без того демонстрирующие великолепную выправку подтянулись еще больше.

У ворот королевской резиденции началось движение. Площадь оцепенела в ожидании.

В тишине раздался звук. Едва заметный, робкий, он постепенно набирал силу, и вскоре торжество фанфар накрыло собравшихся крыльями первых тактов марша. Им вторил рокот барабанов и, казалось, площадь сотрясают удары гигантского приboя.

Золоченые ворота распахнулись, выпуская всадников. Серая лошадь под дамским седлом вышибала шею, вскидывая тонкие ноги в манежном галопе. Её Величество грациозно восседала в дамском седле, держа повод в левой руке. В правой свободно свисал короткий хлыст.

Золотая канитель вышивки ярко сверкала на солнце, а белая тканю казалась ослепительной. Согласно традиции, монарх являлся шефом Кавалерийского Лейб-Гвардейского полка, и мундирное платье сидело как влитое.

Королева, только-только возложившая на себя корону, сейчас напоминала невесту. Хрупкую, волшебную... Сходство усиливала вуаль, легким облаком закрывающая лицо. По правилам, с мундирным платьем она дозволялась только в солнечный или очень ветреный день. Дамы с удовольствием пользовались этой эфемерной защитой не столько от непогоды, сколько для защиты от нескромных взглядов.

Вот и для юной королевы невесомая ткань превратилась в броню.

Всадница лихо мчалась вдоль площади. Хорошо выезженная лошадь слушалась малейшего движения руки и замирала, стоило натянуться поводу. Её Величество вскидывала правую руку в приветствии, пока командир отряда зачитывал вызубренные наизусть слова присяги и терпеливо ждала, пока прозвучит последнее словно. Только покачивание хлыста, надетого на запястье, напоминало, что она — живой человек, а не статуя, так неподвижны были и конь, и всадница.

Нэй не сводил с неё глаз, зачарованный грацией и величием. Когда королева остановилась напротив, сердце пропустило удар, а потом заколотилось часто-часто, и голос отказал от волнения. Миг, другой... Весь мир сузился до стройной фигурки, но лейтенант взял себя в руки, и первые же слова присяги, слетевшие с губ, подействовали успокаивающе.

Через минуту он пришел в себя и даже стал замечать окружающих. Слышал, как стараются не дышать курсанты за спиной, как фыркает серый жеребец королевы, как развиваются плюмажи двух всадников Лейб-Гвардейского Конного полка; всадники замерли на расстоянии корпуса лошади от монаршей особы.

Вспышки фотокамер сверкали, несмотря на солнце. Но среди солнечных зайчиков был один, вызвавший тревогу. В стороне от остальных, со стороны резиденции, чуть правее... Журналистов там быть не могло, да и расстояние...

Телохранители не успеют. Мысль мелькнула и пропала, спугнутая действием. Оборвав присягу на полуслове Нэй рванулся вперед. Взвился на дыбы серый конь, кавалеристы что-то кричали, выхватывая сабли... А королева падала на мостовую Дворцовой площади, сдернутая с седла лейтенантом. Сам он упал сверху. Пуля, не найдя цели, выбила облачко каменной пыли и застряла в вымытой в честь праздника светло-серой брусчатке.

Телохранителям не хватило нескольких секунд, чтобы предотвратить нападение. Но

дальше они действовали слаженно и четко: загородили королеву и от убийцы, и от посторонних глаз. Нэя подняли на ноги и оттеснили в сторону. Он стоял, не чувствуя тычки и не спускал глаз с Её Величества. Укрытая от нескромных взглядов спинами охраны, она поправляла одежду, чтобы показаться подданным в подобающем виде. Но в прежде всего её руки метнулись к сбившейся вуали, закрывая лицо. Лицо Кары Хань.

— Вернитесь на свое место.

Шепот показался оглушительным. Нэй машинально выполнил приказ и замер во главе отряда. Мысли металась как летучие мыши в подземелье, потревоженные светом фонаря.

Кара мертва. Рапорт составлен, церемония прощания проведена. Тогда... почему она здесь, на месте королевы? Хотелось потерять виски, прогоняя скованность, но он не посмел даже пошевелиться: здесь, на главной площади столицы в день коронации все подчинено строгому ритуалу. И покушение — не причина его менять.

Он оглядел трибуны. На главной стоял отец. Спокойно стоял, словно ничего не произошло. Значит... он знал? Ну конечно знал! Подменить королеву солдатом можно только с ведома Канцлера. А значит... покушения ждали? И подготовились? И новая королева сейчас наблюдает за происходящим из безопасного места. Или... о том, что Её Величества может уже не быть в живых, думать не хотелось. Но привычка анализировать никуда не делась.

С момента гибели Наследного Принца его сестра везде появлялась, скрыв лицо за плотной вуалью. Считалось, что она прячет следы горя. Хорошая легенда: потерять разом и родителей, и брата наверное, очень тяжело. Но вполне возможно, что на смерти Наследного Принца череда покушений не закончилась. Просто... последнее могли скрыть. Принцесса редко появлялась на публике, предпочитая учиться за границей, сохраняя инкогнито, так что убийство могло пройти незамеченным. А вот для страны потеря последнего представителя правящей семьи оборачивалось катастрофой. Двоюродная бабушка Наследницы не могла оставить наследников, да и править — тоже. Вполне в духе Канцлера было заменить мертвую принцессу двойником. Хотя бы затем, чтобы избежать беды, дать себе время на маневр, разработать план действий.

И Всю оставшуюся церемонию Нэй молчал, четко выполняя все, что от него требовалось. И все же не мог понять, почему именно Кара? И... как она выжила? Сердце в груди замирало и хотелось петь. И даже боль в ноге не казалась такой сильной.

Праздник в Академии по поводу коронации совпал с торжествами, посвященными очередному выпуску. Младшие курсы смотрели на закончивших обучение с завистью: принести присягу на Дворцовой площади, перед лицом самой королевы, а не на плацу в присутствии дальних родственников правящего дома считалось небывалой честью.

Нэя мало заботили предрассудки. И долгие наставления не любил.

— Присяга — она везде присяга, где бы не прозвучала: в хлеву, или в тронном зале дворца. Держите слово, и пусть судьба и королева будут благосклонны к вам! — краткость тоста встретили овациями.

Отдав дань традиции, курсанты разбрелись по территории Академии. Сегодня разрешалось нарушать дисциплину, правда, не выходя за рамки, офицеры строго следили за поведением подопечных. Но нарушения случались. Поэтому лейтенант не стал засиживаться за столом, а решил обойти Академию.

Он передвигался от группы к группе, слышал смех, шутки, звон бокалов... но все это не доходило до его сознания. Перед глазами стояла всадница, сбившаяся вуаль, испуганный

взгляд Кары. Она словно опасалась чего-то.

— Не чего-то, — хмыкнул Нэй себе под нос. — Кого. Меня.

Стало нестерпимо больно. Захотелось уйти к себе, закрыться в комнате, заткнуть уши, чтобы не слышать веселых голосов. Забыть обо всем... Но его уже звали. Отряд собрался для торжественной фотографии. Красивые молодые люди в парадной форме. И Лу... Она держала в руках большой портрет, перетянутый наискосок черно-белой траурной лентой. С него спокойно улыбалась Кара.

Ярость поднялась безумной волной. Видеть на похоронном портрете живую девушку показалось плохой приметой, словно это принесет ей горе, беду, смерть. Захотелось выхватить фотографию, сорвать ленты, сменить рамку... Но лейтенант сдержался. Простым воякам лучше не соваться в большую политику.

Вспышка оставила после себя сотни разноцветных солнечных зайчиков. Они прыгали перед глазами, мешали смотреть. Но мысли не сбились с опасного направления. Политика... Нэй знал, насколько она может быть опасна, отец много лет ходил по краю. Но он жил этим, дышал. А Кара, наивная, язвительная девчонка. Почему она? Спасти от верной смерти там, на границе, чтобы тут же оказаться в тенетах жирных пауков? То, как Кара избежала гибели в бою, Нэя сейчас интересовало меньше всего. Он боялся. Боялся больше, чем если бы сам оказался во дворце. И не понимал, зачем его курсантка так рисковала.

Понимание пришло внезапно. Кара Хань, несмотря на свои недостатки, была хорошим солдатом. Смелым, преданным стране. А после гибели всей королевской семьи Наследной Принцессе угрожала опасность. Кара могла решиться на такой шаг только прикрывая новую правительницу! Она сознательно подставляла себя под пули убийц, потому что именно там, на площади, в окружении тысяч солдат, королева оказывалась меньше всего защищена — по протоколу телохранители держались от неё на расстоянии одного лошадиного корпуса.

Прекрасная, идеальная мишень для снайпера!

Нэй ударил кулаком по столбу турника и тут же расплылся в улыбке: слава Небесам, он тоже оказался там в тот день. И смог спасти Кару. Спасти ту, что занимала его мысли полностью с момента своей гибели.

— Надо завтра поговорить с отцом, — чуть ли не впервые в жизни Нэй решил воспользоваться своим положением сына Канцлера и узнать все из первых рук.

С этой мыслью он покинул праздник и отправился спать — отец не любил помятого вида. Но на рассвете, еще до пробудки, в Академию прибыл нарочный. В конверте с гербовой печатью содержался приказ о зачислении лейтенанта Нэя Байю в отряд личных телохранителей королевы. Прибыть во Дворец следовало ровно в восемь часов утра. Времени почти не оставалось.

11

У ворот его ждали. Молчаливый гвардеец проводил Нэя в канцелярию. Там долго сверяли документы, делали копии, оформляли. Потом слуга в ливрее провел новичка в хозяйственные постройки.

Нэй только осматриваться успевал. До сих пор он видел только парадную часть Дворца: главное здание, оранжерею, сад. Но оказалось, комплекс состоит из множества строений: прачечных, общежитий обслуживающего персонала, гаражей... Одни из них соединялись галереями, другие стояли особняком.

Нэя отвели в комплекс, отданный Лейб-Гвардии.

Снова проверки, больше похожие на допросы. Пожилой мужчина в форме полковника хмурился, слушая ответы. Но направление подписал. Как только гербового листка коснулась алая печать Главы Службы дворцовой безопасности, лейтенант Нэй Байю стал частью этого ведомства.

— Выходные — дважды в неделю, по графику. Рапорт о переносе подается за две недели. Отпуск оплачиваемый — две недели в году. Но рекомендую о нем забыть, очень часто объявляется режим повышенной готовности, особенно сейчас, — полковник вздохнул. — Ступайте, получите обмундирование и заселитесь в комнату в общежитии. И еще, — голос оставался таким же монотонным, — не думайте, что если вы — единственный сын Канцлера, к вам буду относиться по-особому. Здесь нет любимчиков и цель у нас одна: служба стране и Королеве. Вам все ясно?

— Так точно! — отрапортовал лейтенант и вышел. За дверями его уже поджидал сопровождающий.

— Вот здесь столовая. Работает с шести утра до трех часов ночи. Специально отведенного времени для приема пищи нет, приходишь, как освободишься. Учти, режим во дворце жесткий, не приведи Небо нарушить. В своей комнате найдешь расписание. За формой следишь сам, по мере надобности относишь в прачечную. Личное белье и одежду — тоже. Вне службы по главному корпусу не слоняйся, в оранжерею или сад можешь заходить, но только если там нет королевы или её личных гостей. Советую не злоупотреблять. Если стане скучно, здесь есть несколько клубов по интересам, вступай в любой. Ну, и два — три раза в неделю устраивают кинопоказы. Расписание увидишь на доске в общежитии. Медцентр — вон в том доме, нам туда.

Нэю пришлось выдержать полное обследование. Врачи и медсестры не тянули, завершили все в короткие сроки. И медицинская карта лейтенанта заняла место в медицинской базе компьютера.

Обмундирование тоже подобрали быстро. Три комплекта: два повседневных и один парадный. Так же белье, пижама, спортивный костюм.

— Спортзал можно посещать без ограничений. Это только приветствуется. Учти, нормативы сдаем каждые три месяца.

Нэй только кивал. Здания, двери, наставления слились в единый ком, но повторять второй раз для новичка никто не планировал. И когда провожатый указал на комнату и выдал ключ, лейтенант почувствовал облегчение, что вводная часть закончена.

Он бросил сумку с вещами на пол и, прижав к себе форму, облокотился на дверь. Несколько минут тишины и покоя. Всего несколько минут, а потом... снова в бой.

Комната мало чем отличалась от комнат в Академии, разве что была одноместной. Кровать. Рабочий стол с ноутбуком, лампой и стационарным телефоном. Пара стульев. Кожаный диванчик и круглый столик рядом с ним. Достаточно для комфортного существования. В углу — кухонная зона: чайник, кофемашина, крохотный холодильник и шкафчик с посудой. Приготовить полноценный обед не получится, а вот устроить перекус — вполне.

Но больше всего порадовал отдельный санузел. Для ванны места не хватило, но душевая кабина с массажным эффектом заменяла её полностью. Нэй вздохнул и принялся обживать.

Разложил вещи по полкам, развесил одежду. И обрадовался, увидев на внутренней двери шкафа заламинированный листок с правилами поведения. К нему прилагался план

дворцовых служб, ничего секретного, только то, что есть в открытом доступе.

Мысли с плавно вернулись к назначению. Он победил в этой борьбе! Она стал лейб-гвардейцем! Но почему отец пошел на попятный, почему позволил королеве подписать назначение? Червячок тревоги недолго отравлял радость: Нэй понял, что даже исполнение давней мечты ничего не значит. Важно другое: здесь, во Дворце, он сможет защитить Кару. Стать ей опорой и советчиком, ведь не зря же он вырос в семье Канцлера. И пусть для этого придется погрузиться в интриги по самые уши, цена бездействия слишком высока. Потерять любимую во второй раз он не может.

Резкая трель телефона заставила вздрогнуть. Нэй поспешил взять трубку. Спокойный голос отца застал его врасплох.

— Освоился? У тебя через час аудиенция, я пришлю за тобой человека. Не опаздывай!

Так Нэй не волновался со времен, когда сам бы курсантом в Академии. Крутился перед зеркалом, словно девушка перед первым балом. Одергивал мундир, поправлял бело-золотой пояс, аксельбанты и кивер. Когда явился сопровождающий, оставалось только натянуть белые перчатки.

Отец ждал в кабинете. Едва Нэй появился на пороге, встал из-за стола и знаком велел закрыть дверь.

— Покажись-ка, — он оглядел сына со всех сторон. — Хорошо. Все в порядке. Счастлив?

— Отец!

Канцлер протестующе поднял руку:

— Забудь! Здесь, во Дворце у тебя нет отца. А у меня — сына. Есть Канцлер Её Величества, и есть телохранитель. Запомни.

— Так точно, — послушно вытянулся Нэй.

— Хорошо. Надеюсь, я смогу гордиться тобой, — вздохнул Канцлер и тут же перешел на официальный тон. — Запоминай: первым не заговаривай, молчи, пока Её Величество сама к тебе не обратится. На вопросы отвечай четко, без заминки. Не знаешь, что сказать — поклонись. А это у тебя что?

Нэй посмотрел на сверток, который принес с собой.

— Здесь, во дворце, служит девушка, Кара Хань. Не могли бы вы ей это передать?

Канцлер задумался:

— Кара Хань, говоришь? Ладно, бери с собой, сам отдашь. Хм, Кара Хань, — повторил он себе под нос. — Готов? Тогда — идем, нельзя заставлять королеву ждать.

Нэй шел за отцом и не замечал, куда. Переходы, залы, галереи слились в одну бесконечную анфиладу. И только, когда остановились у широкой двустворчатой двери, пришел в себя. Справа и слева замерли лейб-гвардейцы. Их руки синхронно взметнулись к киверам, стоило Канцлеру подойти ближе. Потом один из телохранителей четким, заученным движением открыл дверь. Одну створку.

— Обе — только для лиц королевской крови, — услышал Нэй шепот отца и шагнул в неизвестность.

За дверями оказалась приемная. Просторная комната с несколькими столами. За ними трудились младшие секретари. Старшему полагался отдельный кабинет, о чем свидетельствовала табличка.

— Жди здесь, — велел Канцлер и повернулся к ближайшему секретарю.

Пожилой мужчина на миг отвлекся от работы:

— Её Величество велела впустить вас без доклада.

Нэй опустил на указанный ему стул. Воротник мундира неожиданно стал тесным, захотелось ослабить застёжки и снять кивер — ремень немилосердно давил на подбородок. А еще пакет. Нэю казалось, что он выглядит очень глупо, но страдания нового телохранителя прервал голос секретаря:

— Лейтенант Нэй Байю, Её Величество ждет вас.

Сердце ухнуло и пропустило удар. На негнущихся ногах Нэй доковылял до двери, выдохнул и сделал шаг вперед. Но первое, что он увидел в кабинете, была спина Канцлера.

— Ваше величество! Позвольте представить вам нового телохранителя. Лейтенант Нэй Байю, лично дело... — Канцлер раскрыл папку.

— Не нужно. Я уже ознакомилась, — прервал его спокойный голос.

Нэй, до этого стоявший, согласно протоколу, навтыяжку, вздрогнул. Если бы не эта мягкость, с какой королева обращалась к собеседнику, можно было поклясться, что за столом сидит Кара. Но та разговаривала резко, жестко, даже смех у неё был... колючий, хот и залиvistый. Нэй одернул себя — не время вспоминать о пошлом! Он — в кабинете самой королевы! И сейчас...

Канцлер сделал шаг в сторону. Рука Нэя взметнулась к киверу и застыла на полдороге. Но он позволил себе лишь секундную задержку и тут же пришел в себя. Было от чего растеряться — за столом, на месте Её Величества, сидела Кара Хань.

— Что... происходит?

Шипение отца заставило опомниться. Но мысли продолжали лихорадочно метаться, перетекали одна в другую и не могли остановиться. Кара в кабинете королевы, на её месте... И отец обращается к ней, как к венценосной особе.

Адель ас Кармина с интересом наблюдала за своим новым телохранителем. Всегда выдержанный лейтенант сам на себя не походил. Все мысли, все эмоции читались на лице, как в открытой и понятной книге. Девушка с трудом сдержала ухмылку. Вместо этого на губах расцвела вежливая улыбка:

— Приветствую вас, господин лейтенант. Надеюсь, ваша служба будет долгой и плодотворной.

Поклонился и молча вышел Канцлер. Адель даже головы не повернула, но в который раз восхитилась его тактичности — он всегда знал, что и когда уместно. Вот и теперь. Оставил их вдвоем, хотя по протоколу уйти следовало как раз новому лейб-гвардейцу — представление состоялось, делать в кабинете ему было нечего.

— Присаживайтесь.

Нэй словно очнулся и оглядел обстановку. Адель тоже осмотрелась, по-новому взглянув на кабинет.

Она ничего не меняла. Все осталось, как при отце: светлые, почти белые стены скрыты многочисленными шкафами из мореного дуба. Резьба покрывала обрамления стеклянных створок, и повторялась на массивном письменном столе и кресле с высокой спинкой. Сидеть на нем было жутко неудобно, но отец считал, что в кабинете надо работать, а не отдыхать, а удобная мебель расхолаживает.

— Понимаешь, чтобы не сидеть на этом пыточном приспособлении, — так отец называл похожее на трон кресло, — я стараюсь как можно быстрее сделать всю работу. А чтобы не возвращаться для переделывания — то и качественно.

Но сколько Адель себя помнила, отец всегда сидел за этим столом. И зеленое сукно

словно хранило тепло его рук. И фиолетовая клякса... она появилась, когда Адель и Кост попытались стащить любимую ручку отца. Немного не рассчитали, и перо плюнуло чернилами. Их тогда здорово наказали. И отец запретил менять покрытие. Теперь Адель понимала, что оно напоминало ему о сыне и дочери, и даже в самые тяжелые моменты король смотрел на него и улыбался. Ей очень хотелось верить, что улыбался.

Она провела рукой по пятну. И тут же отбросила воспоминания: прямо сейчас перед ней сидела проблема.

Адель впервые видела лейтенанта в таком состоянии: он волновался. Сидел ровно, словно малейшее отклонение грозило катастрофой. Смотрел открыто. Руки спокойно лежали на коленях поверх свертка, но шнурок, который его перевязывал, оказался накручен на палец. Именно этим Нэй Байю выдал себя с головой.

Тоска, которую Адель старательно прятала на задворки памяти, вырвалась из темных глубин. Захотелось прикоснуться ладонью к гладко выбритой щеке, провести пальцем по четко очерченным губам, почувствовать их мягкую упругость. А потом...

Адель резко взмахнула головой, прогоняя неподобающие для королевы мысли. И начала разговор, выбрав нейтральную тему:

— Что за пакет вы принесли, лейтенант?

Она не боялась показаться нетактичной. Явиться в кабинет правителя с пакетом можно было только в одном случае: адресат — она.

Нэй спохватился.

— Я принес вам фотографию выпускников Академии этого года. Простите, если этот подарок неуместен...

— Отчего же? — Адель обогнула стол и забрала пакет. На мгновение её руки соприкоснулись с руками лейтенанта. Девушка едва сдержала дрожь и поблагодарила Небеса, что он был одет по форме, в перчатках.

Бумага зашуршала и осталось лежать на столе. Адель разглядывала фото.

Знакомые лица. Люди, рядом с которыми она провела несколько лет. И Лу... Подруга держала в руках траурный портрет.

— Её звали Кара Хань, — лейтенант говорил тихо, словно вспоминая. — Она была лучшей на курсе. Погибла при выполнении задания.

— Вот как, — Адель провела рукой по стеклу, словно надеялась почувствовать под пальцами тепло сфотографированных людей. Но наткнулась лишь на холод. — Я слышала, вы обещали своим курсантам выпить с ними после выпуска.

Тихий звон стекла, и на свет появился графин, наполненный темной жидкостью. Любимый папин коньяк... Адель вздохнула и достала два бокала-снифтера.

— Для меня будет честью выпить с Вашим Величеством, — вскочил Нэй.

Адель как на стену наткнулась. Слезы собрались в уголках глаз, но она приказала себе не плакать.

— Лейтенант, я пью с телохранителями только в День Армии, — один из бокалов отправился обратно в шкаф. — Если вы не хотите ничего добавить... Приятной службы. Надеюсь. Я не доставлю вам больших проблем.

Королева отступила. Нэй откозырял, четко развернулся на месте и вышел, четко печатая шаг.

Адель посмотрела на лежащую на столе смятую бумагу, скользнула взглядом по фотографии, графину... и рухнула на стоящий в нише диван Такой же жесткий и неудобный,

как и остальная мебель.

— Только пять минут. Я разрешаю себе плакать только пять минут, — шептала девушка.

Но эти пять минут казались невыносимыми. Казалось, вместе со слезами из глаз рвется душа.

Но едва стрелка на часах отмерила ровно пять делений, Адель заставила себя встать. Вытерла лицо, поправила волосы и одежду. Коммуникатор слегка щелкнул, сообщая о начале связи.

— Будьте добры, чая с ромашкой. И сахаром, — попросила Адель и решительным жестом отправила упаковку в корзину для бумаг. Фотография спряталась в шкафу, подальше от чужих глаз, а главное — от глаз самой королевы.

К моменту, когда лакей принес поднос со все необходимым для чаепития, Адель уже успокоилась.

Она перенесла чашку на рабочий стол и углубилась в работу, время от времени делая глоток остывающего напитка.

— Что происходит? — Нэй стоял напротив ожидающегося за дверью отца. — Я...

— Вы забыли, что я говорил о личных отношениях, господин лейтенант? Напомнить?

— Простите, — тут же отступил Нэй.

— Ступайте. У нас еще будет время поговорить... как отец с сыном. А сейчас я занят, хотя... — канцлер проводил взглядом лакея с чашкой чая на подносе, — минут пятнадцать у нас есть. Ступайте за мной.

Найти пустой кабинет оказалось не просто, и Канцлер жестом велел выйти всем из первого же попавшегося на пути. И развернулся к сыну:

— Ты что творишь? Ты во Дворце, а не на плацу! И еще... что было в том пакете? Я не спросил, надеясь на твое благоразумие...

— Фотография с выпуска. Я думал, Каре понравится.

— Каре? Каре, ты сказал? Ох, дураак. Ты знаешь о том, что королева пьет ромашковый чай только в том случае, если ей надо срочно успокоиться? Видимо, я зря подписал приказ о твоём переводе. Ты все такой же сумасбродный мальчишка, и...

— Ты? Не королева?

— Что?

— Я спросил, мой перевод ты санкционировал?

Канцлер устало потер лицо.

— Вот что. У тебя сегодня ознакомительный день, служба начнется с завтрашнего дня. Я отменю все, что можно отменить и мы вместе пообедаем. Ступай в общежитие, за тобой заедут.

Нэй козырнул, развернулся, как на строевом смотре и вышел. В груди бушевало пламя. Он не знал, что думать, а главное — как действовать. Вера в отца боролась со страхом навредить Каре и... стать предателем.

Машина за Нэем не пришла. Вместо этого раздался звонок сотового телефона:

— Выходи за пределы Дворца, я подожду. И не забудь пропуск.

В гражданской одежде Нэй чувствовал себя непривычно. Казалось, пиджак сидит мешковато, и двигаться трудно.

— Отвык? — Канцлер смотрел, как сын то и дело теребит галстук, ослабляя узел, проверяет пуговицы, — Ничего, скоро костюм будет как влитой сидеть, лейб-гвардейцы не

только на парадах золотым шитьем сверкают.

— Знаю, — буркнул Нэй, ожидая тяжелого разговора.

Но отец не торопился. В ресторане для них забронировали отдельный кабинет. И Канцлер начал беседу не раньше, чем принесли заказ.

— Вижу, тебя просто распирает от желания спросить. Ну, так спрашивай. Я отвечу.

— Какого... тут происходит? Почему вдруг ты, всю жизнь запрещавший мне даже думать об армии, вдруг лично подписываешь мой перевод в Лейб-гвардию? И Кара... она же погибла! Почему она во Дворце? И где... — у Нэя хватило соображения понизить голос, — королева?

— Как много всего... — Канцлер не торопясь развернул салфетку. — Жаль, что я тебя переоценил, сын. Думал, ты обо всем догадался и молчишь ради блага государства.

— Или твоего? Отец, я действительно молчал, потому что верю в тебя. Верю, что ты не предашь. Но я ничего не понимаю.

— Помнишь, в детстве ты любил собирать картинки из множества деталей? Чем их больше, тем сложнее. И совершенно не возможно, если отсутствует хоть одна.

— Подозреваю, что их не одна.

— Нет, — Канцлер отрезал кусочек мяса, прожевал и продолжил, — все кусочки — перед тобой. Но ты поленился сложить их как следует. Впрочем, ты и в детстве терпением не отличался. Наверное, армия на самом деле была ля тебя выходом... Ты ешь, здесь готовят поразительно вкусную говядину в вине! Не пожалеешь, что попробовал.

Нэй нехотя подчинился. Мясо на самом деле таяло во рту, а соус придавал невероятные оттенки вкусу, но вопросы никуда не делись. Канцлер усмехнулся:

— Вижу, ты не отстанешь. Запомни, сын: во Дворце никогда и ничего не говорят прямо. Хочешь выжить — лови слухи, чуй, откуда и в какую сторону дует ветер, прислушивайся к шепоту, что доносится из углов. И учись делать выводы! Это тебе уже в который раз повторяю. Ну, да ладно, поздно уже воспитывать. Ты мой сын, и я верю, что ты не подведешь. Поэтому скажу прямо: королевство на грани гибели. Один неверный шаг, и все, что наши предки создавали столетиями, полетит в тартарары. И тяжкий труд по сохранению равновесия лежит не на тебе, не на Совете, не на активистах и оппозиции. И даже не на мне. Все свалилось на хрупкие плечи королевы. А ведь её даже не готовили к такому! Скромная девочка мечтала об одном: быть полезной своей стране... и о свободе. Ты ведь знаешь, какая судьба была ей уготована?

— Стать марионеткой в политических играх, — скривился Нэй.

— Грубо, но верно, — Канцлер положил себе еще салата, — проблема в том, что Адель ас Кармина, принцесса Логская не желала быть куклой. Знаешь ведь, что именно поэтому она училась за границей? Родители решили дать ей как можно больше свободы, пока не пришло время вступать в брак. Но эта девочка... Несколько лет назад она, никому ничего не сказав, подала заявление на академический отпуск и вернулась. Знаешь, какую цель поставил перед собой принцесса?

Над столом повисла тишина. Смолк легкий стук ножей и вилок о тарелки, и только легкое гудение кондиционера разбавляло напряжение.

— Ни за что не догадаешься! — Канцлер явно веселился. — Она решила взять на себя управление Королевской Службой Безопасности!

— Ого! — не сдержался Нэй. И замер. Картинка в голове начала складываться.

— Вот тебе и «ого», — хмыкнул отец. — И ведь умудрилась пройти все испытания! И в

Академию поступила...

— Под именем Кары Хань... — пробормотал Нэй.

— Погоди, — взгляд отца стал жестким и с то же время удивленным, — ты только сейчас это понял? А после того, как увидел её на площади и во Дворце...

— Я решил, что Кара подменяет королеву в целях безопасности. Я и подумать не мог...

— Да, — вздохнул Канцлер, — мать была права, нечего тебе в политике делать. Солдафон! И с таким подходом высокие чины тебе не грозят. Выводы делать не умеешь.

— Но как она умудрилась обойти Службу Безопасности? Всех курсантов проверяют до третьего колена, включая братьев и сестер?

— Принц. Кост решил подыграть сестре, вправил ей и документы, и легенду... Скажу сразу, это была катастрофа. Кроме них двоих об аванюре знал только один человек. И если бы не он... — Канцлер большими глотками осушил стакан с водой. — Я ведь был тем, кто принес Его Величеству список отобранных курсантов.

— Кара была среди них.

Ответом ему был тяжелый вздох.

— Знаешь, когда принц погиб, я думал с ума сойду. Принцесса скрывается, все, что о ней известно — она служит. Где, в каких войсках, в каком регионе — тишина! Король предоставил ей полную свободу и не лез в эти дела.

— Но ты справился.

— Ты думаешь? — Нэй узнал обычный насмешливый взгляд отца. — Я? Так вот, все, что мне осталось — записная книжка принца. Слава Небесам, он перенял привычку отца. Из неё я узнал кое-что необходимое, но где искать принцессу оставалось тайной. Я все бумаги поднял, весь архив — ни-че-го.

— И как ты нашел выход?

— Мне позвонили. Человек представился странным именем, секретарь хотел уже отправить его восвояси, да тут я вспомнил, где эту кличку видел. В блокноте принца.

— Остальное было делом техники?

— Если бы! — канцлер снова опустошил стакан с водой. Его рука чуть заметно подрагивала — мужчина до сих пор переживал случившееся. — Я когда понял, кого отправил на то треклятое задание, чуть пулю себе в лоб не пустил. Самое паршивое — пришлось соблюдать полную секретность. Это при то, что курсантов туда отправили именно по этим соображениям.

— Но ты справился, — повторил Нэй.

— Да. С этим я — справился. И знаешь, возможно, это не так плохо, что ты рвался в Лейб-Гвардию. С этими терактами я уже не знаю, кому доверять. Откуда они нанесут удар? Когда? А главное, кто это — они? И тут ты. Со своей неистребимой страстью. Сейчас я могу доверять только тебе, сын. Убереги королеву. Любой ценой. Ты знаешь, чем грозит стране смена династии.

Нэй только кивнул в ответ. Мозаика сложилась. Все встало на свои места. Но почему хотелось выть и крушить все вокруг, стесывая до крови кулаки?

12

Королева боролась. Ровные распечатки документов вгоняли в сон. Недавняя истерика отобрала слишком много сил и Адель уже жалела, что позволила себе эту слабость. Чашки крепкого кофе пустели одна за другой, пока в очередной раз лакей не отказался выполнить

приказ:

— Ваше Величество, вы выпили его слишком много, это вредно для здоровья.

И принес чай. С пирожными.

Адель ас Кармина долго смотрела на любимые песочные корзиночки, наполненные мармеладными ягодами. И решила сделать перерыв.

Единственное изменение, которое девушка позволила себе в обстановке кабинета — дополнительное кресло в углу, возле крохотного столика, больше напоминающего жардиньерку.

Адель перенесла на него чай и тарелку с пирожными. И открыла высокое окно — так создалось ощущение, что она сидит на балконе. Правда, вместо ласковых морских волн внизу шумели кустарники. Между ними пролегали узкие дорожки, посыпанные песком или выложенные плиткой. Их изгибы подчеркивали куртинки цветов или декоративной зелени.

Вид небольшого, но ухоженного вада расслаблял. Адель откинулась на спинку кресла — напряжение последних дней не отпускало, и сознание вопило хотя бы о небольшой медитации.

Но мысли упорно возвращались к новому телохранителю.

Нэй Байю. Лейтенант. Блестящий преподаватель. Воин до мозга костей. Мужчина, укравший её покой.

Адель вспомнила, как он старался не хромать на параде. И сегодня, в кабинете. Ей казалось, он все еще стоит там, у двери, с понятой к киверу правой рукой и нелепым пакетом — в левой.

Девушка поставила чашку и достала из шкафа фотографию.

Если бы не теракты, все могло бы пойти по-другому. Она бы все равно выжила в том бою! Обязательно выжила! Потому что ей было, к кому возвращаться. И стояла бы в ряду однокурсников, гордых окончанием Королевской Академии. Она сама, а не её портрет с траурной лентой...

А потом... отец бы обязательно согласился с её доводами! А Кост поддержал. И в Службе Безопасности стало на одного офицера больше. На офицера, который в будущем должен был занять место командира.

И лейтенант. Он — сын Канцлера. Его происхождение давало право посвататься даже к принцессе крови. Конечно, для этого нужно было время, но Адель умела не торопиться. Она всегда добивалась своего. Но в этот раз все пошло не так.

Она — королева. Первое лицо государства. И вся её жизнь, её мысли, её тело и душа принадлежать стране. А значит, первым делом нужно обеспечить безопасность подданных. Любой ценой. И раскрыть преступления. Найти и покарать убийц. Иначе... Если прежде её неправильное поведение грозило разве что ближайшему окружению, то теперь под угрозой катастрофы может оказаться все государство. Ни одного неверного шага. Ни одной неподобающей мысли. Выкинуть из головы и сердца чувства к лейтенанту. Пока что она не имеет на них права. Потом — может быть. Но не сейчас. Пока у неё слишком много работы.

Фотография отправилась обратно в шкаф. Адель со вздохом посмотрела на оставшееся на блюде пирожное. Безумно хотелось его доест, но она и так много времени потратила на личные переживания. Для королевы, чья жизнь принадлежит государству, это недопустимо!

И все же Адель не выдержала. Запихнула пирожное в рот, целиком, словно ребенок, дорвавшийся до лакомства и хихикнула, представив, что бы сказала на подобное матушка. Но воспоминания о родителях всколыхнули грусть, которую Адель уже долгое время

глушила работой. Поэтому, запив сладость чаем, она вернулась к рабочему столу.

Гладкий пластик кнопки коммутатора поддался под пальцем:

— Пожалуйста, как только Канцлер вернется во дворец, сразу доложите. И сразу впустите, чем бы я не занималась! Даже если буду в ванной!

— Слушаюсь, Ваше Величество. Но от господина Канцлера только что пришло сообщение. Он собирает Малый совет и сообщает, что ваше присутствие на нем очень желательно. Мне откорректировать ваше расписание?

— Да, пожалуйста, — Адель взглянула на часы. — Когда начало?

— У вас есть полтора часа, Ваше Величество.

Через пятнадцать минут секретарь уже стоял в кабинете:

— Ваше Величество, ваше новое расписание, — гербовой лист переместился из кожаной папки на зеленое сукно стола. — Я перенес две аудиенции и отменил встречу с госпожой Граци. Ей будет назначено в другой день. Но вот с визитом посла Астера ничего сделать нельзя — все согласовали еще на прошлой неделе. Выйдет конфуз, которого желательно избежать. Поэтому вам придется или завершить Совет к шести часам вечера, или сделать перерыв.

Адель прикрыла глаза. Секретарь очень старался, чтобы его то не казался наставительным. Получалось плохо, но юная королева словно не обращала на это внимания. Секретарь служил еще её отцу и в тонкостях политических интриг разбирался куда лучше, чем она, и такие вот советы могли уберечь от неверного шага.

— Спасибо. Я так и сделаю.

До собрания оставался всего час. На работу с документами оставалось пятнадцать минут.

Ровно через четверть часа королева убрала в сейф документы, потянулась и, вскинув голову, вышла из кабинета. Два телохранителя в лейб-гвардейской форме встали за её спиной.

В личных покоях её уже ждали. Пока Её Величество наскоро принимала душ, личный помощник подготовила одежду. Она помогла Адель убрать волосы в скромный пучок, нанесла легкий макияж.

Адель смотрела на себя в зеркало. Черный костюм с тонким кантом траура на рукаве. Белое жабо блузки выглядывает из-под лацканов. Никаких украшений, кроме коронационного кольца. Даже туфли — простые лодочки без каблука. Волосы убраны на затылке так. Что ни одна прядь не выбивается из строгой прически. Почти незаметный макияж.

На королеву из-за стекал смотрела уставшая женщина неопределенного возраста.

— Нужно поменять обувь.

— Простите? — не поняла личный помощник.

— Принесите другие туфли. На тонком, но невысоком каблуке. Черные. Простые, — Адель расстегнула пуговицы на жакете, но тут же застегнула — так выглядело еще хуже.

Каблуки поправили осанку и придали внешности немного женственности. Сережки или простая заколка в волосах тоже могли помочь, но в течении года Её Величество, соблюдая траур по прошлому правителю, не смела украсить себя ничем. Исключение делалось для больших приемов или встреч с иностранными деятелями.

— Уродство, — вид матери, умудряющейся оставаться великолепной в любой одежде, встал перед глазами. Адель заторопилась, — Я готова.

— Удачи, — едва слышно прошептала в след помощница.

У входа, в компании гвардейцев, уже ждал секретарь. Его руки оттягивал внушительный кожаный портфель. Отчаянный вздох вырвался из груди королевы — какое бы количество документов не содержал этот портфель, просмотреть и вынести на обсуждение придется все. Похоже, так и придется делать перерыв в шесть часов вечера.

— Мы можем совместить встречу с послем и ужин? — шепотом спросила она у секретаря.

— Разумеется, — так же тихо ответил он.

Небольшой конференц-зал с виду ничем не отличался от тысяч других, расположенный в деловых центрах. Стол, вытянутый овалом, мягкие кресла вокруг. В углах зала — рабочие места для секретаря и стенографиста. За главным креслом — огромный экран проектора. Стандартный зал для собраний.

Но это только на первый взгляд. Контрольная сеть накрывали помещение толстым слоем непроницаемости, так, что ни один звук не вылетал за пределы помещения. Прежде, чем войти в зал, советники убрали выключенные телефоны в специальный сейф. Защита стояла и на окнах: услышать разговоры с помощью вибрации стекла было невозможно, разве что разработать новый прибор, но он тут же добывался всеми правдами и неправдами, и в глубинах научных лабораторий создавалась новая техника.

Именно этот зал использовался для собраний Малого Совета. И теперь ожидали только королеву.

Она вошла стремительно, опустилась в кресло и оглядела подскочивших мужчин.

— Приветствую всех вас. Прошу, присаживайтесь.

Пока все занимали свои места, секретарь положил перед Адель папку с документами и отошел к своему месту. Экран ноутбука замерцал, включаясь, но Канцлер махнул рукой:

— Сегодня без стенографии.

Королевский секретарь кивнул, но компьютер не выключил — он мог пригодиться для работы самого Канцлера.

Дождавшись от королевы формального разрешения говорить, Канцлер чуть подался вперед:

— Позвольте поблагодарить вас всех, что смогли незамедлительно собраться. К сожалению, обстоятельства таковы, что откладывать этот вопрос дальше невозможно. Прошу вас!

Следуя его жесту, все повернулись к начальнику Королевской Службы безопасности.

Нестарый еще мужчина, сумевший и на высокой должности сохранить отличную физическую форму, поднялся со своего места. Сопровождаемый взглядами присутствующих он обогнул стол, направляясь к Её Величеству. Медленно, словно нес на плечах непомерный груз. Звук его шагов заглушал толстый ковер, и казалось, он идет по багровеющим углям, один, в гробовой тишине. Лицо мужчины застыло маской, словно не происходило ничего, или напротив, происходило что-то настолько страшное, что на мимику эмоций не хватило.

Спокойно, как будто что-то незначительное, он положил перед королевой белый конверт с черно-желтым прямоугольником Королевского герба. Ниже каллиграфическим почерком, как и предписывалось инструкцией, было выведено: «Прошение об отставке».

Королевский герб не позволял отмахнуться и требовал серьезного отношения. Поэтому Адель ас Кармина, Её Королевское величество церемонно вскрыла конверт и достала плотный лист бумаги с водяным знаком Службы Безопасности. Пробежала текст глазами и

вопросительно посмотрела на просителя. Тот не смутился:

— Ваше Величество! Из-за халатности, проявленной Службой Безопасности, нашу страну и вашу семью постигла невосполнимая утрата. Я считаю невозможным для себя занимать этот пост дальше, а так же прошу о реорганизации службы и о соответствующем наказании.

Он отвесил сдержанный поклон.

Адель снова перечитала прошение. И перевела взгляд на Канцлера. Тот улыбнулся и... повернулся к Министру Связи, делая вид, что обсуждает что-то невероятно важное. Королева сдержала вздох: этот очень важный вопрос главный помощник оставил полностью на её усмотрение.

Адель не знала, что делать. С одной стороны — начальник Службы Безопасности прав: именно его халатность привела к трагедии. Исполняй он свои обязанности хоть чуточку лучше, и гибели королевской семьи можно было избежать. И уж тем более — смерти Коста и его семьи. Два взрыва подряд — это даже не халатность. Это — преступление!

Адель очень хотелось схватить ручку и поставить свою подпись немедленно, а потом отдать приказ о немедленном аресте и начальника СБ, и его заместителей... И возродить давно забытую смертную казнь.

Вместо этого она медленно сложила похрустывающую под пальцами бумагу пополам и рванула в разные стороны. Рвалось плохо, пришлось приложить усилие, но через несколько минут на столе перед королевой лежала кучка обрывков.

— Как посмели вы обратиться ко мне с подобной просьбой? — голос королевы не предвещал начальнику Службы Безопасности ничего хорошего. — Еще не остыли тела моих родителей и брата, и их убийцы потирают руки, довольные успехом. И в этот момент вы, вместо того, чтобы искать преступников, решаете уйти на покой? Ну уж нет! Принесите мне их головы. И только тогда можете надеяться на спокойную старость.

Адель едва сдерживалась. Ей хотелось кричать, визжать, топтать ногами, кинуться на стоящего перед ней мужчину с кулаками, наконец! Но только ему было под силу распутать этот клубок заговоров, найти ниточку и выйти на заказчиков. Ради этого стоило забыть о гневе. И поступить так, как обязывало положение и ситуация.

Взгляд мужчины изменился. Вместо затравленного выражения в нем зажглось упрямство. И уверенность. Адель тихо перевела дух — она не ошиблась! Тот, кто много лет служил щитом её отцу, переживал трагедию как личную. Король был для него не просто правителем — личным другом. И сослуживцем — много лет назад судьба свела в Академии Наследника и потомственного военного.

Адель больше не сомневалась: заказчики убийств будут найдены. Их хоть со дна морского достанут, а если понадобится — то и из самой преисподней. Улыбка Канцлера служила тому подтверждением.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Начальник Службы Безопасности вернулся на свое место и открыл принесенную папку: — Если позволите...

Адель внимательно слушала доклад. Как она и подозревала, ниточки заговора уходили к границе соседнего государства. Риллес никак не желал успокоиться и признать, что после проигрыша в войне потеряла часть территорий. И хотя с той поры минуло полтора столетия, спорные территории не давали им покоя.

— У вас достаточно доказательств? До сих пор Риллес старался действовать

дипломатическими путями. Опускаться до убийства практически всего правящего дома... Если это будет доказано, им придет конец!

— Они очень осторожны. Как только стало известно о провале, заказчик обрубил все хвосты. Мы отставали от них ровно на шаг — тела задействованных наемников еще не успевали остыть...

— Наемники?

— Высшего уровня. Х данные даже не во всех мировых базах есть. Мои ребята провели по-настоящему хорошую... — начальник Службы Безопасности осекся, поняв, о чем говорит. — Простите, ваше Величество.

Адель кивнула.

— Пожалуйста, перешлите мне всю информацию по закрытому каналу...

— В этом нет необходимости, — вмешался Канцлер. — Вашему Величеству не стоит заниматься этим делом. Есть другие...

— Господин Канцлер, а вы не много на себя берете? — возразил премьер-министр. — Напомню, речь идет об убийстве Главы Правящего дома и Наследника. Вполне естественно, что королева желает взять это дело под особый контроль! И ваше Величество, — повернулся он к Адель, — позвольте оспорить решение оставить на посту Начальника Службы Безопасности.

— Но...

— Я не принимаю ваши возражения! — прервала девушка зарождающийся спор. — Господин Канцлер, отставка Начальника Королевской Службы Безопасности и доклад о покушениях — вся причина, по которой вы нас тут собрали?

— Разумеется, нет, Ваше Величество. Соизвольте выслушать доклад о настроениях простых жителей.

Они волновались. Напуганные терактами, боялись, что у слишком юной королевы не хватит сил удержать страну на грани катастрофы. И их опасения не были такими уж беспочвенными: в южных районах за несколько недель не выпало ни капли дождя. Солнце выжигало землю, и даже виноградники начали засыхать.

На западе напротив — не выпало ни одного солнечного дня.

— Если так будет продолжаться, урожай зерновых и корнеплодов пропадет на корню.

Но вести с побережья оказались не менее трагичными: косяки промысловой рыбы словно специально обходили территориальные воды королевства.

— Ваше Величество, если так будет продолжаться, встанет вопрос о вашем смещении и назначении регента. Мы не можем потерять страну из-за недостойного правителя.

Адель молчала. Судьба королевства на самом деле зависела от неё больше, чем от кого-либо прямом смысле этого слова. И как противостоять навалившимся несчастьям, она не знала.

— Возможно... — она почти согласилась на регента, все же младшую дочь не учили управлять государством.

— Бред! — перебил её Канцлер.

В зале снова повисла тишина. Малый совет мог предложить королеве регента. И даже вынести предложение о смене престолонаследования. Но перебить королеву! Это считалось неслыханной дерзостью. Сохранять приличия следовало всегда и везде, даже, когда весь мир летит в тартарары!

— Прошу прощения, Ваше Величество, — опомнился канцлер. — Мои слова о бреде

относились не к вам, но к моему уважаемому коллеге. Что за сумасшедшая мысль — назначить регента? Наша королева совершеннолетняя и пребывает в здравом уме и твердой памяти.

— Но вы же не будете отрицать, что количество катастроф...

— Вы все забыли, — повысил Канцлер голос, заглушая оппонента, — что состояние королевства зависит не только от правящей семьи! Мы, его жители, тоже несем ответственность за происходящее! Допустить гибель короля и его жены, затем сразу же — Наследника с семьей... Вам не кажется, господа, что это слишком? И что Небо могло счесть это достаточным преступлением? Ибо наша задача — беречь и хранить королевскую семью, к славе и процветанию Эллодии!

Ему не осмелились ответить. А Адель в очередной раз убедилась, что лучшая оборона — наступление. И что любой факт можно повернуть так, как выгодно на данный момент, независимо от того, как все на самом деле. Девушка едва сдержала дрожь, большая политика пугала, и сейчас — больше, чем когда-либо.

А канцлер не давал опомниться. Он напоминал прокурора, что обличает людские грехи перед высшим судом, и его голос гремел, подобно раскатам грома:

— Надеюсь, вы все согласитесь, что жизнь Её Величества — наивысшая ценность страны? Если сейчас она погибнет...

Слушатели молчали, ужас волной прокатился по конференц-залу, заставив покрыться тела холодным потом.

— Если она погибнет, если прервется династия, Эллодии придется погрузиться в хаос! Время перемен — не самая лучшая эпоха. Думаю, нам всем стоит подумать, как не допустить такого сценария.

— Ваше Величество! Вам не стоит покидать дворец!

— Королеву следует увезти подальше от столицы и спрятать!

— Усилить охрану!

— Господа! — наконец, не выдержала сама Адель. При мысли, что советники сейчас договорятся до того, что её следует запереть в темницу и кормить только вареными яйцами и поить простой водой, которую будут набирать в присутствии коллегии и каждый раз — из другого источника. — Господа, не следует воспринимать все... так.

— Королева права, — поддержал её Канцлер. — Её Величество — живой человек, а не преступник. К тому же во всех ваших планах есть один изъян — человеческий фактор. Охрану можно подкупить, — Канцлер вскинул руку, предупреждая возражения Начальника Службы Безопасности. — Можно. И наши враги постараются это сделать, если уже не предприняли попытки.

— Тогда что вы предлагаете?

Канцлер медленно заглянул в глаза министров. Каждому. И, хотя он обошел внимание королеву, у неё мурашки по спине пробежали, словно кто-то коснулся ледяными пальцами затылка.

— Всем вам известно, что мой сын служит в армии. Его мечтой была служба в Лейб-Гвардии, но я старательно держал его подальше от Дворца, несмотря на многочисленные предложения Его Величества зачислить Нэя в штат. Я боялся, что его начнут использовать в политических играх, а он их ненавидит. Но теперь... — Канцлер нажал кнопку коммуникатора. — Пригласите Нэя Байю.

Адель замерла. Сердце сжалось, словно схваченное коркой льда. Оно не билось целое

мгновение, а потом заполошной птицей ударилась о грудь.

Но оставаться спиной к двери было нельзя. Королева медленно развернулась вместе к креслом.

В дверях, бледный, как полотно, стоял на вытяжку Нэй. А голос Канцлера монотонно продолжал начатую фразу:

— Лейтенант Нэй Байю, с этого дня — бессменный телохранитель королевы. Надеюсь, — в голосе появился сарказм, — ни у кого возражений не возникло?

Они возникли. Возражения вертелись на языке, но так и не решились сорваться с губ. И королева как загипнотизированная змеей мышь смотрела на то, как четким шагом лейтенант пересекает зал, чтобы застыть за спинкой её кресла.

13

Ковровая дорожка делала шаги бесшумными, но в тот момент, когда она заканчивалось, мрамор пола отправлял эхо гулять по коридорам, оповещая всех о том, что идет Королева.

У Адель подгибались колени. Ноги дрожали и казалось, встреченные по пути люди усмеваются и отводят глаза, сразу проникнув в её тайну. Свита осталась где-то далеко-далеко, в пяти шагах позади. А рядом, слева и отставая на полшага, находился *он*.

Голова кружилась и туман застилал зрение. Впереди ждала встреча с посланцем, но о чем они будут говорить, королева не представляла — все наставления Канцлера вылетели из памяти. Но когда впереди показались двери Розового зала, Адель рассердилась.

Почему она позволяет себе подобное поведение? Подумаешь — чувства разыгрались. Там, за дверью, её ожидает посол и очень серьезный разговор. И для остального сейчас нет ни сил, ни времени.

Глубоко вдохнув, королева остановилась возле закрытых створок. Лейтенант тут же сделал шаг вперед и коснулся ручки. Кивок — и дверь распахнулась. Одновременно с этим приставленный к послу помощник объявил:

— Её Величество Адель ас Кармина.

Встреча намечалась почти интимная и в полном титуле необходимости не было. Девушка улыбкой ответила на полуофициальный поклон и направилась к своему месту. Телохранитель тут же отодвинул стул, помогая присесть. А после замер за спиной.

Ей опять стало неуютно. О каком серьезном разговоре может идти речь, если лейтенант стоит тут же, всего в полушаге? Достаточно руку протянуть... Адель сжала в кулаке край салфетки, делая вид, что расправляет её на коленях.

— Господин лейтенант, — голос не выдел волнения, — думаю, здесь мне ничего не угрожает. Пожалуйста, займите место у двери.

Нэй Байю четко выполнил приказ. Личный телохранитель королевы не имел права оставить её одну ни на минуту, разве что в спальне. Но и тогда не мог отойти от двери. Сейчас, когда у него не было напарника, круглосуточная служба грозила стать очень сложной. Но, найди отец напарника, она превратится в ад. Нэй молился, чтобы кандидат на вторую должность так и не объявился.

Адель тихо выдохнула. Посол соседнего государства смотрел выжидательно, не смея первым нарушить молчание. Пауза затянулась.

— Это ведь наш первый рабочий ужин? — сказал, чтобы сказать хоть что-то.

— Да, Ваше Величество, — склонил голову посол. — Позвольте еще раз выразить вам свои соболезнования, на этот раз — личные.

Адель была благодарна послу за эту фразу. Не столько из-за разделенной печали, сколько из-за паузы, которую следовало выдержать после. Она позволила собраться с мыслями. Но ничего серьезного в голову не приходило. Работать не хотелось совершенно.

Но и молчать в ожидании закусок было неправильно.

— Позвольте спросить, как вам Дворец?

Посол оглядел Розовый зал так, словно видел в первый раз. Адель сделала то же самое.

Он получил свое название из-за цветов. Изображения букетов, словно присыпанных пудрой и выцветших от времени повторялась на стенах, на обивке мебели, даже на окантовке занавесок, даже стеновые панели украшала резьба в виде роз. Без живых букетов тоже не обошлось: они стояли в высоких вазах, источая сладковатый аромат.

— Он очень красив. Признаюсь честно, я не раз бывал здесь туристом!

Адель улыбнулась. Время от времени в нежилые помещения пускали экскурсии. Она сама любила наблюдать за потоком людей, заливающих комнаты и залы огнями фотовспышек, нарушающих покой древних коридоров громкими звуками, за теми, кто пришел восхититься историей её семьи.

Подали первое блюдо. Горничные сняли серебряные крышки и посол рассмеялся:

— А ведь меня предупреждали, что у вас для этого зала особый сервис!

Салат из лосося лежал в тарелке, и на ободке повторялся тот же рисунок, что и на стенах комнаты. А нежного цвета ломтики рыбы, украшающие салат, повар свернул в виде бутон розы.

— У вас для каждого зала так?

— Нет, этот сервис — часть Розового. Но звучит забавно, я подумаю над этой идеей.

Ничего не значащая болтовня помогла отвлечься, прийти в себя. И настроится на работу.

Беседа текла с виду неторопливо, иногда перескакивая с договоров на обсуждение новой постановки в столичном театре или на новости, никоим образом не относящиеся к политике. Во время перемены блюд собеседники замолкали, с интересом ожидая, чем же удивит их королевский повар.

Но к концу ужина Адель чувствовала себя половой тряпкой: выжатой и грязной от эмоций. Хотелось встать под тугие струи душа и смотреть, как вместе с мыльной пеной ходят в слив тревоги и заботы минувшего дня. Но она сидела, ровно держа спину и улыбалась, про себя отсчитывая минуты.

Наконец, все закончилось. Выходя из Розового зала королева от души сочувствовала своим подчиненным: вечер выдался плодотворным, и работы у них прибавится. А еще очень радовалась, что сможет хоть немного отдохнуть. Конечно, нужно еще просмотреть несколько документов, которые вынесены на завтрашнее обсуждение, но это можно сделать и в спальне, сидя у открытого окна. Или лежа в кровати, за несколько минут до того, как заснуть...

Но вид ожидающего в коридоре Канцлера безжалостно уничтожил все мечты. Как обычно, по лицу министра ничего нельзя было угадать, но взгляд... да еще то, что он оказался здесь в такое время...

Вместо приветствия Канцлер протянул записку. И только Нэй заметил, как покачнулась королева. И чуть придвинулся, готовясь поддержать...

Но Адель тут же взяла себя в руки.

— Прощу в мой кабинет, господа.

Секретарь и Канцлер заторопились вслед за ней по багровой ковровой дорожке.

— Лейтенант, — обратилась к Нэю Её Величество, когда он открыл перед ней дверь, — отдохните. Насколько я знаю, у вас нет напарника, поэтому не стоит так себя выматывать, когда мне ничего не угрожает. Покажите лейтенанту комнату отдыха! — это уже горничным.

Канцлер молча подтвердил приказ. И отвернулся — сейчас для него не существовало сына. Был лейтенант Лейб-гвардии, личный телохранитель королевы.

Нэй едва сдерживался. Было обидно и зло. К концу дня он начал подволакивать ногу и королева это заметила! Проклятая рана! Чего-чего, а жалости к себе лейтенант не терпел. И тем не менее послушно устроился на узком диване и прикрыл глаза.

— Вас разбудят, если что-то случится, — проворковала горничная. Новый телохранитель привлек всеобщее внимание этой части обитателей Дворца. Видный, красивый... суровый.

— Если случится, поздно будет будить. Вот за несколько минут до происшествия...

Горничная хихикнула и прикрыла дверь. Этот Лейб-гвардеец нравился ей все больше и больше.

Адель устало опустилась в кресло. Канцлер придвинул стул и устроился напротив, по другую сторону стола.

— Ваше Величество...

Адель протестующе подняла руку:

— Минутку. Дайте мне минутку, господин Канцлер, — и устало спрятала лицо в ладонях. — Скажите, — голос звучал глухо и тяжело, — что я делаю не так?

— Вы все делаете правильно, Ваше Величество. Кара небес — не ваша вина.

— Я — королева. Я, и только я несу ответственность за происходящее. Засуха, наводнение... а теперь вот и плотина... Наверное, я действительно недостойный правитель. — Адель подняла голову. Глаза покраснели. — Господин Канцлер, наверное, действительно пришло время поднять вопрос о ренегстве.

— Ваше Величество! — Канцлер и секретарь вскрикнули одновременно. Но секретарь тут же отступил, прижав руку к губам. А Канцлер продолжал: — Позвольте старику, который служил еще вашему отцу, дать вам совет. Дела политики, как внешней, так и внутренней, не терпят суеты. Есть некоторые вопросы, которые нужно решать незамедлительно, но поверьте — это не он. А плотина... просто техногенная катастрофа. Вашей вины в этом нет.

Адель молча слушала и между бровей пролегла глубокая морщинка:

— Как вы можете быть в этом уверены?

— Я уже говорил на совете и повторю снова: Небеса могут прогневаться не только на правителя, но и на его поданных. А кроме того... иногда гнев Небес и вовсе не при чем. Не торопитесь, Ваше Величество. Назначить регента недолго. Прошу, подумайте!

— Хорошо. Я не буду говорить о регенте. Но что мне делать?

— Для начала — успокоиться. Я уже бросил в провинцию ремонтников и спасателей, сейчас проводится эвакуация.

— Успеем?

— Должны!

Телефон Канцлера пискнул.

— Прошу прощения, — мужчина прочитал сообщение и побледнел.

— Что там? — Адель приготовилась ко всему.

Канцлер повернул к ней экран:

— Плотину прорвало.

14

— Господин лейтенант!

Нэй проснулся, едва услышал шепот горничной и вскочил, напугав девушку, которая уже собралась потрясти его за плечо.

— Господин лейтенант, королева направилась в свои покои.

Он выскочил за дверь, не дослушав.

На полпути Нэя перехватил посыльный отца. Канцлер приготовил для сына короткое наставление:

— Прорвало Цуранскую плотину. Пока не сильно, но в любой момент... В общем, королева направляется туда. Нэй, я не верю, что это кара Небес или результат сил природы. В тех местах дождей уже несколько недель не было...

— Теракт?

— Все может быть. В общем, смотри в оба. Королева — все, что осталось от династии. Если не уловишь...

— Я понял, господин Канцлер, — Нэй откозырял, помня слова отца о том, что во дворце между ними нет никаких семейных отношений.

— Ступайте, лейтенант. Я вам доверяю.

Прежде, чем приземлиться, вертолет заложил несколько кругов над местом катастрофы.

Ущелье широкой, сверкающей на солнце лентой рассекала река. Ярко-синяя, с белыми бурунами там, где поверхность прорезали камни. Она мчалась к озеру, которое с трех сторон сжимали скалы. С четвертой светлел полумесяц плотины.

У её подножия бурлили, злился белыми клубами пены и брызг поток, но открытые шлюзы не спасали — вода рвалась из рукотворной тюрьмы на волю.

— Вон там, справа. Видите? — Адель взгляделась туда, куда показал сопровождающий.

Серый, как камни самих гор бетон пересекала трещина. Она походила на молнию, что разрывает темное небо и была столь же опасна. Кое-где по стене уже сбегали ручейки воды.

— Разрушение — дело времени. Мы не успеем!

— Тогда бросьте все силы на спасение людей! — приказала Адель.

Вертолет направился к ровным рядам палаток спасательного лагеря, расположенного чуть выше уровня воды и в стороне, так, чтобы их не задел поток взбесившейся воды. Но перенести город, стоящий на его пути, было невозможно.

Встречать королеву высыпал чуть не весь штат спасателей. Адель разозлилась:

— Я что, погибающая? Почему вы здесь, а не там, где проводится эвакуация? Почему не в штабе, в конце-концов?

Руководителям досталось больше всего. Но доклад о происходящем королева выслушала, не перебивая.

— Направьте все силы на эвакуацию... Сколько еще выдержит плотина?

— Ваше Величество. Это никому не известно. Но вот что странно... В последнее время

вверх по течению не было дождей. Мы не понимаем, почему озеро так резко наполнилось, откуда взялась вода...

— Я поняла, — прервала Адель говорившего. Для подобных вопросов было не место, и не время. — Я хочу съездить в город.

— Ваше Величество, — остановил её Нэй, — там опасно. Если плотина рухнет...

В ответ она одарила его испепеляющим взглядом. И направилась к выходу из штабной палатки.

Внедорожники уже ждали. Серпантин извивался, кое-где подходя к самому краю пропасти. Адель вцепилась в поручни, но не отводила взгляда от разверзшейся бездны. Иногда она смотрела назад, на громаду плотины, иногда вперед, стараясь высмотреть впереди крыши города. Иногда то справа, то слева появлялись уютящиеся между скал домики.

— Жителей тоже эвакуировали?

— Тех, кто близко к лагерю — да. Но некоторые фермеры отказались покидать свои наделы. Говорят, лучше погибнуть вместе со своими виноградниками...

— Уговаривайте! Если надо — вывозите силой! Плантации восстановим. Людей — не вернем.

Город бурлил. Люди сидели на баулах у подъездов, кто-то спешил, схватив только детей, кто-то голосовал на обочине, в надежде уехать на попутной машине...

Военные, сопровождающие королевский кортеж, остановили внедорожники на площади, выстроив их полукругом. Увидев, как с сиденья открытой машины поднимается девушка, люди узнали её и с криками кинулись навстречу, едва не сметя заслон.

— Ваше Величество! — Нэй не выдержал, схватил Адель за руку, нарушая все возможные протоколы. — Нельзя! В этой толпе может скрываться убийца.

— Эта, как вы выразились, толпа — мой народ. И я должна быть с ним!

Отодвинув телохранителя, Адель спрыгнула на землю, отказавшись от протянутой руки военного, стоящего рядом с машиной.

Оцепление едва сдерживало желающих подойти к королеве. Она протянула руки и десятки рук вцепились в подставленные ладони. Люди выкрикивали вопросы и главным был один: выдержит ли плотина?

— Этого никто не может сказать, — вздохнула Адель. — Но я умоляю вас — не поддавайтесь панике! Мы пришлем автобусы, эвакуируют всех!

Новый всплеск интереса. Хватит ли транспорта, и как скоро... Вперед пробилась старушка. В одной руке она держала узелок с вещами, другой прижимала к себе рыжего кота:

— Ваше Величество, Ваше Величество... — слезы душили её, не давали говорить, — Дочку с внуком я отправила, а меня не взяли. Сказали — с котом нельзя!

У Адель перехватило дыхание. Женщина с такой нежностью прижимала к себе питомца а тот, словно чуя беду, обнял её лапами за шею и мурчал так, что перекрывал людской гомон.

— Они правы, — девушка старалась говорить четко. — Мы дадим укрытие людям, вывезем всех. Но если разрешим брать с собой животных... кто-то может погибнуть.

Старушка застыла. А потом как отрезала:

— Ну, значит, и помрем вместе! — и отвернулась.

Людской поток напирал на солдат так же мощно, как вода на плотину. Нэй попытался вклиниться между ним и королевой:

— Ваше Величество, здесь опасно! Вернитесь во Дворец!

Адель не отвечала, но по прежнему пожимала руки, улыбалась, старалась подбодрить... Она понимала: её телохранитель прав, сейчас она только усложняет ему работу. Но... оставить этих людей без поддержки не могла.

— Ваше Величество!

— Лейтенант, — шепот больше походил на шипение. — Позвольте напомнить, мне известно все, что вы скажете. Да, я понимаю, что вам нелегко. Но... просто делайте свою работу. Как можете. А я буду делать свою.

А в душе поднималось раздражение: он сам учил её всему, что должен знать телохранитель. Как отследить убийцу, как убрать объект с линии выстрела, как... Но неужели лейтенант не понимает, что сейчас это не имеет никакого значения? Что иногда, чтобы получить желаемое, надо рискнуть? А сейчас Адель больше, чем когда-либо необходима была вера этих людей в неё... и их спокойствие. Тогда появится шанс, что эвакуация пройдет успешно... Нэй отступил, но девушка спиной чувствовала его напряжение. И желание выругаться. Там, в Академии, он не сдерживался.

Но всему — свое время. Королева повернулась к сопровождающим:

— Возвращаемся. А то они так тут и останутся, будут меня вопросами закидывать, вместо того, чтобы спастись.

Пропасти и скал на обратной дороге Адель не видела. Перед глазами стояли заплаканное лицо старушки и рыжий кот.

В штабе она потребовала связи с Канцлером. Большая спутниковая трубка оттянула руку.

— Господин Канцлер, Бросьте на эвакуацию все силы! Все! Если нужно — распечатайте резервный фонд. Мы должны спасти людей.

В ответ ей пришлось выслушать, что для этого необходимо собрать совет и добиться единогласного согласия.

— Да чтоб вас там всех... — не сдержалась она и повернулась к командиру. — Вы можете эвакуировать людей вместе с животными?

— Никак нет, Ваше Величество. Транспорта не хватает. Да и размещать их негде.

— А если будет транспорт? Стяните сюда всю технику, какую можете! И где инженеры! Что они говорят про плотину?

Рабочие трудились на износ. Но укрепить бетонную стену казалось невозможным. Они старались хотя бы временно удержать смертельный поток, дать людям время уехать... Адель подали смету.

— Готовьте вертолет. Надо вернуться как можно скорее. И передайте Канцлеру: чтобы к моему приезду Совет уже начал работу.

Во Дворце Адель сразу направилась в зал для совещаний. Даже переодеваться не стала: как была в камуфляжной форме без погон и берцах, так и заняла свое место во главе стола.

— Надеюсь, вы уже обсудили мои предложения, — начала сразу, без приветствий. — Я слушаю.

— Ваше Величество, — Канцлер перелистнул блокнот, в котором записывал рождающиеся по ходу разговора мысли, — боюсь, вскрыть резервный фонд невозможно. Он минимален, отсюда нельзя взять ни доли процента.

— Иначе?

— Вы знаете о напряженности с Риллесом. Если они пойдут на открытый конфликт...

— Если бы Риллес хотел начать войну, он бы это уже сделал. Но они не самоубийцы! — возразила Адель.

— И тем не менее. Они склоняют на свою сторону все больше государств. Если мы останемся без союзников...

— У нас там люди могут погибнуть! С минуты на минуту! А вы говорите о какой-то фантастической войне, которая только у вас в головах и ведется! — наплевала Адель на манеры.

— Если она начнется не только в наших головах, погибнет вся Эллодия, а не несколько тысяч человек. Ваше Величество, возьмите себя в руки!

Холодная отповедь подействовала на юную королеву как ушат ледяной воды. Она замолчала, не зная, как склонить Совет на свою сторону. Но Канцлер оставил ей пути к отступлению:

— Разумеется, мы не можем рискнуть резервным фондом. Он понадобится для восстановления региона после катастрофы. Но перенаправить некоторые потоки для обеспечения эвакуированных всем необходимым вполне реально. Думаю, имеет смысл привлечь бизнесменов. Их вклад в...

— Вы не желаете потратить деньги на предотвращения трагедии, но готовы дать их на восстановление? — Адель горько оглядела своих министров. — Странная логика. И...

— Ваше Величество, — Канцлер был непреклонен, — мы не можем рисковать все государством. Вы должны понять: королева — не человек. Королева — символ. И мыслить она должна, не оглядываясь на простые человеческие чувства. Иначе её страна погибнет.

Адель молчала. У неё не осталось ни слов, ни сил. Но оставить все как есть, она не имела права. Досчитав до десяти, девушка приготовилась к ожесточенному сражению. К битве, в которой ей противостояли куба как более опытные и умелые противники.

Не получилось. Все доводы разбивались о скалы возражений Совета. Сошлись в одном: стоит привлечь к решению проблемы бизнесменов.

— У нас много богатых людей. Нет ничего зазорного или плохого в том, что они помогут своей стране.

Но предложения о помощи не спешили появляться — подключать прессу было нельзя, среди населения могла возникнуть паника. Но и молчать...

Адель места себе не находила. Все новости с Цуранской плотины докладывали непосредственно ей. И каждый раз девушка забывала, как дышать. Ей казалось, что сейчас сообщат, что плотина рухнула и поток воды смыл город. И людей, которых не успели эвакуировать.

И каждый раз перед глазами вставала старушка, обнимающая рыжего кота.

Королева уже не тратила время на переходы в конференц-зал. Министры приходили прямо в кабинет — его защиты хватало, чтобы обсуждаемое не стало сразу достоянием общественности. От споров казалось, нагревался сам воздух, а Адель даже из-за стола не вставала. Клавиши ноутбука щелкали не переставая, и телефон пиликал, доставляя новые сообщения.

Управляющий личным состоянием королевской семьи хватался за голову: Её Величество приказала немедленно перевести все свободные средства в Фонд помощи эвакуированным.

— И посмотрите, что из активов можно быстро перевести в наличные. Их тоже... в

Фонд. Да поторопитесь же!

Счет шел даже не на дни — на часы.

— Лейтенант, — королева даже не отвела взгляд от монитора, — вы сегодня не обедали. И, кажется, не завтракали. Ступайте, перекусите.

— Никак нет.

Покинуть пост хоть на минуту было невозможно.

— Лейтенант Нэй Байю, напомню вам, что я обучалась в Военно Академии. Проти взрыва вы бессильны, а если сюда проникнет убийца... я сумею продержаться пару минут. Вы успеете. Это приказ! Ступайте!

К счастью, идти в столовую не пришлось. Слуга уже принес поднос с супом, мясом и жареной картошкой, а один из младших секретарей кивнул на журнальный столик:

— Располагайтесь. Еще бы королеву накормить...

Но она пила только кофе. Очень крепкий и сладкий. Все попытки накормить Её Величество терпели фиаско:

— Некогда.

Нэй задумался. На память пришла веселая, язвительная курсантка, которая поле тренировки могла спокойно съесть пару порций ужина и жаловаться, что осталась голодной. И решил:

— Давайте я попробую.

Еду принесли, но присутствующие даже не скрывали своих сомнений. Нэй подхватил поднос и шагнул в предупредительно открытую слугой дверь.

Королева даже головы не подняла поинтересоваться, кто вошел. А лейтенант просто поставил серебряный поднос на тол, поверх бумаг?

— Ваше Величество, вам надо поесть. Хоть немного.

— Некогда, — прозвучал уже знакомый ответ.

— А вы как солдат — на бегу. Вам специально сэндвич сделали.

Адель оторвала взгляд от экрана. На лице телохранителя проступило знакомое выражение. Когда он выходил с таким видом к курсантам те холодели от страха: спуску не будет.

— Хорошо, — вздохнула она. — Все равно не отвяжетесь.

Но едва она протянула руку к бутерброду с салатом и куриной грудкой, как загорелся экран личного телефона. Легкий перебор гитарных струн нарастал, пока королева не нажала на кнопку, принимая звонок.

— Да, господин Канцлер.

Она долго слушала, а потом кивнула, как будто собеседник мог её видеть:

— Хорошо. Я приму его лично. Сейчас? Хорошо. Уже иду, — и повернулась к лейтенанту, — обед откладывается.

Сдернула с вешалки жакет и задержалась на несколько мгновений перед зеркалом, вглядываясь в отражение. Выглядела она на самом деле плохо.

— Нет, так не пойдет.

Щелкнула крышка пудреницы — Адель хватило нескольких секунд припудрить лицо. Лучше не стало, но девушка почувствовала себя увереннее.

— Может, позвать визажиста? — робко предложил Нэй.

— Некогда. Сейчас не до макияжа, — отмахнулась королева и, расправив плечи, вышла из кабинета. Телохранитель поспешил следом, держать чуть сзади и сбоку.

— Ваше Величество! — выход преградила личный помощник. — Вам надо поправить макияж и...

— Некогда, — устало произнесла королева.

— Но вы — лицо страны!

— Вот такое... лицо, — вздохнула Её Величество и поспешила дальше.

15

Небольшая приемная, в которой королевские особы принимали тех, кто не входил в «ближний круг», охранялась не хуже кабинета. Гость мог чувствовать себя в полной безопасности. Но, судя по всему, они и не волновался.

Адель приветливо улыбнулась, протягивая руку. Бизнесмен склонился, коснувшись её сухими губами.

— Гур Семини к услугам Вашего Величества.

Девушка снова улыбнулась и указала на кресло, с которого он только что поднялся:

— Присаживайтесь!

И сама опустилась напротив.

На маленьком круглом столике между ними безмолвные горничные тут же накрыли чай. Адель воспользовалась этими минутами, чтобы рассмотреть собеседника.

Пожилой. Но не старый. В темных волосах серебрятся пряди, и не стесняется своего возраста. Двигается легко, подтянут — следит за собой. Лицо гладко выбрито, ни намек на столь модные нынче усики, и ухожено. Руки... Адель перевела взгляд на чашку. Гость держал её аккуратно, за ручку, не выставляя мизинец и не манерничая. Холеные пальцы сжимали фарфор аккуратно, но крепко. И единственное украшение, если не считать булавки для галстука — кольцо-печатка. Вензель из двух переплетенных букв «Г» и «С».

Тщеславен? Но при этом знает только в неброской роскоши. Костюм изготовлен явно на заказ — королеву не обманули простые линии кроя и неброский темный цвет. Её собственные наряды шились у того же портного. Обувь... заглядывать под стол Адель не стала заглядывать под стол, но была уверена — ботинки соответствуют всему остальному. Человек, сидящий напротив неё производил впечатления аристократа в десятом поколении.

Строго говоря, это так и было. Почти. Гур Семини был бастардом. И пусть отец признал его и дал великолепное образование, происхождение еще имело вес в некоторых кругах. И все же он одержал победу. Несмотря на низкое происхождение, сумел создать настоящую империю. Торговые центры господина Семини открывались в самых престижных районах столиц, а города рангом поменьше пытались заполучить такие же всеми правдами и неправдами. Его дети — сын и дочь — получили великолепное образование и уже начинали свой путь в бизнесе отца. Говорили, дочка достигла определенных успехов.

Адель перестала перебирать информацию, которую за несколько минут до визита получила по электронной почте. Досье было полным, но достаточно и основных тезисов. Самое главное — господин Гур Семини пришел предложить помощь.

Он соблюдал этикет — осторожно подносил чашку к губам, делал маленький глоток и ставил её обратно на блюдечко, которое держал в левой руке. Начинать разговор первым ему не полагалось, хотя сидящая напротив девушка была младше его дочери.

Адель же решила нарушить правила приличия: времени на расшаркивания и выдерживания пауз не осталось.

— Простите, начну без обиняков. Вы сказали, что хотите спонсировать спасательные

мероприятия?

— Это так, — Ваше Величество.

Господин Семини поставил чашку на стол и подобрался. Улыбка осталась прежней, но вот в глазах появился блеск. Тигр перед прыжком. Опасный, смертоносный... Или... змея? Ужалит и...

Адель откинула нехорошие мысли. Интуиция редко подводила, особенно после академии. Но... сейчас была необходима любая помощь. Змея? Кобра или гюрза? Да какая разница? Она сама подставит руку под ядовитые зубы, только бы все получилось.

Перед глазами опять встало заплаканное лицо. И мокрая от слез хозяйки морда рыжего кота.

— В таком случае, вам достаточно было обратиться к Канцлеру... — Адель не закончила фразу, выжидательно глядя на собеседника.

— О, есть вещи, которые не в силах решить даже он, — принял правила игры господин Семини. — Только королевская особа может подписать грамоту на дворянство. Ну, а какие бонусы я получу вместе с ним... вот это можно и с господином Канцлером обсудить.

— Раз уж мы встретились, то давайте и обсудим сразу, — предложила королева.

Её улыбка оставалась вежливой и милой. И поза — расслабленной. Даже голос не дрогнул. Но телохранитель, стоящий сразу за креслом своей госпожи, насторожился. Что-то было не так. Королева почувствовала опасность. Но какую?

Нэй не знал, что делать. Инстинкты просто вопили об опасности, о том, что королеве требуется помощь. Но какая? Он еще раз обвел приемную взглядом. Её только что проверяли, никаких подозрения. И гостя досмотрели. В том, что его пропустили просто так, лейтенант сомневался: после терактов во Дворце и муха незамеченной не могла пролететь.

Адель почувствовала его тревогу. И едва сдержалась, чтобы не поморщиться. Лейтенант почувствовал её состояние и готов был действовать... но не знал — как. Поэтому боялся пошевелиться, чтобы не навредить. Идеальный телохранитель. Но его состояние сейчас только мешало, отвлекало, не давая сосредоточиться на решении проблемы. Королева знала, откуда исходила опасность. И какая. И вся Лейб-гвардия не могла ей помочь. И даже Канцлер...

— Лейтенант Байю, — повернулась он к нему и едва выдержала тот поток тревоги, что выражал его взгляд. В груди защемило и стало тепло. Но Адель заставила себя не думать о чувствах, — оставьте нас одних.

Нэй даже не пошевелился.

— Лейтенант!

— Согласно инструкции...

— Лейтенант, это приказ. Возражений я не принимаю, — она говорила спокойно, но в голосе звучали те самые, хорошо знакомые нотки. Так Кара заявляла что-то, не терпя возражений. И добивалась своего.

И он подчинился.

Козырнуть. Развернуться. Два шага — открыть дверь. Еще шаг и...

Дверь закрылась, а ему показалось, то захлопнулась крышка гроба. Его королева, его госпожа осталась один-на-один с кем-то, представляющим опасность...

Номер набрался бесшумно — телефон стоял на беззвучном режиме, чтобы не нарушить тишину в неподходящее время.

— Слушаю. Нэй? Я же велел не звонить в рабочее время, если... Так, что случилось?

— Господин Канцлер, Его Величество выставила меня за дверь. Сейчас она встречается с...

— Я знаю, — в трубке повисла тишина. Потом послышался вздох. — Королева — умная девочка. Думаю, с этой стороны ей нечего опасаться.

— Она очень волновалась. Словно удара ждала...

— Успокойся и жди развязки. Есть моменты, когда оружие и крепкие кулаки бессильны. Её величество справится. Верь ей.

Верить. Нэй в бессильной ярости сжал кулаки и тут же заставил себя расслабить руки. Медленно, палец за пальцем. Он — всего лишь телохранитель. Его дело — подчиняться. Любому приказу. И, приняв решение, он замер у двери живой статуей.

Едва за лейтенантом закрылась дверь, Анна позволила себе несколько секунд передышки. Теперь не приходилось беспокоиться о его предчувствиях, ждать, что он начнет действовать, сломав все планы — девушка подозревала, что придется идти на риск.

Прямо перед ней сидел мужчина, привыкший добиваться своего. Успешный, сильный. С колоссальным опытом. Чего не сказать о ней, девчонке, которую готовили совсем к другому.

Но она должна выиграть. Ради того кота, ради слез его хозяйки — трагедия города, оказавшегося под угрозой уничтожения, сошлась на этой паре, и оттого становилось еще страшнее. Как перед очень сложным экзаменом. Но в этот раз пересдача не предусмотрена, и результатом будут человеческие жизни. И кот. Рыжий, как апельсин.

— Итак, — улыбнулась она немного робко, — чего же вы хотите конкретно?

— Как я и говорил — дворянскую грамоту. Да-да, Ваше Величество, — на губах застыла улыбка, а в водянисто-серых глазах не отражалось ни одной эмоции, — я знаю, что все дворяне Эллодии получили титул взамен на какую-нибудь жертву во имя страны. Но разве моя помощь будет такой уж несущественной?

Адель кивнула:

— Возможно, вы правы. Но вы упомянули о бонусах... Могу я узнать, о каких?

— Конечно!

Королевский секретарь тут же подал ему папку. На черной коже змеился золотой вензель. Такой же, как и на печатке. Гур Семини протянул папку королеве:

— Прошу, ваше Величество.

Она пробежала глазами первый лист. И с трудом удержала на губах улыбку.

— Господин Семини, человек вы деловой и должны понимать, что для ознакомления с этими документами требуется время.

— Конечно, — он продолжал сидеть, ровно держа спину и не нарушая этикета ни малейшим жестом. — Только, боюсь, его как раз и нет.

— Для обсуждений — разумеется. Поэтому, надеюсь, вы не против, если я ознакомлюсь с ними прямо сейчас, — Адель повернулась к секретарю. — Пусть нашему гостю подадут закуски, чтобы ожидание не казалось столь долгим.

Столик сервировали заново. Чай, джем, выпечка. Королева не обращала на еду внимания, хотя желудок подводило от голода — времени на самом деле не хватало. И, чем сильнее углублялась Адель в документы, тем сильнее понимала: господин Семини блефовал.

Зная о жутком цейноте, он выдвигал нереальные требования... В надежде, что их примут, не читая?

— Господин Семини, а вот это... — Адель протянула собеседнику лист с очередным требованием, — не слишком?

— Монополия на торговлю розовой солью для моих Торговых Центров? Вы думаете, это слишком?

Адель промолчала.

Розовая соль добывалась на юге. Она на самом деле имела розовый цвет и слабый аромат малины. Её продажа неплохо пополняла бюджет, и отдавать монополию значило сильно подорвать финансы страны.

— А это? — следующее требование. Льготы на закупку конопляного полотна. Большие льготы. И они могли привести к разорению мелких производителей. Адель продолжала улыбаться, внимательно читая строчку за строчкой.

Удержать доброжелательное выражение становилось все труднее. Но позволить чувствам отразиться на лице Адель не могла: за ней наблюдал внимательный, цепкий взгляд серых глаз. Цвет напоминал речную воду в проруби, такой же непроницаемый, спокойный... и опасный. Оступишься — и затащит под лед, не выбраться.

— Господин Семини, — Адель дочитала и обратилась к собеседнику все с той же улыбкой, — вам не кажется, что все эти требования несколько... чрезмерны?

— Разве? — красивая, четко очерченная бровь взлетела, выдавая удивления. — Не смею спорить. Думаю, я могу отказаться от некоторых притязаний.

— Вам придется отказаться от всех, господин Семини, — Адель приняла решение. Сообщить его слишком наглomu гостю с большими запросами было сложно, и она пряталась за улыбкой, как за щитом. — Все это... — королева положила папку на стол, — Если плотина рухнет, для её восстановления понадобится меньше средств, чем хотите за свою помощь.

— Вот как? — господин Семини склонил голову к плечу. — Ну что же, я готов отказаться от всего этого и удовольствоваться только дворянской грамотой. Если уж титул дать не хотите...

— И не могу, и не хочу. Как и дворянство. Вы его не получите.

— Простите?

Он продолжал улыбаться. Королева отвечала тем же. Молчание неприлично затянулось, но Адель не делала ничего, чтобы разрушить неловкость. Она вовсю пользовалась своим положением, так что первым заговорить пришлось её *vis-à-vis*.

— Что вы имеете в виду?..

— Ровно то, что вы слышали. К сожалению, ваша помощь моей стране не по средствам. А что касается дворянства... Эллодия существует благодаря дворянам. Я не могу унижить цвет своей страны, её опору из-за... торгоша.

Она бросила это слово осмысленно... и продолжала улыбаться.

Господин Семини тоже. Но в его лице мелькнуло что-то хищное... и злое.

— Вот как? Значит, вы отказываетесь от помощи... торгоша только ради глупого понятия о чести? Вы отказываете своему народу в спасении? Ваше Величество, это очень неосмотрительно. Для молодой королевы, которая едва ступив на трон, столкнулась с такими трудностями...

— Благодарю за заботу, — королева поднялась, показывая, что аудиенция окончена, — но я справлюсь.

Господин Семини несколько минут смотрел на неё, но протянутой для поцелуя руки не дождался. И, легко поклонившись, вышел прочь. Ни на йоту не нарушив этикета.

Едва за ним закрылась дверь, Адель повернулась к секретарю:

— Передай управляющему, чтобы все, абсолютно все мои личные средства вложил в Фонд. И... через десять минут я жду в своем кабинете Канцлера.

Она упала в кресло и несколько раз с силой провела руками по лицу, размазывая макияж. Но по-другому не могла — казалось, улыбка навеки прилипла к губам, хотелось убрать её, содрать вместе с кожей...

— Ваше Величество... — несмотря на полученные указания, секретарь не ушел. — Ваше Величество, позвольте сказать вам... спасибо!

— Что? — Адель подняла голову.

— Вы — истинная дочь своих родителей. И — королева. Вы все правильно сделали. Не продали страну.

Адель совсем не по королевски хмыкнула. «Не продала»... Это верно. Но может, все же «предала»?

— Я жду господина Канцлера у себя через... — она бросила взгляд на наручные часы, — семь минут.

Канцлер начал действовать незамедлительно:

— Нужно проинструктировать новостные каналы. И Интернет. Блокировать все... — он схватил телефон, даже не спрашивая разрешения у королевы на эту вольность. — И переоденьтесь, вам следует присутствовать на Малом Совете. Надеюсь, им все и ограничится. — И, выходя, ободряюще кивнул: — Вы все правильно сделали, Ваше Величество. А вот это, — палец брезгливо ткнулся в черную папку с золотым вензелем, — отдать юристам и изучить вдоль и поперек. Хоть будет, чем крыть.

Но бизнесмен оказался быстрее. На небольшом частном канале вышел репортаж о том, что королева и Совет отказались принять бескорыстную помощь бизнесмена, радеющего за свою страну.

Новость тут же продублировали в сети. Подхватили новостные агентства. Лавину общественного мнения было уже не остановить.

— Видимо, он держал журналистов наготове. И дал команду по телефону, еще не покинув дворец, — доклады следовали один за другим.

Канцлер оглядел каждого из членов Малого совета и отчеканил:

— Распечатывайте Резервный Фонд.

Началась работа над укреплением плотины. Она шла лучше, чем восстановление имиджа молодой королевы. Юристы буквально с ума сходили, отвечая на иски и подавя встречные, в Министерстве Связей сбились с ног, формируя положительный имидж правительницы. А она сама словно забыла, что живой человек.

Выступления по телевидению и радио, контроль над ремонтом плотины... И все это — впридачу к основным обязанностям.

Нэй вымотался до предела: смену ему так и не нашли. Но своей королевой он начал восхищаться по-настоящему. Девушка совсем забыла что такое покой, сон, еда... Перекусывая на бегу, она пробегала глазами текст очередного выступления, а пока ей накладывали макияж — успевала вздремнуть. Адель успевала везде, стараясь держать руку на пульсе происходящего.

И только поздно вечером она позволяла себе несколько минут отдыха.

Нэй уже давно перестал замирать у двери. Королева указала ему на кресло:

— Устав-уставом, но уставший, вы не сможете выполнять свои обязанности.

И он сидел в уголке, не сводя с ней взгляда. А Адель словно и не замечала столь пристального внимания. И только поздно вечером, когда удалялся последний работник, она позволяла себе несколько минут отдыха.

Кофе на двоих. Или ромашковый чай. Королева пила его, стоя у открытого окна. Ветер играл занавеской а потом — теребил выбившуюся из прически прядь волос королевы. В Академии они были намного короче. Теперь же... Нэй отчаянно завидовал этому потоку воздуха. Прикасаюсь в ней, к её лицу, к глазам, к губам... И сам пугался своих мыслей. Хотелось подойти, прижать к груди, чтобы услышала, почувствовала, как бьется сердце... Заключить в кольцо рук, чтобы поняла — она не одна. Он, Нэй Байю, сделает все ради её безопасности. И спокойствия.

Но ради этого спокойствия он молчал, и даже не двигался лишний раз, боясь спугнуть мимолетный покой. А когда королева возвращалась к столу и открывала ноутбук, время признаний оказывалось упущенным.

Но этих кратких минут отдыха оказалось недостаточно. Адель все больше худела, под глазами залегли серые тени. Заставить её поесть казалось невозможным, и даже Канцлер отступился, встретившись с суровым взглядом королевы:

— В стране беда. Из-за меня. Как я могу спокойно есть?

— Но Ваше Величество! Если вы не выдержите...

— Выдержу, — перебила Канцлера Адель. — Обязана выдержать. А вы, пожалуйста, смените моего телохранителя, он уже с ног валится.

Канцлер оглянулся на сына и пожал плечами:

— Он тоже... выдержит. Это его работа.

Нэй был готов провалиться от стыда, но вместо этого только вытянулся у двери. И отказался возвращаться в кресло:

— Как солдат может отдыхать, когда его королева в заботах? — Нэй заставил себя забыть, что когда-то в его жизни была Кара Хань. Старался забыть. Но не мог.

— Пользуйтесь случаем, господин лейтенант. Кто знает, что ждет нас в будущем?

Оно оказалось милосердным. Или сама Королева переупрямила Небеса. Просто в один прекрасный момент пришло сообщение, что вода стала резко убывать. Риск обрушения плотины исчез, и ремонтные бригады ринулись на полную починку бетонной громадины.

16

Опасность миновала. Людям разрешили вернуться домой. А тем, кто предпочел переехать, выделили компенсацию.

Адель упорно вникала в каждую мелочь лично. И Канцлер не выдержал:

— Ваше Величество, так нельзя! Вы сам на себя не похожи! Вот что, возьмите недельку отпуска и отдохните как следует, за остальным я пригляжу, это все же моя работа. Или вы хотите отправить меня в отставку?

Королева отложила документ, который внимательно изучала:

— Не время отдыхать. Если...

— Если Королева заболит от перенапряжения, что ждет государство? Хотите неурожай в этом году? Отдыхать! Немедленно!

— Хорошо, — сдалась Адель. — Но сначала я закончу начатое.

Город встретил бурлением. Телохранители взяли королеву в кольцо, смешались с толпой.

Адель пожимала руки собравшимся прямо через оцепление, к большому неудовольствию начальника службы безопасности. Он шипел, ругался, но открыто выступить против появления на публике не мог и гонял подчиненных в хвост и гриву. Досталось даже Нэю.

Сам он до ужаса боялся проглядеть опасность, не успеть, на заслонить. Почти бессонные ночи сказались на работоспособности. И Нэй старался не отставать от королевы не на шаг, и на каждого, кто протягивал ей руку смотрел, как на врага.

Но сама она кого-то выискивала в толпе. Взгляд Адель задерживался то на одном, то на другом лице... и бегал дальше, в скопление народа. На лице сияла мягкая улыбка, но Нэй уже знал и эту складочку между бровями, и чуть трепещущие ноздри...

Лейб-гвардеец охраняет не только тело. В его задачу входит так же и душевный покой правителя. Нэй притянул к себе ближайшего телохранителя и сказал пару слов, так, чтобы никто не услышал лишнего. Мужчина со всех ног кинулся выполнять поручение.

Через несколько минут Нэю передали записку. А еще через четверть часа он пошептал: — Ваше Величество, справа...

Там, чуть в стороне от толпы, старуха держала на руках рыжего кота. Рядом с ней стояла женщина с ребенком на руках.

Адель выдохнула. Ей показалось, из спины выдернули металлический штырь, и мышцы сразу ослабли. В глазах потемнело и последнее, что она почувствовала — как чьи-то руки подхватывают её, не давая упасть.

Тишина. Стерильная, пустая... Адель с трудом открыла глаза. И первое, что увидела — встревоженное лицо королевского врача.

— Проснулись? Как вы себя чувствуете?

— Голова... болит... — Адель испугалась собственного голоса. Хриплый, неживой.

— Ничего, скоро станет легче, Ваше Величество...

Она проследила взглядом за рукой врача, который ввел что-то из шприца в пластиковую бутылку. От неё тянулся прозрачный шланг, и жидкость текла прямо в вену. Они выделялись тонкими линиями на полупрозрачной коже.

— Обморок — результат переутомления. Вам необходимо отдохнуть несколько дней.

— Я упала на площади? Прямо у всех на виду? Я ... мне надо встать.

— Исключено! — послышался от двери властный голос. — Вы будете спать. Если понадобится — на снотворных. Но из этой комнаты не выйдете, пока не поправитесь.

— Господин Канцлер, — говорить было тяжело, но Адель справилась, — я должна знать, что происходит. Как мое состояние...

— Это уже моя забота, Ваше Величество! Отдыхайте!

Адель закрыла глаза. Сон навалился душным покрывалом и девушке пришлось приложить немало усилий, чтобы отогнать его хоть ненадолго.

— Лейтенант! Нэй!

Отчего-то казалось очень важным увидеть его, услышать голос, почувствовать осторожные прикосновения, не выходящие за рамки приличия... Да просто — ощутить присутствие. Здесь. Рядом. Сейчас.

— Ваше Величество?

Он не уходил. Стоял здесь же, за дверью. Переживал? Адель нашла в себе силы улыбнуться:

— Лейтенант, вы помните свою присягу?

Помнил ли он? Забыть то день, когда королева в белоснежной амазонке с золотым галуном оказалась в его руках? Он бы предпочел ослепнуть, но не забыть. Но произнес только предписанное:

— Так точно. Помню.

— Тогда... мне нужны новостные выпуски с того самого момента, как я упала. Все! И сетевые — тоже!

— Не в коем случае! — замахал руками врач. — Её Величеству предписан полный покой!

Нэй колебался. Слова отца о том, что королева едва не умерла от переутомления пугали. И эмоции врача — тоже. Но и она знала, на что давить. Присяга. Лейтенант Нэй Байю не собирался её нарушать, но, глядя на бледное лицо, решил пусть лучше его казнят за предательство, чем он усилит её страдания.

— Никак нет. Простите, Ваше Величество.

— Нэй?

Она впервые обратилась к нему по имени. Впервые за все время знакомства. А Академии он был её командиром и не допускал фамильярности. Во дворце же она была королевой и не допускала невежливого обращения даже с горничными.

— Нэй, пойми, так только хуже. Если я не буду знать, что происходит, я с ума сойду! Обещаю, потом я выпью все лекарства, выплюю до отвала... но сначала принеси мне новости!

Адель умоляла, но заметила, как врач снова ввел какое-то лекарство в капельницу. Спать захотелось нестерпимо, но она усилием воли заставила себя бодрствовать.

Врач нахмурился.

— Ваше Величество, не пытайтесь бороться. Это опасно!

Нэй посмотрел на него, на почти потерявшую человеческий облик королеву и выдохнул:

— Ваше Величество, вы даете слово?

Адель едва сумела кивнуть — голова тут же закружилась, словно пришлась много-много часов ехать по горному серпантину, виляя вправо-влево, ныряя вниз и поднимаясь вверх.

— Я принесу видео, — повернулся лейтенант к врачу. — Её Величество не будет сопротивляться, пока не получит то, что потребовало.

Он не просто верил в то, что говорил. Он видел упрямо сжатые губы, складку между бровями и этот взгляд... так смотрел Кара, когда шла к намеченной цели.

Через несколько минут планшет был у королевы. Сил листать страницы не осталось, эту заботу взял на себя Нэй.

Все каналы крутили одни и те же кадры: королева бледнеет и падает прямо в объятия своего телохранителя. Лейб гвардейцы тут же закрывают их от любопытных взглядом своими телами, но привыкшие ко всему операторы умудряются снимать и в крошечные просветы.

Разным было только звуковое сопровождение. От тревожного, до равнодушного, с нотками злорадства.

— Их проверят, — успокоил королеву лейтенант.

— Не нужно. Это их право и их взгляд на происходящее.

Но все же большинство каналов беспокоилось о происходящем. Журналисты осаждали ворота королевской резиденции, бросаясь к любому показавшемуся человеку. Даже лейб-гвардейцы, что стояли в карауле, не удалось избежать их внимания. Выручил бедных солдат устав: им строго-настрога запрещалось вступать в разговоры с кем бы то ни было, кроме самой королевы.

— Они в панике, — резюмировал видео Нэй.

— Еще бы. Случись что со мной, и мировые весы политики могут покачнуться. Да что там... Династия прервется.

— Ваше Величество, — решился вмешаться врач. — Вы обещали...

— Да-да, — королева послушно отдала планшет, — только сообщите всем, что пришла в себя и не происходит ничего страшного.

Адель проснулась сама. Прислушалась и поняла — в комнате она не одна.

Наверное, она слишком резко открыла глаза — все завертелось и желудок сжался в тугий комок. Поборов тошноту, девушка огляделась.

Справа, откинувшись на спинку стула, дремал Нэй. В кресле у окна спал врач. Иногда он всхрапывал и телохранитель тут же открывал глаза. Оглядывался и снова отключался.

Но попытки Адель сесть тут же подбросили обоих на ноги.

— Ваше Величество, вам нельзя вставать!

— Ерунда. Лейтенант, ступайте, вам необходимо выспаться. Доктор, вы бы тоже... вышли. И пришлите горничную.

Мужчины неохотно покинули спальню. Но выполнять приказ дальше Нэй и не подумал. Он пропустил горничную и замер у двери.

— Лейтенант, — прищур врача не предвещал ничего хорошего. — Вам бы тоже отдохнуть. Свалитесь же!

— На том свете отдохну. Сейчас не время.

— Ну да, ну да... И где вас нашли, такого?

— Какого? — тут же ощерился Нэй. Усталость сделала его раздражительным.

— Да... упрямого, — усмехнулся врач. — Это надо же, как похожи. Будет интересно...

Что именно, он не договорил, а Нэй не успел уточнить — послышался голос королевы. Она приказывала позвать Канцлера.

Тот явился немедленно — все это время он не покидал Дворец, решая навалившиеся проблемы. Но прежде, чем зайти к королеве, бросил сыну:

— Ступай, отдохни. Сейчас от тебя мало толку.

Обида ударила хлыстом. Но отец был прав — сил почти не осталось. И все же Нэй медлил: королева гневалась, её голос долетал даже сквозь закрытую дверь:

— Кто знает, что произойдет, если я не появлюсь перед журналистами! Попытка переворота? Бунт? Политическое давление со стороны соседей?

— Лейтенант Байю!

Нэй вздрогнул. Прямо перед ним стоял Начальник Службы Безопасности.

— Теряете хватку. Слишком устали. Ступайте отдыхать, у вас четыре часа.

Нэю оставалось только козырнуть и выполнять двойной приказ.

Комната в общежитии неожиданно оказалась убранной. Вещи выстираны, отглажены и разложены по местам. На столе, прикрытый клошем, стоял то ли поздний завтрак, то ли ранний обед... Нэй приподнял крышку. В лицо ударил аромат горячего, приправленного специями мяса.

Значит, еду принесли только что...

Нарушение порядков армейского общежития требовало осмысления. Но сил не осталось. Хотелось в душ и спать... Еда в списке потребностей стояла на последнем месте.

И все же, приняв душ и накинув на еще влажное тело махровый халат, Нэй съел все, до последней крошки — отдых-отдыхом, но энергию тоже надо восстанавливать.

Простую перловку или рис с тушенкой он съел бы с такой же охотой, но блюда, приготовленный явно не на общей кухне, доставили удовольствие.

— Королева, или отец?

Додумать Нэй не успел: упал на кровать и отключился.

— Мне нужно выйти к журналистам, иначе паника...

Канцлер зло кинул папку с документами на стол. Хлопок заставил королеву замолчать. А её собеседник отбросил все церемонии и тяжело опустился в кресло.

— Адель, Деля... — девушка вздрогнула, услышав это обращение, а Канцлер продолжал. — Ты должна уяснить: жизнь и здоровье правителя — собственность нации. И рисковать ими ты права не имеешь!

— Кто бы говорил, — буркнула девушка, оглядывая собеседника с ног до головы. — Вы сами-то давно спали? А ели когда?

Под глазами второго сановника королевства залегли синяки. Лицо осунулось и складки, идущие от носа к губам, казались бездонными. Но он только отмахнулся:

— Не обо мне речь...

— И о вас тоже... Господин Канцлер, Небо оказалось к нам милостивым. Мы не можем тратить его благосклонность на пустые ссоры. И допустить напряжения как внутри страны, так и за её пределами тоже — не можем. Поэтому я просто обязана провести пресс-конференцию. Что будет потом — не важно. Сейчас главное успокоить людей.

— Возможно, вы правы... — Канцлер вернулся в рамки приличий. — Но обещайте: после этого вы возьмете отпуск. Минимум на две недели!

— Долго, — не согласилась Адель. — Трех дней будет вполне достаточно.

Ближайшие полчаса королева и второй человек государства торговались, как продавцы на стихийном рынке. Сошлись на десяти днях.

Проснулся Нэй резко — по комнате кто то ходил. Осторожно, крадучись, стараясь не шуметь... Он резко вскочил и замер на месте.

— Ой, разбудила? Простите... — прямо перед ним стояла горничная из Дворца.

Нэй подскочил. Девушка охнула и зарделась. Проследив за её взглядом, мужчина лихорадочно запахнул полы халата.

— Что-то случилось?

— Я ваш мундир принесла из прачечной.

Нэй посмотрел в указанном направлении. На вешалке сверкал золотом ни металлом парадный мундир.

— А лейб-гвардейцев что, обслуживают те же люди, что и королеву?

— Ой, нет, — смутилась девушка. — Просто вы же личный телохранитель, без смены пока. Вот и попросили присмотреть за вами, самому-то по прачечным и столовым бегать некогда будет. Да и уборку делать...

— Благодарю, — Нэй решил быть вежливым. — Но на будущее — не стоит. Я привык

сам справляться со своими обязанностями.

— Извините, — девушка потупилась, но весь её вид показывал: бравый лейтенант может говорить что угодно, но вряд ли его послушают.

С трудом выпроводив надоедливую помощницу за дверь, Нэй посмотрел на часы. Он проспал больше десяти часов! И темно в комнате было не из-за задернутых занавесок.

С наступлением ночи Дворец не засыпал. Караульные сменяли друг друга, слуги так же выходили в свою смену: к утру все должно быть выстирано, выглажено, посуда перемыта, серебро начищено... И все залы главного корпуса в любой момент принять хоть единичного посетителя, хоть целую делегацию. В кухне готовили меню на следующий день. Шеф-повар лично проверял все продукты, предназначенные для королевского стола.

Жизнь бурлила, и Нэй вдруг почувствовал себя лишним. В самом деле... он носил звание личного телохранителя королевы. Все остальное отныне зависело только от него. Но казалось почему-то таким неважным.

Жизнь летела в тартарары. И Нэй испугался. Неожиданно мечты исполнились, но каким образом!

И он лихорадочно стал одеваться.

Рубашка, штаны, повседневный мундир застегну на все пуговицы. Кивер — в руку, его он наденет позже, когда подойдет к главному корпусу Дворца. Взглянув в зеркало, лейтенант вышел из комнаты.

У дверей его ждал лейб-гвардеец рангом ниже:

— Господин лейтенант, вам запрещено покидать комнату до утра.

— Я под арестом?

Солдат промолчал, но взгляда не отвел. Пререкаться с ним смысла не было.

Вернувшись к себе, Нэй набрал номер, который отец велел использовать только в исключительных случаях. Два гудка, и трубку сбросили.

— Не хочешь говорить?

Телефон полетел в стену, словно это он бы виноват во всех неурядицах. А Нэй открыл окно.

Узкий карниз, а чуть в стороне — плети декоративного винограда. Спуститься по ним труда не составило. Одернув форму, Нэй направился к главному зданию Дворца.

Зашел как и положено — с черного хода. Тихо пискнул контролер, считав штрих-код с пропуска. Турникет повернулся, открывая проход. Нэй не стал ждать лифт, взлетел на третий этаж по лестнице.

Перед кабинетом, как и всегда, застыли гвардейцы.

— Королева?... — не закончил вопрос Нэй.

— У себя, — ответил младший по званию.

Спальня Её Величества оставалась для лейтенанта неприступной. Но он туда и не рвался. Уселся на стул возле личных покоев и принялся ждать утра.

— Лейтенант Нэй Байю? — тихий голос вывел из задумчивости. Нэй обернулся. За спиной, протягивая трубку радиотелефона, стоял офицер Службы Безопасности.

— Какого черта? — Канцлер даже не думал сдерживать крик. — Тебе ясно сказали — сидеть в своей комнате и не высовываться!

— Но...

— Заткнись и слушай! Немедленно езжай домой, машину я уже выслал. Утром поговорим!

Приняв замолчавший телефон, офицер указал рукой на лифт:

— Прошу сюда. И пожалуйста, без фокусов.

Автомобиль ждал у входа. Сопровождающий открыл Нэю заднюю дверь и сам устроился рядом:

— Приказ господина Канцлера, проводить вас до самого дома.

Нэй вздохнул. Отец опять затеял какую-то игру. Но какую? И на чьей стороне оставаться ему, личному телохранителю королевы? Сыновний долг требовал одного, а вот присяга...

Мама не спала. Выскочила на крыльцо встретить. Шаль, наброшенная на плечи сбилась и Нэй едва успел ей подхватить.

— Пойдем в дом. Холодно.

— Ты поссорился с отцом?

Полный тревоги взгляд резанул по сердцу.

— Нет. Просто нам надо поговорить, вот и все.

Она не поверила, просто повернулась и повела сына в дом.

— Сейчас я приготовлю чего-нибудь. Хочешь банановых блинчиков в кокосовом соусе?

— Я не ребенок, мам, — Нэй подошел сзади, обнял и зарылся лицом в волосы. Пахло детством. — И банановые блинчики...

Она не послушала и вскоре по кухне поплыл сладковатый запах. Нэй сидел на высоком стуле у бара и его подмывало поболтать ногами, как когда-то, когда они еще не доставали до пола.

Прямо перед ним оказался стакан с молоком и тарелка блинчиков с его любимой сливочной подливкой. И все заботы показались такими далекими, а тревоги — пустыми. И только волнение за королеву не позволяло полностью погрузиться в обман.

Иллюзию оборвал приход отца.

— За мной!

Нэй отодвинул тарелку и направился следом. Тревожный взгляд матери ощущался всей спиной.

Пощечина была полновесной. Щека вспыхнула и зубы заломило. Но Нэй промолчал.

— Что ты творишь, щенок? Тебе что сказали делать?

— Я — личный телохранитель Её Величества. Ты сам меня назначил на эту должность.

— Как назначу, так и сниму! — Канцлер кинул в стакан лед и плеснул туда виски. Совсем немного, на пару глотков. — ты что, не понимаешь, что нужен живой и здоровый? Много от тебя току будет, от уставшего?

— Я отдохнул!

— Отдохнул он! Нэй, пойми, мне некому больше доверять. Королеве нужен отдых, и не во Дворце. Штат телохранителей при этом исключается полностью. Угадай, кто должен ехать с ней на остров?

Нэй опустил голову. Отец говорил чистую правду: перед таким заданием следовало быть отдохнувшим. Он сам гонял курсантов, если они не использовали все выделенное для сна время.

— Я не знал.

— Я тебе пока и не надо было. Это секретная информация. Значит так. Сейчас доедаешь, чего там мать приготовила, и идешь спать. Завтра утром едешь во Дворец вместе со мной. У королевы пресс-конференция, будь готов стоять перед фотокамерами и

заслонить её, если что-то пойдет не так. А потом... там будет видно. Ну, чего встал? Иди, — Канцлер одним глотком выпил виски, смешанное с растаявшим льдом и перебрался за стол. — Мать не напугай.

— Пап, — задержался Нэй.

— Чего еще? — голос отца был неприветлив.

— Ты бы тоже отдохнул? Не выдержишь ведь.

— На том свете отдохну. Ступай же! Ты мешаешь.

Нэй тихо прикрыл за собой дверь.

Мама ждала на кухне. Перед ней стояла чашка с недопитым молоком.

— Жалко, остыли, — Нэй отправил в рот недоеденный им же блинчик.

— Подогрею? — подхватила мама.

— Не надо, и так вкусные. Я съем все!

И они долго делали вид, что все хорошо.

Подниматься пришлось до рассвета. Отец так и не ложился — глаза казались запавшими, да и выглядел он плохо. Но Нэй не сказал ни слова. Позавтракал с родителями, облачился в парадный мундир и занял место рядом с Канцлером в машине.

Королева уже была готова к выходу. Бежевый костюм, жабо блузки украшала старинная камея в форме розы. Волосы подняты в высокую, но спокойную прическу — никаких локонов или заколок. В ушах покачивались жемчужные сережки-капельки.

По мнению Нэя этот образ сильно старил юную королеву, добавляя ей лет десять. Но его не спрашивали. И телохранитель моча занял свое место на полшага позади правительницы. Канцлер встал с другой стороны.

Дверь в большой конференц-зал распахнулась. Вспышки фотокамер на мгновение ослепили, но Адель тут же взяла себя в руки и твердо прошла к своему месту. Секретарь тут же положил перед ней папку с вопросами, которые предположительно, должны были задавать журналисты.

Но все пошло не по плану.

Первый же вопрос оказался не о плотине или здоровье, а о том, кто убил предыдущего короля и наследника.

Нэй видел, как сжались пальцы на краю бежевой юбки. Но в следующее мгновение они же легко захлопнули папку. Голос Адель звучал ровно и достаточно громко, чтобы слышали все:

— Расследование еще ведется. Надеюсь, вы поймете меня и не будете требовать выдать тайны следствия.

Если кто еще и желал узнать что-то о взрывах, после такого ответа не посмел настаивать.

Зато посыпались вопросы и о плотине, и о здоровье самой королевы. Она отвеала быстро и четко. Нет, Цурану ничего не угрожает, а сама она здорова. Обморок же был вызван вполне обычной причиной: Адель решила в тот день обойтись без завтрака, боясь, что погода станет не летной. А в вертолете просто не успела перекусить, понадеялась, что поест в городе, во время делового обеда с администрацией.

Диктофоны послушно записывали каждое слово. Клавиши ноутбуков слились в сплошное стрекотание, планшеты работали беззвучно. Кто-то верил, кто-то нет, но ответы королевы следовало как можно скорее доставить в редакции. Телохранители обводили взглядами озабоченные лица журналистов, секретари строго следили за регламентом. И

очередной вопрос прозвучал вместе с зуммером, возвещающим об окончании пресс-конференции.

— А почему вы отказались от помощи Гура Семини? По некоторым сведениям, он предлагал неплохую сумму для помощи пострадавшим. Это могло бы снизить расходы налогоплательщиков...

— Уходите, — шепнул Канцлер, — время вышло, вы можете спокойно покинуть зал.

Адель чувствовала, как Нэй взялся за спинку её стула, готовясь отодвинуть и помочь встать. Вместо этого девушка глубоко вздохнула и одарила спрашивающего ослепительной улыбкой:

— А ваши информаторы сообщили о встречных требованиях этого господина? Но я все равно отвечаю: я не торгую своей страной и своим народом. Благодарю за внимание!

Вот теперь она могла спокойно уйти. Шла, выпрямив спину и вздернув подбородок, но пальцы, держащие крохотный клатч, побелели от напряжения.

Коридор, выстланный красной дорожкой. Зеркала в золоченых рамах отразили бледное, но улыбающееся лицо. Адель кивнула не допущенным на пресс-конференцию журналистам и чуть сдержала шаг, позволяя им фотографировать. Но едва добралась до жилой части Дворца, ноги подкосились и она замерла, опираясь на стену. Но тут же взяла себя в руки: даже здесь её окружали люди. Горничные, лакеи, телохранители, секретари... Следовало держать лицо.

И только в кабинете, куда кроме неё были допущены телохранитель и Канцлер, позволила себе расслабиться.

— Позвать врача? Лейтенант...

— Не надо! — остановила Канцлера королева и нажала кнопку коммуникатора. — Пожалуйста, чаю, на двоих. С ромашкой.

— Наверное, мне лучше кофе...

— Господин Байю, не стоит. Вы много трудились эти дни и вам тоже стоит отдохнуть.

— Обязательно. Итак, через три часа подадут вертолет и вы отправитесь на остров.

— Нет! — в голосе королевы звучала ярость, гнев, боль и...страх, — Лучше я еще раз пройду эту пытку бессонницей...

— Ваше Величество! Следите за словами, прошу вас. Иначе...

— Знаю. Но, господин Канцлер, на Остров я не поеду.

— Понимаю.

Адель прикрыла глаза. В памяти еще живы были те, уже такие далекие события. Покушение. Убитый ею преступник. Ужас и боль... и одиночество. Тот кошмар обернулся реальностью — она и вправду осталась одна.

— А как насчет гор?

— Домик над водохранилищем? — Адель задумалась. — Я была там один или два раза. С мамой... Да, пусть будет тот домик. Тишина, покой и уединение.

— Ну, вы понимаете, что совсем одну я вас не отпущу? Нэй будет рядом. А в отеле неподалеку разместятся остальные телохранители. Под видом обыкновенных туристов, разумеется.

— Хорошо. Я могу собираться?

— Конечно. Но ваш отъезд придется перенести на пару часов — дом надо привести в надлежащий вид. Нет, там полный порядок, но холодильники наполнить, проверить камин и газопровод, воду опять же...

—.. и прочесать округу на наличие непонятных личностей.

— ... по поводу предполагаемых преступников, Ваше Величество. Поэтому не торопитесь. И, если позволите, я позаимствую вашего телохранителя на несколько минут.

Адель кивнула. Канцлер поманил сына и вышел. На столе остался остывать ромашковый чай.

— Собирайся. Королева сейчас будет отдыхать после пресс-конференции, так что у тебя есть время. Не бери ничего лишнего, и без официоза: она отдыхать едет. Поэтому — что-то спортивное.

— И оружие.

— И оружие, — серьезно кивнул Канцлер сыну. — Нэй, надеюсь, тебе не нужно объяснять, что там, в горах, только ты будешь между королевой и опасностью? Только ты, один. На остальных надежда плохая, да они могут и не успеть.

Нэй кивнул. Это он понимал лучше, чем кто-либо.

— Значит, так. Список необходимого передашь моему курьеру. На бумаге, никаких электронных писем. Дом оснащен всем необходимым, включая спутниковый телефон. Видеокамеры там тоже есть, королева о них знает. Следи, чтобы не поснимала, она может. Гуляйте, отдыхайте, занимайтесь спортом, купайтесь... Но не забывай о деле! Я понимаю, что десять дней — это немало, но ты должен выдержать.

— Я справлюсь, отец!

— Я в тебя верю, сын.

И Канцлер пошел прочь. Нэй смотрел на его гордо расправленные плечи и вдруг понял: отцу нелегко. Последние несколько дней подкосили этого железного человека. А, отпуская королеву так далеко от Службы Безопасности, из тщательно охраняемого Дворца он рискует всем, и это тоже ему аукнется... И все-таки он держался. Держался так, что ни друг, ни враг не могли заметить тревоги. Разве что сын... или жена. Нэй подумал о матери. И его озарило: а ведь ей пришлось ничуть не легче, чем отцу. Вечно занятый муж, которому нужна опора. Сын, очертя голову кинувшийся в военную авантюру... Эта тихая, спокойная женщина несла на своих плечах груз не меньший, чем второй человек в королевстве.

Но предаваться воспоминаниям было некогда. Следовало собраться, отправить перечень нужного оружия и возвращаться к королеве. В конце-концов, именно она — залог процветания этой страны. А значит — и матери Нэя. Потому что чем стабильнее обстановка, тем спокойнее канцлер. И тем меньше волнуется матушка.

Успокоив себя такими мыслями, Нэй кинулся в общежитие. Где-то в глубине души он признавал, что это — лишь самообман. Что желание защитить королеву, быть с ней рядом имеет другую подоплеку, к присяге и государству отношения не имеющую... Но так казалось проще. И легче. По крайней мере та тоска, что охватывала лейтенанта, стоило ему отойти от правительницы, получила объяснение. Простое, и логичное. То, что требовалось солдату, чтобы больше не задавать вопросов.

17

Вертолет доставил королеву и её телохранителя на небольшой частный аэродром. На краю площадки ждал внедорожник. Ключи от него вручили Нэю вместе с банковской карточкой. Счет на его имя открыли еще утром.

— Прощу, — Нэй открыл заднюю дверь автомобиля, приглашая королеву занять место за водителем.

Вместо этого Адель устроилась рядом.

— Ваше Величество, это самое опасное место! Авария, или снайпер, или...

— Я знаю, — девушка невозмутимо пристегнулась. — Ты все это рассказывал в Академии. Но знаешь, видимо, хорош ты только как теоретик.

— Ваше Ве...

— Легенду валишь, Нэй. Мы кто? Пара на отдыхе. Вот и веди себя... соответственно. Не «ты» и по имени. Его-то не забыл?

Нэй опешил. Сейчас рядом с ним в машине находилась не королева. Кана Хань воскресла, вернув всю свою язвительность и любовь к подколам.

А вот сам он действительно сплоховал.

Легенду разработали быстро. Влюбленная пара решила провести отпуск наедине друг с другом, на природе. Молодые люди часто так делали, и подозрений они не вызывали. Единственное, Нэю с десятков раз напомнили, что это не исключает необходимость держать себя в руках. Никаких вольностей! И наедине они по-прежнему должны оставаться королевой и её лейб-гвардейцем.

— Тут никого нет, кроме нас.

— И все же... будь поаккуратнее... Нэй Байю.

Серая лента серпантина с белыми отбойниками привела их к небольшому деревянному дому. Там еще трудились сотрудники Службы Безопасности.

— Мы уже заканчиваем, — доложил королеве старший группы. — Простите, не успели...

— Ничего страшного, — кивнула Адель и вышла во дворик.

Стационарный мангал, костровище и садовые качели под навесом. Все, что необходимо для спокойного отдыха.

Ротанговое кресло чуть скрипнуло, когда девушка в него опустилась.

— Может, чаю? Ромашкового? — поинтересовался Нэй.

— Спасибо. Но лучше... кофею И не сейчас, а когда все уедут. Умеешь варить?

Нэй хотел отрапортовать по уставу, но неожиданно просто кивнул. И отошел — его позвали для последнего инструктажа. Рядом с королевой остался другой телохранитель. Затянутый в черный костюм, он внимательно поглядывал по сторонам, выдавая себя с головой.

Когда все наконец уехали, Адель уже спала. Там же в кресле, обхватив себя за плечи, ежась от прохладного воздуха, что спускался с гор. Нэй принес плед и укутал королеву. Она тут же расслабилась и повернулась поудобнее.

Вокруг поднимались склоны, поросшие травой и деревьями. Скальные выходы разбивали зелень черным и серым, а многочисленные ручьи казались тончайшей шелковой вышивкой. Серебрясь на солнце, они бежали к водохранилищу.

Огромное, полноводное, оно располагалось далеко внизу, и бездонная синева воды притягивала взгляд. Казалось, что среди этого великолепия и гимна силам природы нет места слабому человеку, и во всем мире есть только двое: он, и она...

Нэй протер глаза, заставляя себя отвлечься от созерцания окружающего пейзажа. Его сюда не отдыхать прислали, и эта мечтательность могла дорого обойтись. Убедившись, что вокруг спокойно, Нэй уселся в кресло напротив Адель и тоже укрылся пледом. Под шерстяной тканью его рука сжала пистолет. Второй спрятался за ремнем джинсов, а ножны на ноге крепко удерживали на щиколотке нож.

Королева проспала не долго. Открыла глаза, улыбнулась:

— Не замерз?

— Никак... не замерз... Адель.

— Тссс... — она прижала к губам указательный палец с аккуратным ногтем. У Кары никогда не было таких ухоженных рук, подумал Нэй и замолчал.

— Ты забыл? Меня зовут Кара. Кара Хань.

Нэй выругался про себя. Так по-дилетантски вести себя он просто не мог! И все же... вел.

— Прости... Есть хочешь? Я приготовлю.

— Хочу, — улыбнулась девушка. — Но готовить буду я. А ты свари кофе.

В доме она провела ревизию холодильника.

— Нэй, ты острое любишь?

Из рук своей королевы Нэй готов был и яд принять, не то, что приготовленную ей еду.

— Люблю. Я всеяден. Но Кара, может, лучше я?

Мысль, что правительнице страны придется что-то делать, была странной, и доставляла беспокойство, как камешек в ботинке.

— Ты приготовишь в следующий раз! А сегодня... как насчет буррито?

— Согласен! И все же я хочу помочь!

— Договорились. Тогда почисти лук и очисти томаты от кожицы!

С первым Нэй справился быстро. Но он никак не мог понять, зачем снимать кожу с помидоров. А главное — как это сделать. Кара, глядя на его мучения, пришла на помощь: окатила красные плоды кипятком и быстро очистила.

— Вот так. Нарезать сможешь?

Сама она занялась мясом. Оно тушилось в глубокой сковороде и, на взгляд Нэя, было хорошо уже само по себе. Но Каре так не казалось.

В сковородку отправились лук, сладкий перец и помидоры. Помешивая аппетитно пахнущую массу деревянной лопаточкой, Кара попросила:

— Фасоль открой. Да, красную. И слей жидкость. Давай, вытряхивай сюда. — И поинтересовалась: — Точно острое любишь?

— Точно! — отступить было поздно. Нэй с интересом смотрел, как в сковороду полетели раздавленные зубчики чеснока, соль и ядовито-острый чили. От одного его цвета тало жарко, а уж представлять, какой пожар вспыхнет на языке...

— Сыр потрешь?

Желтоватая стружка мягко сыпалась на тонкую лепешку. Кара не жалела ингредиентов, щедро выкладывая начинку.

— Готово!

На блюде лежало с десяток средних по величине роллов.

— Вино?

Нэй спохватился — уже давно нужно было достать бутылку, но...

— Ты говорила, что не пьешь с подчиненными?

— Да? — искренне удивилась Кара. — Не помню. К тому же ты — не мой подчиненный. Так что вот, — она выставила на стол два бокала.

Нэй принял правила игры. Красное вино смочило стеклянные стенки и потекли вниз плотными струйками.

Буррито оказались по-настоящему острыми. Кара запивала их вином, то и дело

подставляя Нэю бокал. Тот послушно наполнял, но сам едва пригубил терпкий напиток.

— Ты не пьешь? Что, в самом деле?

— Мне нельзя.

— Можно! — девушка выплеснула из бокала Нэя прозрачную смесь из воды и вина и до краев долила из бутылки. — Пей! Ты мне должен! Еще с Академии...

Нэй вздохнул. Королева уже захмелела, стала излишне разговорчивой. И очень требовательной.

— Что, брезгуешь? Не пьешь с подчиненными, лейтенант Нэй Байю? Это правильно. Только... я уже не в Академии, и ты не мой командир! — Речь лилась непрерывным потоком, так что невозможно было и слова вставить. — Что, разочарован? Что же, видно, судьба у меня такая — всех разочаровывать. Мать. Отца. Брата. А теперь и тебя...

— Хватит! — Нэй потянулся забрать у Кары бокал, но она увернулась. От резкого движения вино выплеснулось из бокала на блузку.

— Ну вот... — девушка схватила салфетки, пытаясь промокнуть пятно, — Теперь стирать придется. Это ты виноват! Эй! На что смотришь?

Нэй сглотнул и с трудом отвел взгляд от Кары. Мокрая ткань облепила тело, и сквозь неё просвечивали тончайшие завитки кружева. Королева носила красивое белье.

— Подглядываешь? Ай-ай-ай! — она погрозила лейтенанту пальцем.

Он попытался убрать бутылку:

— Завтра тебе будет стыдно.

— Мне? — девушка рассмеялась и тут же согласилась. — Будет! Мне будет стыдно. И тебе будет стыдно. И им — тоже будет стыдно.

Тонкий палец указал на потолок. Там, в углу, среди панелей притаилась камера видеонаблюдения. И, воспользовавшись тем, что Нэй отвлекся, выхватила у него бутылку.

Она глотала прямо из горлышка и смотрела, как меняется выражение его лица. Недоумение. Гнев. Обреченность. Терпение.

Нэй прав — завтра ей будет очень стыдно. Но... это будет завтра. А пока... Пока ей надо забыться.

Выражение глаз мужчины снова поменялось. Алкоголь замедлил реакцию и Кара не успела — бутылка оказалась в руках Нэя.

— Отдай!

— Нет. Сейчас ты закусишь и отправишься баиньки. Ну?

Перед губами оказалось буррито. Кара послушно откусила и задохнулась. Из глаз полились слезы.

— Вот.

Чистая вода. Он предлагал ей чистую воду! Но... наверное, надо послушаться. Это лучшее, что она может сейчас сделать. И Кара припала к высокому стакану.

И все-таки алкоголь помог. Камень, долгие дни лежащий на сердце стал легче... он превратился в серый воздушный шарик и улетел куда-то прочь... А вместе с ним — и решимость.

Из Кары словно стержень вынули. Она обмякла, съежилась в кресле. Нэй перепугался:

— Ваше... Кара, что...

Она не плакала. Она рыдала в голос, и слезы лились между пальцами. Хриплый крик, больше похожий на вой, вырывался из открытого рта, и не хватало дыхания... Сквозь пелену слез, как в плохом кино она видела Нэя, как он мечется, не зная, что делать. Но испуг на его

лице совершенно не трогал.

— Уйди! Не смотри! — все, что могла сказать...

Вместо этого телохранитель быстро закрыл глазок камеры. И вернулся.

— Что произошло? Чем помочь? Я не знаю... Я правда — не знаю. Простите...

Боль. Тягучая, вязкая, с кучей гвоздей и битого стекла в мутной жиже. Она не хотела уходить, цеплялась сотнями ложноножек, колола, резала саму душу... Но слезы оказались сильнее. Они разбавили её, сделали текучей, мягкой... и выплеснули из глаз.

Она так и заснула, свернувшись клубочком и не почувствовала, как Нэй тихо перенес её в спальню. Раздевать не посмел, так и уложил в одежде. И сам устроился у дверей, снаружи.

Он перетащил в коридор удобное кресло и принес вино. Теперь можно было. Чуть-чуть. Пару глотков.

Мужчина улыбнулся, глядя на горлышко, провел по нему пальцем, принялся. Казалось, за запахом выдержанного вина еще ощущается аромат помады. Тонки, едва заметный.

Следов на горлышке не осталось, но он все равно пригубил. Ему хотелось думать, что королева прикасалась именно к этому месту...

— Дурак ты, лейтенант. Она — королева. Ну что ты можешь ей дать?

Еще один глоток. И бутылка отправилась в шкаф, под замок. Он заберет её с собой, и постарается растянуть вино надолго. Если пить по глоточку, в самые тяжелые моменты жизни, все получится.

Утро выдалось тяжелым. Не столько из-за похмелья, сколько из-за слез. Глаза опухли и не открывались, хотелось зарыться в одеяло и спать долго-долго, желательно — вечно. Но привычка к дисциплине сработала безотказно.

Контрастный душ почти привел в норму. По крайней мере, мыли больше не текли, как воды застоявшегося, заиленного пруда. И в памяти всплыли вчерашние события.

Как и предупреждал Нэй, стало стыдно. Кара слово за словом перебирала вчерашний разговор и радовалась, что не вышла за рамки. И все-таки... Ей не следовало пить. Совсем. Не приведи Небо, запись попадет в не те руки!

И первый же взгляд, когда Кара вышла в зал, был на камеру.

— Добрый день. Выспалась?

— Добрый... ой, а время сколько?

— Полдень скоро. Да не волнуйся так! — лейтенант рассмеялся и перенес стол к окну. Легко вскочив на него, снял с камеры заслон.

— Спасибо! — выдохнула девушка.

— Не за что. Кому-то надо стоять на страже добродетели...

Впервые Кара не нашла слов. Ни язвительных, ни благодарности. Стояла, ловя ртом воздух.

— Обедать или завтракать?

— Не хочу! Только кофе.

— Кофе на голодный желудок вредно! — возмутился Нэй и повернулся к плите. — Яичница подойдет? С беконом?

— С хлебом! — остановила его Кара. — И соевым соусом вместо соли.

Нэй кивнул и достал сковородку.

Завтракали во дворе. Кара задумчиво жевала, глядя на окружающее великолепие.

— Красиво, да?

Девушка медленно перевела взгляд на собеседника:

— Нэй... что-то случилось?

— Что? Почему ты... Ничего.

— Ты суетишься и много говоришь. Так странно. Я сделала что-то нехорошее? — она чуть наклонила голову и прикрыла глаза, пытаясь вспомнить. — И вообще, что я вчера делала?

— Не помнишь? — Нэй видимо расслабился. — Ужин готовила. Надо сказать, потрясающе вкусный!

— Ты про буррито? Тогда почему я его в ведре видела? Ладно, дальше...

— Мы пили вино...

— Вернее я пила. Ты на воду налегал. Много я выпила?

— С полбутылки.

Кара нахмурилась. Полбутылки хорошего вина за вечер, под острую еду...

— Точно? Не больше?

— Я не вру.

— Тогда с чего меня развезло? — Кара отодвинула опустевшую тарелку и встала.

От калитки открывался поразительный взгляд на водохранилище. И даже серый штрих плотины казался частью скалы.

— Надо узнать, все ли там в порядке. Принеси телефон.

— Никак нет. Нельзя. Вам запрещено заниматься делами.

— «Запрещено», — легкая усмешка искривила губы. Нэй едва сдержался, чтобы не провести по ним пальцем, так захотелось почувствовать их влажную упругость. — «Запрещено». Знаешь, лейтенант, если бы я так не доверяла Канцлеру, то подумала бы, что он планирует захват власти, а твоя задача — держать меня вдали от событий.

— Ваше величество!

Кара развернулась резко, словно услышала что-то нехорошее:

— Лейтенант, не смей называть меня так даже наедине. Иначе... влетит нам обоим.

И она снова повернулась к водохранилищу.

— Тогда может, прогуляемся?

— А давай!

Тропинки вели по зеленым склонам, ныряя между каменных россыпей, уводя в глубь елового леса. Кара шла быстро, опираясь на палку. Рюкзак за плечами казался невесомым, хотя она несла в нем запас воды, обед и аптечку.

Но через несколько километров она выдохлась. Остановилась, оперевшись ладонями о колени, выдохнула несколько раз...

— Да, потеряла форму.

— Нагонишь, — Нэй улыбался во весь рот. — Хочешь, устрою филиал Академии?

Кара задумалась. Физическая нагрузка хорошо выбивает из головы всякую дурь. Да и вообще — все выбивает, кроме мечты добраться до постели. И кивнула:

— А давай! Все лучше, чем от безделья мучится!

— Тогда — вперед!

Бегать в кроссовках и спортивном костюме оказалось куда удобнее, чем в ботинках и форме. Но к вечеру Кара уже не чувствовала разницы: ноги гудели, мышцы дрожали, хотелось только поскорее добраться до дома.

Но и там Нэй отправил её в бассейн:

— Вода снимет напряжение. Не сдавай кросс, просто плавай. Отдыхай. Лежи на поверхности.

Это было блаженством.

Вода ласкала тело, словно опытный массажист. Над головой повисло безоблачное небо. Солнце уже клонилось к закату, но его лучи еще грели землю и золотили стволы деревьев.

— Простынешь! — Нэй прервал идиллию.

Он стоял на бортике, протягивая махровый халат. На ажурном столике уже дожидался какой-то коктейль.

— Пей. Тебе это сейчас нужно.

— Что там? — Кара осторожно понюхала.

— Пей! Тебе силы восстановить надо. Что хочешь на ужин?

— Кофе! Или ромашковый чай.

Нэй ухмыльнулся:

— Иди в дом, переоденься.

Кара настороженно огляделась: судя по виду лейтенанта, её пожелания не учитывались. Впрочем, как и прежде, в Академии.

— Есть, командир, — шутливо отсалютовала она и отправилась выполнять приказ.

Иногда на дорожках они встречали других отдыхающих или туристов. Заподозрить в девушке, которой всю командуёт её парень королеву было невозможно. Но кара все равно каждый раз надевала кепку с большим козырьком и темные очки.

— Если вывалиться в грязи — точно не узнают! — подшучивал Нэй, но при этом строго следил, что подопечная не выходила на улицу без своей маскировки. Сам он тоже ей не пренебрегал: фото личного телохранителя королевы разошлись по сети, и лишняя огласка была ни к чему.

Сама Кара, бегая по пересеченной местности, устраивая заплывы в бассейне, преодолевая различные препятствия в виде каменистых склонов или поваленных деревьев не могла отделаться от ожидания чего-то нехорошего. И, когда в очередной раз Нэй, накормив её ужином, отправил спать, взбунтовалась:

— Я должна знать, что происходит! Надо позвонить канцлеру!

— Звонок тут же отслежат и тебе придется возвращаться во Дворец. Весь отпуск полетит коту под хвост. А тебе надо как следует отдохнуть!

— Но я не могу...

— Можешь! Это твоя прямая обязанность — быть здоровой. Смотри, — Нэй указал на плотину. — Вода отступила, ремонт идет полным ходом. Значит, королева делает все правильно. Не думай о плохом!

— Не буду, — Кара признала его правоту.

Но полностью успокоиться так и не смогла.

— Что ты делаешь? — Нэй с любопытством следил, как Кара методично обходит двор. — Что-то ищешь?

— Обзор. Мне нужен красивый вид. Хочу помедитировать. И не предлагай смотреть на водохранилище! Оно меня только растревожит!

Нэй отступил, подняв руки, словно сдаваясь. Только принес плед, чтобы Кара не сидела на голой земле.

Солнце клонилось к закату. Сосны тянули к небу ветки, и оно обнимало их в ответ:

зелень хвои и красноватая кора приобрели благородный золотистый оттенок.

Глубокие тени прорезали склоны, обозначая четкую границу между днем и ночью. Верхушки скал выглядывали из темноты, ловя последние солнечные лучи и их верхушки казались почти белыми. Вдали, по склонам, еще не тронутым тьмой, торопились домой отары, белые облачка на изумрудном небе травы. А еще дальше готовились ко сну виноградники.

Покой и умиротворение. И кара чувствовала, как природа щедро делится с ней благодатью, и принимала с благодарностью... но где-то глубоко-глубоко в душе осталось крохотное пятнышко тревоги. Как клякса несмываемыми чернилами.

Отрепившись от реальности, девушка погрузилась в медитацию. Плыла с ветром, танцевала вместе с ручьями, вовлекая в пляску камни, перегораживающие русло то тут, то там... Парила вместе с орлами, ловя последние солнечные лучи... И искала причину беспокойствия.

Она нашлась. Глубокой тенью залегла в ущелье, и Кара ринулась в него, как птица, сложившая крылья.

Чувство вины. Перед отцом, которому не стала опорой. Перед матерью, которую не уберегла. И перед братом. За то, что выжила. За то, что заняла его место. За то, что... любит?

Последняя мысль не стала открытием. В самые сложные минуты Каре казалось, что Нэй рядом. Разговаривает, поддерживает, даже советует. И постоянно хотелось видеть его, слышать голос... Пусть и издалека. Но... вместе они быть не могут. По крайней мере до той поры, пока не будет найден убийца. Потому что избавиться от грязи в душе можно только одним способом: найти и наказать. Не отомстить, месть недостойна королевского рода. Наказать преступление. Позволить справедливости вернуться на свое законное место. А пока... пока Кара будет вести себя, как полагается: думать только о стране. Это она должна им: отцу и брату.

Но отказаться от любви, даже загнать её в самые глубины сознания оказалось непросто. Во Дворце её окружали люди, сотни вопросов требовали пристального внимания... Здесь же, в этом горном домике Кара и Нэй оказались один-на-один. И некому было сдержать, отвлечь, помочь...

И Кара сорвалась. С каждым днем раздражение увеличивалось, она срывалась на Нэе, а тот сжимал зубы и терпел, не понимая, что случилось. И чем сильнее оказывались придирке, тем чаще ему приходилось напоминать себе, что находиться рядом с королевой, охранять её — священный долг, к удовольствию не имеющий никакого отношения. И все же каждое резкое слово попадало в цель и после них кровоточила сама душа.

Через неделю необъявленной войны Нэй решил, что причиной такого поведения королевы — он сам. Он мешает, делает что-то не так, неправильно. А тому, кто не справляется со своими обязанностями, лучше уйти. Так он считал всегда и не видел смысла менять свои убеждения. Единственное, что удержало лейтенанта от немедленного рапорта — отпуск королевы. Пока прибудет новый телохранитель, пока королева привыкнет... придет время возвращаться домой. И он решил подать рапорт, как только окажется во Дворце.

Возвращение прошло буднично. Вертолет, частная машина... словно и не уезжала никуда.

В автомобиле оба молчали, стараясь как можно скорее осознать, что игра закончилась. Теперь они — только королева и телохранитель.

Едва за ними закрылись ворота, телефон Нэя завибрировал, докладывая о сообщении.

— Ваше величество, мне приказано явиться в кабинет Канцлера.

— Иди, — Адель даже головы не повернула.

Саму её Канцлер навестил уже после ужина, когда она расположилась в кабинете, разбирая корреспонденцию. Бумаги оказались в порядке — секретариат свое дело знал.

— Как отдохнули?

— Неплохо, — Адель почти не соврала. Она выпалась, вдоволь нагулялась, даже получила удовольствие от ежедневных выматывающих занятий. А о сомнениях Канцлеру знать было не нужно.

— Я рад это слышать.

— Должна вас поблагодарить, — королева отложила все дела и жестом пригласила гостя пересесть со стула в кресло. — Вы прекрасно справились! Хотя, о чем это я — по сравнению с моим ваш опыт просто колоссален! Так что удивляться нечему. Мне очень повезло, что вы рядом, господин Байю.

— Вы очень щедры на похвалы, ваше величество, но...

— Они заслуженны! И у меня к вам просьба.

Канцлер подобрался. Сын сегодня уже преподнес ему сюрприз. Теперь вот королева...

— Слушаю, ваше величество.

— Можно мне сменить телохранителя?

От невинного тона у Канцлера мурашки по спине пробежали.

— Ваше величество, позвольте узнать, что произошло на самом деле? Мой собственный сын, едва увидев меня, тут же подал рапорт об отставке, — перед Адель лег лист бумаги, покрытый ровным почерком. — И теперь вы... Я должен знать, что натворил Нэй!

— Ничего! — Адель смотрела прямо в глаза, и не возможно было поаянть, говорит ли она правду, или использует навыки дипломатии. — Ваш сын безупречен в роли телохранителя. Считайте это причудой взбалмошной девчонки.

— Простите, ваше величество, но вы — не девчонка. Вы ничего не делаете просто так. Могу я узнать реальную причину?

— Нет! Скажу только одно: лейтенант Нэй Байю здесь ни причем. Это... личное.

— В таком случае я вынужден отказать вам, ваше величество, при всем уважении. В стране критическая ситуация, вам это известно не хуже, чем мне. И в этом положении я могу доверять только собственному сыну. Прошу прощения, но вам придется смириться. И потерпеть какое-то время его присутствие.

— Вот как? А что... сам лейтенант Байю? Ему вы тоже отказали?

— Откажу. Сначала я должен был узнать от вас, что послужило причиной его выверта.

— Вы суровый родитель.

Канцлер склонил голову. На его лице не было ни намек на улыбку:

— Нэй — сын Канцлера. Может, кому-то и кажется, что он родился с серебряной ложкой во рту, но на самом деле все не так просто. Кому много дается, с того и спрашивается — по максимуму.

— Я... поняла. Благодарю за урок. А теперь... мне тяжело вот так сразу включиться в работу. Можно я отложу дела до завтра?

— Как вам будет угодно, — вставая, канцлер подхватил рапорт сына и аккуратно

спрятал обратно в папку.

— Не уничтожите?

— И не подумаю! Нэй своеволен. Эта бумага может послужить отличным поводом!

Королева улыбнулась. Она только что получила еще один бесценный урок политической игры.

Жизнь очень быстро вернулась в старое русло. Траур закончился, и королева начала появляться на общественных мероприятиях: концертах, национальных праздниках, юбилеях значимых людей... И все это время её оберегал молчаливый лейб-гвардеец.

Они почти не общались, сведя разговоры к необходимому минимуму. Утреннее приветствие, несколько слов «по работе», пожелания спокойной ночи... Так было легче обоим, и Канцлер затаился, радуясь хрупкому перемирию.

Нэй переехал в сам дворец, в личные покои. Ему выделили комнату и лакея — у телохранителя едва хватало времени, чтобы переодеться. Разлучался он с королевой только ночью, но при этом их связывал невидимый сигнал радиотелефона и жучки, поставленные в спальне с ведома правительницы.

Каждое утро, еще до официального пробуждения Дворца, лакей приносил Нэю завтрак, а секретарь отца — запечатанный конверт с расписание королевы. Ознакомившись, телохранитель сжигал листок в специальной пепельнице и начинал собираться. К моменту пробуждения Адель он уже ждал её у входа в личные покои.

Сегодня королеву ожидал благотворительный концерт. А после него — фуршет. Собранные деньги Фонд планировал направить на реабилитацию детей, больных аутизмом. Появление Адель придавало мероприятию очень высокий статус и отменить его посещение она не могла. Для заговорщиков или террористов открывалась лазейка.

— Если они и ударят, то именно там. Не спускай с королевы глаз, не отходи ни на шаг! — начальник Службы Безопасности повторял это раз в двадцатый, а Нэй только слушал, стоя навтыяжку.

Охрана с ног сбилась. Проверяли концертный зал, зал для приемов, кухни, гримерки, подсобные помещения. Срочно заменяли неработающие камеры, устанавливали систему слежения и рамки металлоискателей. И все равно оставался риск пропустить убийцу. В этом случае Нэй становился последним рубежом. И он был готов ко всему, даже умереть. Умереть за свою королеву.

Концерт прошел без эксцессов. Королева с другими почетными гостями расположилась в первом ряду. Нэй занял место слева от неё, в удобном кресле, хотя знал — посмотреть выступления ведущих артистов страны и зарубежья не получится.

Так и вышло. В наушнике, едва заметном, под цвет кожи, слышались голоса остальных телохранителей. Они что-то проверяли, кого-то «брали в работу». Жизнь Службы Безопасности кипела своим, особым манером, и совершенно не зависела от остального. На сцене голосила певица, подтанцовка то кружилась в классическом вальсе, то каталась по полу в какой-то непонятной Нэю современной манера. В такие моменты он настораживался: слишком близко от них оказывалась королева. Одно движение руки... Главное — успеть заслонить.

Труднее всего было, когда освещение резко менялось. Рамп гасли, и по сцене метались разноцветные лучи... и в темноте могло произойти все, что угодно. Но Нэй не подавал виду, его расслабленная поза могла обмануть кого угодно. Но только не Адель.

Она смотрела на окружающее глазами телохранителя. Понимала опасность, старалась

просчитать, откуда прилетит пуля или остро заточенный нож. Без рукояти, хорошо сбалансированный, из голубоватой стали...

Но мужчина рядом заставлял мысли сбиваться и течь в совершенно другом направлении.

Он сидел в соседнем кресле, спокойный, поглощенный концертом. Но протяни руку — и вместо расслабленных мышц почувствуешь сжатую пружину, готовую распрямиться. Лишь для того, чтобы закрыть от опасности её, Адель...

«Нет. Королеву!». Горькую усмешку девушка скрыла за улыбкой и аплодисментами — очередной певец раскланивался, принимая восторг слушателей. Букеты на подобных мероприятиях не предусматривались: считалось, что эти деньги лучше потратить на благотворительный взнос. Аккуратные ящички для приема чеков стояли тут же, у входа. И точно такие же ждали гостей в приемном зале, куда все проследовали после концерта.

Адель протянула руку, затянутую в тонкую перчатку. Её пальцы не светились от бриллиантов, единственным кольцом, которое она надела, была фамильная печатка, слишком массивная для юной девушки.

Зато драгоценности сверкали в других украшениях: диадеме, удерживающих высокую прическу, в сережках, сверкающими водопадами стекающих до самых плеч, слегка прикрытых горностаевой горжеткой. На самой горжетке — они усыпали шарики, к которым привешивались меховые кисти.

На взгляд Нэя, бриллианты не подходили юной девушке. Шелковые цветы, жемчуг и платина — вот что должно было украшать сегодня Адель. Но он понимал, что двигало её и её стилистами.

Время казаться наивной прошло. Присутствующие должны были увидеть правительницу, сильную, гордую... И это черное платье со шлейфом, и диадема, напоминающая корону, и горностаевый мех призваны были помочь справиться с заданной ролью. И королева справлялась.

Секретарь вложил в руку правительницы запечатанный конверт без адреса. Адель лично опустила его в ящичек для пожертвования. Конверты, лежащие рядом на столике, тут же заинтересовали других приглашенных: они вкладывали в них свои чеки. Кто-то прятал написанные от руки цифры, кто-то напротив, старался, чтобы окружающие как бы невзначай заметили цифры со множеством нулей...

Королева улыбалась всем. И в первую очередь — организаторам этого мероприятия.

Женщина в бежевом платье, призванном омолодить цвет лица, подвела к Адель одного из гостей:

— Ваше величество, позвольте представить вам самого нашего щедрого жертвователя. Господин Бевер Семини, бизнесмен.

Молодой мужчина склонился над протянутой рукой. Поцелуй получился непринужденный, судя по всему — привычный. Адель же уточнила, не переставая вежливо улыбаться:

— А господин Тур Семини... — она не закончила фразу, вопросительно подняв бровь.

— Мой отец, ваше величество, — тут же подхватил новый знакомый.

Бевер Семини действительно пожертвовал Центру огромную сумму, почти состояние. И королева была обязана уделить ему несколько минут. Чего бы ей это ни стоило.

Королева продолжала улыбаться. Только щеки онемели, и мышцы спины стали деревянными. Но Адель изо всех сил надеялась, что этого никто не заметит. Особенно —

застывший за спиной телохранитель.

Но он заметил. И связал отца и сына. И с этого момента господин Семини-младший удостоился его пристального внимания. Но Нэй даже в душе не посмел признать истинную причину своих тревог.

— Шампанского? — Бевер задержал проходящего мимо официанта и подал королеве бокал. Та приняла угощение, но, к радости Нэя, не попыталась даже пригубить. Поддержала в руках какое-то время и поставила обратно на поднос. Официант как раз вовремя проходил мимо. Нэй скользнул по нему взглядом и отвернулся — именно он подал сигнал, и Служба Безопасности отправила проверенного человека.

— Мороженое? Говорят, его заказали в ресторане «От Шефа». А там оно лучшее, прошу поверить...

Бевер старался быть галантным кавалером. Поддерживать разговор, не затрагивая бизнес или политику. И королева была ему благодарна. Как и Нэю — она видела, как снующий по залу юноша с подносом изменил траекторию и направился к ним, так что господина Семини не оставалось выбора — креманку с воздушным белым облаком, политым конфитюром, пришлось брать у него. А Нэй чуть расслабился: именно эти порции проверяли с особым тщанием, и задачей телохранителя было сделать так, чтобы все, предлагаемое королеве бралось только у определенных официантов. И Адель изо всех сил старалась облегчить ему эту работу.

Вот и теперь: мороженое съела с удовольствием, а от фруктов отказалась:

— Благодарю, мне достаточно.

На лице кавалера отразилось такое разочарование, что Адель едва не поддалась, но одного взгляда на Нэя хватило, чтобы прийти в себя. Сам телохранитель оставался спокойным, но взгляд... в нем смешался и гнев, и настороженность, и тревога... Девушка вдруг поняла: Семини-младший очень отличается от своего отца. Настолько, что об их родстве можно забыть, несмотря на фамильное сходство. Темные волосы, серые глаза... Только у отца — водянистые омуты, а у сына — цвета благородной стали. Широки плечи. Сын еще не приобрел той грузности, что отмечалась в отце, но главное — поведение.

Семини-младший не давил, не пытался торговаться. Просто старался быть приятным собеседником, но, едва к королеве подвели следующих благотворителей, деликатно раскланялся. Адель поймала себя на том, что то и дело выискивает его затянутую в смокинг гибкую фигуру. Нет, Бевер не был ни излишне женственным, ни худощав. Высокий, широкий в плечах он, тем не менее, обладал кошачьей грацией. Адель даже пожалела, что формат приема не предусматривает танцы. Танго, конечно, отметалось, а вот благопристойный вальс... Бевер просто обязан был быть великолепным танцором!

Как давно она не танцевала! В последний раз это было на дне рождения прабабушки. Он уехали из резиденции на три дня, и даже отец был все это время с ними. И Кост... Он был нарасхват: с ним хотели потанцевать и жена, и сестра, но он отдавал предпочтение матери... Пока не взбунтовался отец.

Воспоминания отрезвили. Адель в поймала себя на том, что снова выискивает в толпе Бевера и повернулась к секретарю:

— Соблюдены все приличия? Мы может уехать?

— Еще с полчаса, ваше величество, — покачал головой главный помощник.

Адель вздохнула и с тоской посмотрела на телохранителя. И поняла по взгляду, что мыслят они одинаково.

— Ну, полчаса, так полчаса. Но не минутой больше!

Но в реальности казалось, прошло гораздо больше. И даже в машине с затемненными окнами Адель не посмела выйти из образа. Она изо всех сил гнала от себя мысли о новом знакомом, не желая признать, что он затронул в глубине души какие-то струны... Однако, привычка доверять своей интуиции заставила задуматься. И королева велела секретарю:

— Мне нужна вся подноготная этого Бевера Семени. И его отца тоже. Все! Родословная, чем владеют, до последнего гвоздя, сколько любовниц поменяли... или любовников... И какой любимый типаж.

Нэя передернуло, но секретарь невозмутимо ответил:

— Сколько у меня есть времени?

— Вчера, — отрезала Адель.

Секретарь невозмутимо кивнул. Так выражался её отец, когда дело требовало предельной спешки. И новая королева все больше становилась на него похожа. Такая же жадная до работы... и местами безрассудная.

— Ваше величество, — решился заговорить и Нэй, — Служба Безопасности тоже его проверяет!

— Твоя инициатива? — ни капли обиды или возмущения в голосе, простая констатация факта. — Молодец. Результаты — тоже мне на стол.

— Но... зачем вам это? — Нэй проигнорировал предупреждающий взгляд секретаря и продолжал спрашивать. Королева не обратила на нарушение субординации никакого внимания:

— После провала отца он, тем не менее, осмелился явиться на прием и даже рискнул мне представиться. Лейтенант, думаете, он потратил целое состояние на Центр из-за доброго сердца? Вот не верю! Такие акулы, как Семини, сердца не имеют. Им что-то нужно. Ну, или сын играет втайне от отца, но это вряд ли, в таких семьях сыновья бунтуют открыто. Так что нам остается выяснить, чего добивается эта семья... и использовать их слабые места на благо своей страны. Лейтенант, налейте мне, пожалуйста, сока!

Машина катилась по гладкой трассе. Водителя отделало от салона плотная перегородка. Сквозь затемненные окна почти не пробивался свет, и атмосфера сложилась почти интимная. Её портил только секретарь, расположившийся напротив королевы. Он и выполнил её просьбу, к великой досаде Нэя:

— Прошу прощения, но я к холодильнику ближе!

— Благодарю, — Адель залпом осушила запотевший стакан.

— Осторожнее! Простудитесь!

— Прошу прощения пить очень хотелось, — виновато улыбнулась королева и повернулась к секретарю:

— Итак, вернемся к семейству Семини...

Она искренне верила, что раз за разом возвращаясь в мыслях к Беверу, делает это исключительно ради дела.

19

Едва переодевшись, королева закрылась в кабинете. Нэй устроился в уголке, в привычном кресле — Адель не любила, когда он маячил возле двери. А так у неё создавалась иллюзия уединения и можно было работать, ни на что не отвлекаясь.

Но сегодня голова отказывалась работать. Перед глазами то и дело вставал образ нового

знакомого. Нахмурившись, Адель отложила текущие документы и открыла ноутбук.

Сеть услужливо выдала несколько страниц заголовков. Бевер Семини оказался очень популярен, и даже имел свою армию фанатов.

Единственный сын, наследник огромной Империи, которую его отец создал буквально из ничего, получил лучшее образование. И, едва закончив его, тут же включился в работу.

Гур Семини оказался суровым отцом: и старшая дочь, и сын обязаны были начинать свою карьеру с самых низов. Продвижение по иерархической лестнице проходило только в случае успеха на текущей должности. Бевер успел поработать и лифтером, и курьером, который доставляет покупки по адресу, и вообще, был мальчиком на побегушках.

И теперь он руководил несколькими крупными торговыми центрами и считался очень завидным женихом. Личное состояние Бевера Семини исчислялось огромным количеством нулей, и недостатка в невестах не наблюдалось.

И при этом...

— Господин лейтенант, — позвала Адель.

Нэй подскочил:

— Да, ваше величество.

— Вы лучше меня разбираетесь в людях, пожалуйста, скажите свое мнение, — Адель протянула Нэю распечатку.

Едва увидев, кого она касается, лейтенант изучил текст самым тщательным образом.

— Итак? — королева ждала ответа. — вам ничего странным не показалось?

— Тут много чего... странного. Но то, что бросается в глаза — никакой информации о невесте. В его возрасте наследники таких компаний уже или женаты, или несколько лет как помолвлены. Здесь же... тишина.

— Еще? — королеве явно что-то не давало покоя. Нэй заколебался:

— Прошу прощения, ваше величество. Но из песни слов не выкинешь. Взрослый мужчина, состоятельный... и без любовницы. Будь он женат, это можно было бы списать на счастливый брак. Но он холост. Самое странное, что нет даже слухов... Но если вам нужно мнение профессионала, обратитесь в Службу Безопасности. Они составят профиль.

— Уже. Обратилась. Но мне было интересно и ваше мнение, господин лейтенант. Благодарю вас.

Королева повернулась к экрану, обозначая, что разговор закончен. Нэй снова устроился в кресле. А Адель углубилась в сетевой серфинг.

Несколько часов поиска не принесли ничего нового. Адель с тоской взглянула на часы — бесценное время оказалось потрачено впустую.

— Да что же ты так привязался-то? — пробормотала она, глядя на фотографию улыбающегося Бевера Семини. — Должна же быть хоть какая-то причина?

Девушка и в самом деле не понимала, почему образ молодого мужчины буквально преследует её: заставляет улетучиваться все мысли, мешает работать. А стоило закрыть глаза, и он появлялся, словно в реальности: гибкий, галантный, интересный...

Несмотря на позднее время королева нажала на кнопку коммутатора:

— Я просила данные по Беверу Семини. Сделали?

— Мы нашли почти все, что есть в открытом доступе. Сейчас идет обработка...

— Несите то, что есть. И наемните Службе Безопасности, что я с нетерпением жду результатов их работы.

— Да, ваше величество.

Через пару минут раздался тихий стук в дверь и в кабинет вошел личный секретарь королевы.

— Ваше величество, вот информация. Она пока не полная...

— Послушайте, — перебила помощника Адель, — а почему вы стучите? Это же не личные покои, и не спальня... Это кабинет, я здесь всего лишь работаю.

— Ваше величество тоже человек. Вы можете устать, отвлечься... Я не могу позволить себе прервать ваш отдых. Тем более, что его у вас почти и не бывает.

— Я ценю вашу деликатность, но все же прошу больше так не делать, по крайней мере тогда когда вы точно знаете, что я не отдыхаю. Не заставляйте меня чувствовать неловкость: пугаюсь каждый раз так, словно меня за чем-то предосудительным застали.

Секретарь слегка поклонился.

— И еще, ваше величество. Начальник службы безопасности просил освободить для него с полчаса...

— Когда? — часы показывали почти полночь.

— Сказал, к часу он будет у вас. Ваше величество, это не в моей компетенции, но мне кажется, это слишком поздно. У вас завтра с утра посещение новой выставки и...

— Я дождусь.

Секретарь умолк. Замок закрываемой двери едва слышно щелкнул.

— Он прав, ваше величество. Вам отдохнуть надо, а то снова нервный срыв получите...

— Некогда отдыхать. Лейтенант, — она попустила обязательное «господин», и Нэй насторожился, — Вы думаете, меня стали бы тревожить в такую пору простым профайлом? Нет, здесь что-то посерьезнее.

Нэй кивнул. Начальник Службы Безопасности просто напросто потребовал, чтобы королева дождалась доклада. Это могло быть или в случае очень важных известий, или...

— Ваше Величество, немедленно покиньте кабинет!

Ножки стула закрипели по паркету — Адель действовала быстро. Она не задала ни одного вопроса, только закрыла важнейшие документы в сейф и упаковала ноутбук в сумку. Её ремень королева перекинула через плечо, свято соблюдая правило: руки телохранителя должны быть свободны.

Но Нэй отобрал ношу:

— Нельзя вызывать подозрений. А для секретариата придумайте благовидный предлог... чтобы погуляли часа полтора.

Королева кивнула и вышла в предусмотрительно распахнутую телохранителем дверь:

— Господа! Нам всем пришлось нелегко эти дни. Я хочу поблагодарить вас всех за хорошую работу, за то, что не оставили меня без помощи... Вот, — на стол легла платиновая карта одного из лучших ресторанов, маленького, но очень популярного в определенных кругах. — повеселитесь сегодня. Думаю. Если позвоните от моего имени, у них найдется зарезервированный столик!

— Ваше величество, а вы?

— А я, к сожалению, не смогу составить вам компанию. У мбенья всего час, чтобы поужинать и немного отдохнуть перед очередной встречей.

— Я могу вам понадобиться! Я останусь, ваше величество!

— Прошу, не лишайте себя дополнительного выходного! Вы и так сильно задержались. Отдыхайте. Ничего не случится, если один раз я обойдусь без вашей помощи!

Королева улыбалась и упрашивала с таким жаром, что даже бывалые работники

секретариата умилились. Отказать не посмел ни один. Портьера в коридоре послужила хорошим укрытием для королевы и телохранителя.

Убрав важные дела в сейфы и поставив на компьютеры новые пароли, как предписывали правила, секретари в полном составе покинули помещение. Весело переговариваясь, они пошли по коридору и вошли в лифт. Но ни Нэй, ни Адель не шевелились еще минут десять. И только убедившись, что никто не вернулся, королева повернулась к своему гвардейцу:

— А теперь потрудитесь объясниться!

— Благодарю, что не стали задавать вопросы сразу, ваше величество, — козырнул лейтенант, — Но прошу вас потерпеть еще немного!

— Куда мы идем? — Адель послушно миновала лифт и вышла на лестницу.

Этим путем пользовался только обслуживающий персонал, но и тот предпочитал пользоваться специальным лифтом, так что передвижение королевы зафиксировали лишь камеры.

— К Начальнику Службы Безопасности. О! — Нэй поморщился от громкого звука в наушнике, — ему тоже интересно, что происходит.

Камера бесстрастно вывела изображение на экран: девушка, спокойно ждущая у лестницы сигнала спускаться. И Лейб-гвардеец. Казалось, он смотрит прямо в глаза сидящим перед мониторами. Помедлив, Нэй прижал палец к губам, призывая к тишине.

— Следите за каждым их шагом! — начальник Службы Безопасности направился к двери, — Выведите все на мой монитор. И проследите, чтобы на пути Её Величества никто не встретился!

— Куда они...

— А вот это — не ваше дело! — отрезал командир и дверь громко хлопнула, нарушая привычную тишину.

Лейб-гвардейцы, удостоенные чести служить в Службе Безопасности, притихли: их начальник редко позволял себе на людях проявлять хоть какие-то эмоции. Ходили слухи, что он и не человек вовсе, так бесстрастно он держался в любых, самых сложных ситуациях. И вдруг — дверь...

И теперь их командир спешил по коридорам навстречу королеве, что в неурочный час решила нанести ему визит. Камеры запечатлевали каждый их шаг, каждый миг встречи, но операторы уже получили приказ: стирать все!

— Ваше величество, что случилось?

В кабинете начальника Службы Безопасности не было ни подслушивающих, ни подглядывающих устройств, поэтому он с чисто совестью привел туда Адель.

— Я бы тоже хотела это знать.

Взгляды устремились на лейтенанта. Тот стоял навтыжку, как и положено гвардейцу, сопровождающему августейшую особу.

— Вольно. Так что случилось?

— Простите, я не решился связываться с вами по общему каналу, — Нэй вытащил наушник и отключил рацию. — Позвольте узнать, что же случилось, что вы просили королеву об аудиенции в неурочный час?

— Я? Когда?

Адель нахмурилась.

— Как вы догадались, лейтенант?

— Я слишком хорошо знаю начальника вашей Службы Безопасности. Он или примчался бы без доклада или не стал бы вас тревожить вовсе. Не так ли?

— Верно. Но кто сказал...

— Личный секретарь её величества.

Оба разговаривали так, словно находились в кабинете одни. Адель кусала губу, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не вмешаться — доклад лейтенанта требовал полного внимания.

К ресторану отправился наблюдатель. А кабинет королевы подвергся тщательному обыску.

— Чертовщина какая-то... — переговаривались гвардейцы. — В самом дворце, да еще в кабинете... Его же постоянно проверяют!

Но нашли не только подслушивающие устройства. Маленькая камера, установленная в любимой настольной лампе королевы снимала не посетителей, а документы, которые клали на стол. Адель прикинула:

— Он всегда клал раскрытую папку вот сюда, — она очертила край стола.

— Как раз, чтобы хорошенько все рассмотреть. А...

— Бред! — королева схватилась за голову. — Он же еще отцу моему служил!

— А вот это наводит на подозрения... Прошу прощения, ваше величество!

Начальник службы безопасности отошел в сторону. Его приказы услышал лишь тот, кому они отдавались. Задав пару уточняющих вопросов, гвардеец исчез.

Но ему на смену ту же примчался другой. Рев начальника заставил его подчиненных замереть на месте. А королева с интересом прислушалась: таких оборотов она даже в казармах не слышала. Но стоило ему подойти, сделала вид, что ничего не слышала.

— Ваше величество, простите. Мы упустили вашего секретаря. Он вышел покурить, даже личные вещи на столе оставил... Когда хватились, его уже и след простыл.

— Это только подтверждает его вину. Признаюсь, мне было не по себе подозревать давнего соратника отца.

— Простите... — начальник Службы Безопасности не смел в глаза своей королеве смотреть.

Но она лишь пожала плечами:

— Все мы допускаем ошибки. Наша задача сделать так, чтобы они не имели фатальных последствий.

Оживление за дверью кабинета заставило её сделать паузу. Нэй, быстро разобравшись в ситуации, повернулся к Адель:

— Ваше величество, вам лучше выйти. Здесь опасно.

— Что там?

— Похоже на взрывное устройство.

Она больше не задавала вопросов и послушно вышла из дворца. Не прошло и получаса, как в здании остались только саперы.

— Быстро, — оценила Адель скорость эвакуации.

— Все отработано до мелочей, ваше величество. Но должен признаться: если бы не лейтенант... Думаете, стоит представить к награде?

Нэй сделал вид, что разговор идет не о нем.

— Действуйте по инструкции, — уклонилась от ответа королева.

Бомбу обезвредили прямо в кабинете и к утру о происшествии напоминали только валяющиеся с ног от усталости люди да тихие пересуды по углам. Со всех взяли подписку о

неразглашении, и суета в королевском дворце прошла незамеченной.

20

Королеве удалось подремать часа два. Стук в дверь она восприняла как личное оскорбление. Но сдержалась: все во дворце подчинялось строгому распорядку.

— Ваше величество, пора вставать.

Девушка распахнула занавески, впустив в комнату солнечный свет. Он показался не выпавшейся Адель издевательством, но тратить силы на возмущение она не стала.

— Я приготовлю ванну, — горничная подала кофе и вафли.

— Не надо, — аромат утреннего напитка ненадолго вернула королеву к жизни. — Я приму душ.

Ледяная вода взбодрила.

К моменту возвращения в спальню там уже накрыли завтрак. Яичница из трех яиц с беконом и соевым соусом вместо соли, салат из пекинской капусты с бальзамическим уксусом, йогурт с креманке и большой стакан вишневого сока. Кофейник и молочник стояли в сторонке, на специальном чайном столике.

Бессонная ночь и опасность не лишили Адель аппетита. Напротив, она чувствовала жуткий голод. Но, приступив к еде, вдруг поняла: чего-то не хватает!

Словно в ответ на беспокойство, раздался стук в дверь. Вошел Нэй:

— Ваше величество, позвольте представить: Руже Март. Ваш новый личный секретарь.

Адель даже вилку отложила. Она поняла, чего именно не хватало! Именно во время завтрака личный секретарь зачитывал распорядок дня, указывал на важнейшие события, встречи, телефонные разговоры...

На миг забыв о корректности, королева воспользовалась своим положением и в упор рассмотрела человека, которому придется стать её второй рукой и продолжением мысли на ближайшие годы.

Невысокий. Коренастый. Пока ему удавалось выигрывать сражение с собственным весом, но со временем он рисковал обзавестись животиком.

Круглое лицо, румяные, как у ребенка щеки... И такая же неуклюжесть. Только у ребенка она выглядела умилительно, но у взрослого человека производила гнетущее впечатление.

Но Адель не позволила первому впечатлению испортить дальнейшую совместную работу. Конкурс на место её секретаря был велик, и пройти его мог или настоящий профессионал, или протеже высокопоставленного чиновника. Но при отсутствии умений это ему мало бы помогло.

Поклонившись, Руже Март зачитал распорядок. Королева заслушалась: голос совершенно не соответствовал внешности. Красивый, бархатный. Если закрыть глаза... Адель заставила себя сосредоточиться на смысле сказанного.

После бессонной ночи это оказалось нелегко. И Адель решила не вникать во все подряд, а просто делать одно за другим, по мере возникновения дел. А за остальное пусть отвечает Руже Март. Заодно и докажет свою профпригодность.

Открытие выставки в модной арт-галерее «Три звезды» пропустить было невозможно, как и все, связанное с благотворительностью. Мадам Алори умудрилась заполучить на очередную экспозицию известного художника. Чтобы полюбоваться на его картины, на выставку съезжались ценители высокого искусства. И мадам Алори всю пользовалась

этим, чтобы представить искусственной публике творения молодых, но даровитых художников. Она славилась умением находить алмазы, которые при определенной огранке становились истинными бриллиантами, и «Три Звезды» дали путевку в жизнь многим мастерам.

Кроме того, вскоре намечался аукцион. На вырученные деньги мадам Алори планировала открыть художественный класс, который в её мечтах уже вырос в Академию.

Адель знала об этих планах и отказать этой женщине не могла.

Мадам в её жизни существовала всегда. Тоненькая, даже сухая, она словно не имла возраста: такой она была, когда её впервые представили юным принцу и принцессе. Адель тогда жалась к матери, а теперь подозревала, что на самом деле представляли их.

Под руководством этой женщины они с Костом делали первые шаги в мире искусств. Музыка, картины, скульптуры... Она знала наизусть все творения известных мастеров, и выезжая за границу и Адель, и Кост получали огромный список мест, обязательных к посещению. И горе им, если хоть одно оставалось без внимания!

Но после гибели родителей они виделись всего два раза. Первый — на официальном приеме, где мадам Алори принесла юной королеве свои соболезнования. А второй — несколько недель назад. Хозяйка галереи попросила содействия в организации сюрприза и Адель не смогла отказать.

Вспышки фотокамер вырвали девушку из дымки воспоминаний. Они пронзили затемненные стекла автомобиля, но когда королева вышла из темного нутра, просто ослепили. Адель надела уже привычную дежурную улыбку и помахала рукой и журналистам, и зевакам. А к ней навстречу, по синей с золотом дорожке уже спешила сама мадам Алори.

Легкий книксен, рукопожатие, несколько мгновений позирования на камеру, и женщины скрылись за высокими стеклянным дверями. Но от толпы это не спасло.

Людей внутри оказалось не многим меньше. Репортеры, обозреватели, критики, фотографы... В этой толпе, заботливо собранной хозяйкой галереи, не было ни одного случайного лица. Каждый присутствующий обязан был работать на «Три звезды». Включая королеву.

Она шла среди расступавшегося людского моря и чувствовала, как напряжен идущий следом Нэй. И внезапно подумала, что сама на его месте сошла бы с ума: обеспечить охрану объекта в таких условиях невероятно сложно. Почти невозможно. И в то же время Адель совершенно не волновалась. Она полностью доверяла своему телохранителю, и сама поражалась этому чувству.

Вход в главный зал галереи перегораживала золотая лента. Мадам Алори и тут осталась верной себе — рушила традиции даже в мелочах.

Рядом стоял сам художник. Возле него переминался с ноги на ногу мальчик в смокинге и бабочке. Ребенку едва исполнилось пять лет, и он еще не привык к таким мероприятием. Адель улыбнулась малышу. Мелькнула мысль, что вскоре он и сам будет открывать подобные выставки: наверняка юное дарование.

Художник церемонно поклонился и поцеловал протянутую руку королевы. Он держался спокойно, и только в голубых глазах плескалась тень волнения. Адель ободряюще кивнула: её саму все еще напрягали большие скопления людей. К счастью, на этом празднике жизни она была только антуражем — все общение с гостями и журналистами вязал на себе хозяйка галереи. Адель оставалось только стоять, улыбаться да время от времени кивать, соглашаясь с проникновенной речью. Её взгляд скользил по лицам, замечал знакомых и вдруг... Сердце ухнуло и пропустило удар. Ноги стали ватными: среди приглашенных был Семини-младший.

Он не сводил с королевы глаз, а заметив её внимание, поклонился.

Адель испугалась. Не Бевера — своей реакции на его присутствие.

— Ваше Величество? — шепот Нэя едва пробился сквозь барабанную дробь в ушах, но вернул в реальность.

— Все хорошо, — успокоила она телохранителя, удивляясь, как он почувствовал мимолетную слабость. И постаралась разобраться, что же произошло.

Опасности она не чувствовала. Но интуиция просто кричала, что этот человек необычайно важен, что судьба не просто так поставила его на пути Адель. Со всем этим следовало разобраться. И девушка решила делать то же, что и всегда: идти навстречу проблеме.

Но прежде следовало выдержать речь мадам Алори, перерезать ленточку, постоять рядом с художником перед фотоаппаратами, улыбаясь и стараясь не щуриться от ярких вспышек. А потом — шаг в сторону.

В освобожденный дверной проем хлынули желающие приобщиться к искусству. Королеву перестали замечать.

Адель это вполне устраивало. Она медленно шла вдоль экспозиции. Её догадка оказалась верна: среди полотен «звезды» затесались не менее талантливые работы неизвестных мастеров. И мадам Алори с удовольствием рассказывала о них публике.

— Ваше величество!

Она не удивилась, услышав мягкий голос.

— Добрый день.

Бевер Семини стоял чуть поодаль, не смея подойти — вид Нэя не предвещал ничего хорошего. И только получив одобрителный кивок от королевы, отступил.

— У вас прекрасный телохранитель! Один его вид внушает опасения!

— Ваша шутка неуместна, господин Семини, — настроение испортилось.

— О, простите, — тут же сник собеседник. — Вот всегда я так: сначала говорю, потом думаю.

— Ну, судя по всему, это вам не мешает! Один из самых завидных женихов мира...

Семини рассмеялся:

— Слухи и до вас докатились? Не буду лгать и претворяться: мне это действительно очень льстит. А что касается моей дурацкой привычки, — он понизил голос почти до шепота, — вы даже не представляете, сколько из-за этого сделок сорвалось! Иногда мне кажется, отец спит и видит, как бы мне язык укоротить!

И снова шутка на грани... Адель насторожилась, но заставила себя беззаботно рассмеяться:

— Даже так?

— О! Не принимайте всерьез! Отец на самом деле суровый человек, даже в чем-то деспотичен. Мы не всегда сходимся с ним во мнении... и тогда он грозит то лишить меня наследства, то вырезать язык, то выпороть... К счастью, словами все и ограничивается! О, — вдруг смутился Бевер. — Простите великодушно! Я опять забылся — вас не должны касаться наши семейные проблемы.

— Возможно, вы правы, — теперь уже шептала Адель, — поэтому открою и я один маленький секрет: я жутко любопытна и обожаю собирать сплетни!

Она даже не солгала. С малых лет она поняла: каким бы позорным не считалось для леди соби́рание сплетен и слухов, на самом деле они несли в себе массу полезного.

— О! Я тоже грешен! — рассмеялся Бевер. — Как-то нянька рассказала мне такую историю: один генерал, вернувшись домой, велел подавать обед. Денщик, ушлый мальш, накрывая на стол, по традиции рассказывал, о чем ботают на рынке. И между прочим заметил, что их часть завтра с утра выступает в поход. Генерал только посмеялся такой «осведомленности», ведь он только-только вернулся из штаба!

Но не прошло и часа, как примчался курьер. Прочитав сообщение, генерал велел денщику идти на рынок и выяснить, куда же их направляют.

— С тех пор я очень внимательно отношусь к слухам. Они могут как взнести на вершину, так и втоптать в грязь самую безупречную репутацию!

Адель оставалось только согласиться.

— Ваше величество!

За разговором она и не заметила, что пришло время сюрприза.

В центре зала установили красиво задрапированную бархатом раму. И принесли мягкий стул.

— Господа! Сегодня нам всем посчастливиться увидеть, как работает маэстро! А роль модели милостиво согласилась исполнить её величество!

Собравшиеся разразились аплодисментами. А Адель, гордо вскинув голову, прошествовала к стулу:

— Распоряжайтесь, Маэстро!

Художник отвесил низкий поклон:

— Сегодня мне оказана великая честь — писать портрет вашего величества. Дабы не отнимать драгоценного времени, я буду работать углем!

По знаку мастера внесли мольберт. Художник долго и придирчиво выбирал ракурс, следя за освещением. А потом закрепил на мольберте большой кусок картона. Золотистый цвет словно излучал тепло, и первые же линии наброска показали, как он подходит юной королеве.

Маэстро творил, не обращая внимания на восхищенные шепотки за спиной. Он погрузился в работу и его рука с зажатым угольным карандашом жила особой жизнью.

Жирные сплошные линии сменялись летящими штрихами, и на картоне, словно в замедленной съемке старой кинохроники проявлялся образ.

Трогательная девушка, мало напоминающая правительницу. Чуть испуганная, словно подросток, которого старила женская прическа, но несколько упавших на шею локонов сглаживали впечатление. Губы мягко улыбались, но в их уголках таилась решимость. И глаза смотрели прямо и смело.

Когда художник закончил и развернул портрет к королеве, та не смогла сдержать восхищенного вздоха. Мастер сумел увидеть не внешность, но саму душу, он словно читал её, как открытую книгу, простую и понятную.

На миг Адель забыла обо всем. Ей стало немного стыдно, словно теперь все знали её потаенные мысли и чувства. Но шквал оваций вернул её к жизни: окружающие видели только хорошо выполненный портрет.

— Вы в порядке? — во взгляде Нэя сквозила тревога.

Адель кивнула и присоединилась к чествованию мастера.

— Bravo, Маэстро! — Адель вздрогнула, услышав знакомый голос. — Ваше величество...

Она ответила кивком на легкий поклон Семини-младшего.

— Я счастлив увидеть вас снова!

— Мне тоже приятно! — Адель вдруг поняла, что это — чистая правда. Её на самом деле порадовало присутствие Бевера.

А он, не прерывая разговора, оттеснил королеву в сторону от толпы. Она заметила маневр, но не стала противиться — слишком приятным оказался собеседник.

— Вам понравился портрет?

— Он бесподобен! Но... увы, не передает и сотой доли очарования оригинала!

Адель лишь улыбнулась на комплимент, но глаз не опустила. И на закаменевшего Нэя не обратила никакого внимания.

— А как вам остальные работы? — королева и её собеседник влились в ряды любующихся картинами.

— Прекрасны. Но вот эта... — Бевер остановился напротив небольшой акварели, — греет душу куда сильнее.

Утро обнимало туманом пшеничное поле. Васильки и лен выглядывали из-за стройных рядом золотистых колосьев, словно стесняясь, что их застали в такой час. Солнце едва-едва осветило небо, не успев прогнать предрассветную прохладу, и пейзаж дышал чистотой и покоем.

— Вы любите деревню?

— Увы! Я слишком редко там бываю, чтобы успеть возненавидеть. А вы, ваше величество?

— В детстве я обожала бывать за городом, подальше от того, что называют цивилизацией. Знаете, я до сих пор помню сладковатый вкус колодезной воды, такой холодной, что от неё зубы ломило. И запах свежескошенной травы... А еще узнала, что стерня больно колет ноги, а коровы умеют бодаться, но дают очень вкусное парное молоко...

— Вашему величеству позволялось так много? — Бевер не притворялся, он на самом деле был потрясен.

— Я была младшей дочерью, хоть и принцессой, — рассмеялась Адель. — И не слишком слушала запреты. Это было легко, особенно, когда в союзниках был старший брат. Кост, он...

Адель осеклась. Она вдруг поняла, что совершенно спокойно говорит о брате с посторонним человеком. И это не причиняет боли!

— Говорят, его высочество был необыкновенным человеком, — тут же прервал ставшую тягостной паузу Семини-младший. — Я сожалею, что не был ему представлен. Взгляните!

Королева послушалась, благодарная за тактичность и смену тему.

Снова пейзаж. Снова пшеничное поле. Но в этот раз — никакого покоя.

Золото волновалось, колосья гнулись под ударами ветра, а над ними прорезали серо-сизое небо ослепительные змеи молний.

— Вы напоминаете мне это поле, ваше величество! — Семини-младший поклонился и отступил — так долго занимать внимание королевы было нельзя, он и так сильно нарушил приличия.

— И вправду — похожа?

Вопрос, обращенный в пустоту, Нэй принял на свой счет. Но не ответил. Почему-то не хотелось признавать правоту другого мужчины. Хотя именно этот пейзаж как никто другой отражал беспокойную, мятущуюся, и при этом невероятно сильную душу Адель ас Кармины,

главы правящего дома Риас, королевы Эллодии.

— Вам так понравился этот пейзаж, ваше величество? — мадам Алори не могла допустить, чтоб столь важная гостья оставалась в одиночестве. — Художник совсем молоде, ему всего семнадцать лет!

— Но он потрясающе талантлив! Он здесь? Я хочу купить картину!

— О нет, ваше величество, это невозможно!

Адель вздохнула:

— Я думала, что никогда не услышу этого слова от вас, мадам Алори.

— Увы, все когда-то происходит в первый раз. И все же... художника здесь нет, но думаю, он будет счастлив преподнести полотно в дар своей королеве.

— И все же я думаю, это несколько... неэтично! — нахмурилась Адель.

— Неэтично? — мадам понизила голос до столь тихого шепота, что даже Нэй не смог услышать ни слова. — Картина понравилась королеве. Настолько, что она захотела её купить. Держу пари — уже к вечеру этот юноша получит несколько очень выгодных заказов, а если поведет себя правильно... Вы же меня понимаете?

— Вполне! — Адель искренне рассмеялась. — Но обещайте, что вы представите мне своего протеже при первой же okazji!

Мадам Алори присела в чинном реверансе.

И тут же повернулась к гостям:

— Господа! У меня есть для вас еще один сюрприз!

В наступившей тишине стук алых шпилек хозяйки галереи казался оглушительным. Мадам Алори подошла к портрету королевы. Толпа, обступившая его плотным кольцом, расступилась, образуя широкий коридор.

— Все вы знаете, что послезавтра в галерее «Три звезды» проводится благотворительный аукцион! И этот портрет, — взгляды присутствующих устремились на картину — с любезного соглашения её величества будет выставлен на торги!

Адель чуть склонила голову, услышав овации. И направилась к выходу — время посещения галереи подошло к концу. Дома ждала привычная работа.

21

— Ваше величество, — ожил коммуникатор, — начальник Королевской Службы Безопасности просит аудиенции.

— Все хорошо, Руже, — ответила Адель, — пусть войдет. И... не надо так официально.

Нэй поднялся навстречу своему начальнику, но тот не обратил на него внимания. На стол королевы легла коричневая кожаная папка с серебряным тиснением. Адель открыла её и пробежала взглядом первую страницу.

— Можно коротко?

— Как скажете, ваше величество, — кивнул командир телохранителей.

В ходе исследования мины, установленной в вашем кабинете, было выявлено, что она той же серии, что и мины, используемые... — мужчина чуть запнулся, но стойко продолжил, — для уничтожения ваших родителей и брата.

— Продолжайте, — Адель слушала на первый взгляд равнодушно. Она откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза, чтобы не видеть окружающего и легче справляться с чувствами.

— Так же есть подозрение, что к гибели короля, его супруги и Наследника причастны

люди из Риллеса.

— Спецслужбы? — оживилась Адель.

— Пока не ясно. Но ниточки тянутся в ту сторону. Мы стараемся...

— Не торопитесь! — прервала начальника Службы Безопасности королева. — Пусть это займет больше времени, но вывод должен быть верным. Мы не имеем права ошибиться.

— Так точно! И еще, ваше величество. Вы просили данные на отца и сына Семини. Их профайлы тоже в папке.

— Благодарю, — Адель отпустила подчиненного и снова открыла папку.

Информацию о старшем Семини она быстро пролистала: ничего нового. Младшему же досталось куда больше внимания.

Как ни странно, доклад только подтвердил то, что раньше выдала сеть: ни невесты, ни тайной любовницы... Ни тем более — любовника. Из покровители — только отец, но, судя по всему, Бевер предпочитал сам справляться со всеми проблемами.

— Сильный, умный, богатый... Практически идеальный мужчина! — Адель захлопнула папку.

— Господин лейтенант!

— Да, ваше величество, — встал ей навстречу Нэй.

— Вы были рядом со мной в галерее. Что можете сказать о господине Семини? Он же вас насторожил, не так ли?

Нэй задумался. Адель не торопила, терпеливо дожидаясь, что скажет телохранитель. А он молчал.

— Если честно, он мне не понравился. Можете называть это интуицией или сумасшествием, но я не был спокоен ни минуту, пока он был рядом с вами.

Адель кивнула.

— Интуиция... И ничего конкретного.

Её собственные чувства кричали о том же. Семини-младший представлял опасность. Или... все-таки интерес?

Королева отложила еще раз внимательно вчиталась в текст распечатки. Служба безопасности хорошо потрудились не только над компроматом, но и над внутренним портретом. Уверен в себе, всегда добивается поставленных целей... Но, судя по всему, была какая-то психологическая травма — слишком странно Бевер вел себя в некоторых ситуациях. К счастью, ничего криминального или страшного, хороший специалист мог привести все в норму.

— Но почему он не обратился к врачу? Семейная тайна?

И Адель набрала номер начальника Службы Безопасности.

Но прежде, чем она изложила свою просьбу, её огорошили новостью: только что нашли тело её бывшего секретаря.

— Мои ребята уже там. Я и сам выдвигаюсь. Или у меня другая задача?

— Нет. Действуйте, как планировали. Я буду ждать результатов.

Адель положила телефон и наткнулась на плещущийся тревогой взгляд Нэя.

— Тело секретаря нашли. Надеюсь, виновного найдут... — Адель захлопнула папку и отодвинула её подальше. Её место занял листок с дневным расписанием.

— Господин лейтенант, у меня сегодня никаких встреч, я никуда не планирую выходить из личных покоев. Наверное, вы тоже можете отдохнуть.

— Никак нет, ваше величество!

Адель закусила нижнюю губу. Она не лгала — встреч на самом деле не было. Но и необходимости отсылать телохранителя — тоже. Но как объяснить, что одиночество сейчас необходимо ей, как воздух? Можно, конечно, выставить Нэя за дверь, но знание того, что он там, за деревянной перегородкой, и чтобы его увидеть, достаточно сделать пару шагов...

— Это приказ, господин лейтенант!

Даже Канцлер не смел оспорить прямых указаний королевы. Нэй козырнул и вышел из кабинета.

Едва щелкнул замок двери, Адель откинулась на спинку кресла. Сидеть было неудобно, она так и не сменила отцовскую мебель... да и не хотела.

Папка вернулась на середину стола. Девушка вытащила доклад по взрывчатке. Внимательно прочитала раз, другой... Несмотря на отсутствие Нэя сосредоточиться не получалось. И Адель сдалась.

Сад встретил кружевной тенью, падающей на красноватую плитку дорожек и запахом зелени. Ветерок старался выветрить любые мысли о работе.

— Не ходите за мной, — велела королева охране и не торопясь пошла вдоль самшитовой изгороди.

Движение всегда помогало думать. А сейчас ей следовало разобраться с собственными чувствами.

До сих пор она считала, что любит Нэя. Его голос вселял уверенность, она знала: пока он рядом, все будет в порядке. И до утреннего появления телохранителя была сама не своя.

Без его взглядом становилось холодно и одиноко. А когда он был рядом — хотелось прижаться, почувствовать его руки, его губы... Их четкий абрис сводил с ума, заставлял терять голову... Часто Адель держалась только на силе воли, и вечерние медитации становились все длиннее.

Но в последнее время мысли все чаще занимал другой мужчина.

Нельзя сказать, что Бевер Семини ворвался в её жизнь ураганом. Спокойный, уравновешенный, внимательный... он скорее напоминал ледник, что медленно, но неотвратно сползает по склону горы. Можно отойти в сторону, но остановить — не реально. Какое-то время Адель тешила себя иллюзиями, что это простой интерес к новому человеку, который может быть полезен стране. Но именно сейчас, прогуливаясь по саду она поняла: нет, Бевер привлекает её как мужчина. Красивый и умный мужчина. А Нэй... Нэй по-прежнему был жизненно необходим.

Королева решила, что сходит с ума. Такое поведение недопустимо даже для обычной девушки, а уж для правительницы... Кто знает, чем аукнется её влюбчивость, какая катастрофа ждёт страну? устроившись на скамейке, Адель начала препарировать новое чувство. Резала по живому, сгорая со стыда... и делала выводы.

Они оказались неутешительными. Она действительно влюбилась! И что делать с этим чувством, абсолютно не представляла! К тому же Семини-младший до сих пор внушал опасения: он так ничего и не попросил. Ни разу. Даже аудиенции. Он просто оставался внимательным кавалером, интересным собеседником, и не более.

Мелькнула мысль, что именно это и привлекло в новом знакомом. Мелькнула, и пропала.

Адель поднялась со скамейки, полная решимости действовать. Бевер или Нэй — там будет видно. А пока она обязана забыть обоих: разве можно думать о личном счастье королеве? Тем более, когда трава еще не покрыла полностью могилы погибших.

— Ваше Величество! Вот вы где! — по тропинке спешил Канцлер. — Разве можно быть такой беспечной! Почему вы отпустили охрану?

— Я устала, — со вздохом призналась Адель. — очень устала. Захотелось хоть на несколько минут почувствовать себя человеком, а не королевой.

— Простите, что помешал. Но дела не терпит отлагательств. Поэтому... возвращайтесь, ваше величество!

Адель закрыла глаза и медленно досчитала до десяти. Очень медленно, не задумываясь над тем, что подумает Канцлер. А он терпеливо ждал, глядя на бесшумно шевелящиеся губы.

— Я готова, — в карих глазах горел знакомый упрямый огонек.

— Не обязательно возвращаться в кабинет, — пошел на уступки Канцлер. — Вон та лавочка вполне подойдет для разговора! Вот, взгляните.

Адель внимательно изучила график. И обреченно вздохнула:

— Опять засуха? О небо, что я делаю не так! — она закрыла лицо руками. — Наверное, из меня на самом деле ужасный правитель, и члены Малого Совета...

— Не говорите глупости! Вы просто очень молоды!

— А еще у страны нет Наследника... Господин Канцлер, — он даже отпрянул, так порывисто обернулась к нему Адель, — я планирую выйти замуж!

— За... кого? — Канцлер не ожидал такой новости.

— Еще не знаю, — сникла королева. — Это слишком серьезное решение, чтобы пускать его на самотек. Я хотела попросить вас помочь подобрать кандидатов...

— Ваше величество, — Канцлер тщательно подбирал слова. — Ваше замужество на самом деле очень серьезный вопрос. Но боюсь, от меня помощь будет малоэффективна. Вы должны сами решить, кого хотите видеть рядом с собой на троне.

— Наверное, вы правы. Мне пора самой отвечать за свои решения. Как и принимать их. Благодарю за совет, господин Канцлер. Вы очень мне помогли. Не составите мне компанию за обедом?

Адель постаралась выкинуть из головы все мысли о мужчинах, сосредоточившись на делах. Но на следующий день Бевер Семини напомнил о себе самым неожиданным образом.

Новостные каналы, которые Адель просматривала за обедом, пестрили новостями об аукционе в галерее мадам Алори. Он прошел великолепно, но за обладание портретом королевы развернулось настоящее сражение. Цена росла с каждым лотом, суммы назывались запредельные...

— В итоге портрет Её Величества купил молодой бизнесмен, Бевер Семини. Но он тут же объявил, что оставляет портрет галерее, с условием, что он займет место в классе для обучения молодых художников, для открытия которого аукцион и проводился. Кроме того, господин Семини изъявил желание стать спонсором этого начинания.

На экране замелькали кадры интервью. Журналисты обступили Бевера Семини, едва он вышел из аукционного зала и закидывали вопросами.

— Так же, как и мадам Алори я мечтаю, чтобы класс вырос в полноценную школу...

Адель нажала кнопку. Экран погас. Девушка перевела взгляд с телевизора на картину: ветер хлестал золотую пшеницу. И нащупала коробочку телефона:

— Руже, будьте добры, найдите в моем расписании время для обеда с господином Семини-младшим. Постарайтесь устроить встречу как можно скорее!

— У вас завтра есть окно в расписании. Если угодно, я вышлю господину Семини приглашение.

— Спасибо.

Адель устала. Отчаяние заползло в грудь, холодными кольцами удава сжимая сердце. Она осталась одна, и, несмотря на все старания и усилия помощников, не справлялась со своими обязанностями.

Плотина. Засуха. И двое мужчин.

— Что еще уготовано бедной Эллодии? С такой королевой — ничего хорошего.

В этот раз вечерняя медитация заняла больше двух часов. Мысли не хотели успокаиваться, их закручивало, кидало из стороны в сторону, словно колосья пшеницы на картине. Все пришло в норму, когда Адель решила выяснить планы Семини. Она так и не поняла, чего он хочет. И это сводило с ума.

Ночь прошла беспокойно. Мучили кошмары. Адель видела, взрывы и знала — там, в объётом пламенем дворце — родители, брат и... Нэй. Она пыталась бежать, кричала... но ноги врастали в землю по колено, и из горла вырывался лишь сиплый крик. От усилий темнело в глазах и до тошноты кружилась голова, а над пожаром вставала багровая карта Северных территорий и чей-то смех заглушал треск горящего дерева.

Утро Адель встретила с облегчением. Горло болело, как будто она на самом деле сорвала его криком. Глаза опухли от слез и окружающее сливалось в большие цветные пятна — рассмотреть даже силуэты было невероятно сложно. Нэя она не увидела, но услышав его голос. Внезапно успокоилась: все-таки сон. Но страх вернулся с новой силой, ведь видения правителей зачастую оказывались вещими.

— Доброе утро, ваше величество!

Адель повернула голову. Перед ней маячил светлый силуэт. Придворный врач.

— Доброе.

— Позвольте вашу руку!

Он осматривал её тщательно. Щупал кожу, шею, слушал пульс и дыхание. А под конец взял кровь на анализ:

— Я бы сказал, что вы подхватили банальную простуду, но есть несколькостораживающих меня симптомов.

— Это опасно? Для окружающих?

— Уверен, что нет. Но вам придется немного полежать в постели.

Адель покачала головой:

— Невозможно! У меня сегодня важные встречи.

— Их невозможно отложить?

— Только встречу с господином Семини, — отрапортовал Руже Март.

Адель передернуло. Еще один день этого безумия она не выдержит. Сегодня ночью она поняла кое-что про себя, Нэя и Бевера. Следовало немедленно подтвердить догадки и привести все в порядок. Иначе...

— Нет! Сегодняшние встречи важны. Обе. Доктор, — повернула она лицо на голос врача, — поставьте меня на ноги. Хотя бы до вечера. А потом я улягусь в кровать и буду самой послушной пациенткой. Обещаю!

— Ваше величество, я, конечно, могу попробовать, но...

— Делайте. А там посмотрим!

провести все намеченные встречи.

Бевер Семини уже ждал. Он стоял у стены, рассматривая грозовой пейзаж. Но тут же обернулся на звук открываемых дверей и согнулся в поклоне:

— Ваше величество...

Адель протянула ему руку и пригласила к столу.

Белая скатерть. Хрустящие салфетки. Дворецкий в черном костюме, на фоне которого белая рубашка казалось ослепительной. Дождавшись знака, он наполнил минеральной водой стаканы и подал закуски.

Заливное из рыбы. Повар аккуратно уложил кусочки судака в форму, украсил розами из вареного белка и моркови и слегка оттенил лимон красной икрой. И форма, и цветовые сочетания были безупречны. Как и вкус.

Завязался ничего не значащий разговор. Обсуждение погоды перемежались легкими комплиментами королевскому повару и самой королеве. Гость ни разу не нарушил приличия, и даже не приблизился к границам.

А тем временем подали бульон. Золотистый. Ароматный, он казался таким красивым в белых фарфоровых чашках! От специй щипало губы, но это блюдо должно было пробудить аппетит. Адель очень надеялась, что не только его.

Но господин Семини ни словом не обмолвился о делах. В ответ на аккуратный вопрос честно поделился мечтами... но, как и прежде, с его губ не сорвалось ни одной просьбы.

В ожидании второго подали тарталетки с жареными говяжьими мозгами. Кремового цвета соус выгодно оттенял припущенные в масле овощи. Как на вид, так и на вкус.

— Потрясающий подбор продуктов! — восторгался Семини.

А Адель восторгалась им.

Она разобралась со своими чувствами еще на стадии закусок. Хватило пары взглядом на застывшего у дверей Нэя. И замершего в груди сердца, когда Адель честно спросила себя: а что будет, выйди она за Семени?

Бевер ей нравился. Она любовалась его движениями, красивым лицом, глазами... Ей импонировали его рассуждения, и некоторые их взгляды на окружающее абсолютно совпадали. Но... сердце продолжало биться ровно. Ни приятный голос, ни взгляды не заставляли его трепетать.

А значит, можно было успокоиться. Выяснить, наконец, что же хочет этот молодой человек с безупречными манерами. И постараться направить его энергию на пользу страны.

— Господин Семини...

— Да, ваше величество? — он даже отложил нож и вилку.

— Позвольте поблагодарить вас за все, что вы сделали для галереи «Три звезды». Мадам Алори на самом деле печется о молодых дарованиях...

— Мне это известно. И поверьте, вся моя помощь — от чистого сердца.

— позвольте не поверить, — Адель постаралась улыбкой смягчить суровость слов. — Слишком редко я встречаю среди людей вашего круга тех, кто готов сделать что-то... просто так.

Семини-младший не ответил. Он опустил взгляд, словно изучал темные полосы от жаровни на своем ростбифе, а потом вздохнул:

— Я понимаю. И подозреваю, что встреча с моим отцом только укрепила вас в этом мнении.

Адель не ответила. Но... Бевер не ошибся. Семини-страший произвел неприятное

впечатление, его тень накрывала и сына. Но ответила девушка совсем иначе:

— Я привыкла судить людей по их поступкам. И поверьте, очень рада встретить приятное исключение. Но давайте вернемся к вашим мечтам...

— Прошу прощения, ваше величество, — Бевер снова взял приборы и отрезал кусочек мяса, — только при условии, что вы поведаете мне и свои.

— Хорошо, — не поддержала Адель шутливую подачу. — Тогда спрошу напрямую: господин Семини, чего вы добиваетесь?

— Ничего. Ваше величество, поверьте — ничего! У меня есть все необходимое для жизни, и даже чуть-чуть больше.

— Но все же вы не отказались бы от постройки еще одного крупного торгового центра, не так ли?

Бевер снова стал серьезным:

— Ваше величество, если вам угодно говорить о делах...

— Увы, мне приходится. И, несмотря на все ваши заверения, я все же предполагаю, что моей поддержкой вам очень хочется заручиться. Или я не права?

— Правы. Кто же в своем уме откажется от покровительства самой королевы? Но... я пока не в праве о нем просить.

Адель кивнула, возвращаясь к обеду:

— Хорошо. Как почувствуете, что пора — сообщите. Я рассмотрю ваши предложения.

Больше за столом не прозвучало ни слова о делах. А по кое с коричневым печеньем болтали о пустяках. Как и всегда при встрече. Адель почувствовала, что очарована окончательно и больше не сможет решать вопросы, касающиеся Семини-младшего не предвзято. Это таило некоторую опасность, но королева решила оставить это «на потом». Сейчас у неё назрели куда более серьезные проблемы.

Засуха. На юге начало нарастать недовольство королевой, а с севера надвигалась еще одна напасть: из Риллеса прибыла делегация. На этот раз их основной целью были «спорные территории», и Адель не знала, что делать.

— Спокойно, ваше величество, — попытался успокоить её Канцлер. — Держитесь, как обычно. Если что-то не поймете, возьмите паузу на раздумья. И ни на что не соглашайтесь сразу.

Адель только кивала, идя на встречу. Присутствие Первого министра придавало уверенности, но колени дрожали. Перед дверями она задержалась и несколько раз глубоко вздохнула, успокаиваясь. В зал она вошла уверенно, как истинная королева.

Привычная работа позволила отвлечься от личных мыслей. Речь шла о совместном управлении «спорными территориями». Представители обеих стран уже обсудили основные моменты, оставалось обсудить нюансы.

За каждый пункт шло настоящее сражение. Юристы растолковывали каждое слово, стараясь повернуть его в свою пользу. Но мало-помалу список становился короче. Но очередной пункт вызвал у Адель внутреннее неприятие. И она решила разобраться.

Слово за словом, возражения за возражением. Картина вырисовывалась неприятная: за витиеватыми фразами скрывался долгосрочный план по захвату территории. Подписание давало возможность Риллесу полностью внедриться в инфраструктуру, в управление, а потом, через несколько десятков лет и предъявить права на земли, которые несколько столетий назад отошли к Эллодии как контрибуция.

Судя по задумчивому виду, Канцлер тоже увидел подвох. И Министр Внешних Связей

задумчиво потирал подбородок. Адель могла поклясться, что его сотрудникам не поздоровится. Но мысль мелькнула и пропала: времени на посторонние дела не осталось.

— Этого пункта в договоре не будет, — сообщила королева собеседникам.

Канцлер и Министр Внешних Связей оживились. А их оппоненты вступили в спор. К прошлым поправкам они относились лояльно, но в этом случае встали насмерть.

— Если его убрать, то боюсь, наши договоренности придется аннулировать.

— Или отложить до лучших времен? — Адель позволила себе небольшую нервозность — играла карандашом, прокручивая его между пальцев.

Это движение действовало на собеседника, как удав, привлекая внимание.

— Нет, ваше величество. Не отложить, а именно — аннулировать. Риллес никогда не пойдет на ущемление своих интересов.

— А ваши интересы заключаются в наших Северных территориях? — поинтересовалась Адель.

— Эти территории долгое время принадлежали Риллесу!

— Вы отдали их как контрибуцию триста лет назад. Эти земли политы потом моего народа. И его кровью. Я их не отдам!

Звук рвущейся бумаги прозвучал в тишине громким треском. Адель, кинув на стол обрывки предварительного договора, покинула зал. Свита последовала за ней.

— Ваше величество, может, сначала следовало обдумать?

— Что — обдумать? Господа, вы что, так и не поняли, что все их предыдущие соглашения на правки были всего лишь подготовкой к главному? Этот пункт они изменять не собирались.

— Я согласен, ваше величество, — кивнул министр внешних связей. Прошу прощения — мне нужно торопиться. Следует подготовиться к грядущим неприятностям и минимизировать последствия.

— Благодарю, — отпустила его Адель. И повернулась к Канцлеру: — Вы тоже ругаться будете?

— Как я смею, — он шутил, но на лице не появилось и тени улыбки. — Но вынужден признать, вы поступили как подобает королеве.

Она только склонила голову в ответ. Времени на самом деле почти не осталось.

«Неприятности». Адель молилась только об одном: чтобы последствия её выходки оказались не слишком тяжелыми. С Риллесом Эллодию связывало множество соглашений и договоров. Слишком важных, чтобы допустить их разрыва.

Срочно созвали Малый Совет. Чиновники всех рангов работали, забыв о графике. Сама Адель снова проводила дни в кабинете, забыв о данном врачу обещании. Тот пытался настаивать. В итоге сошлись на полноценном сне и укрепляющих процедурах.

Нэй тихо изводился, не в силах помочь королеве. Он снова и снова проклинал себя за то, что не послушал отца и настоял на своем: в роли одного из чиновников от него было бы больше проку. Но начальник Службы Безопасности думал иначе:

— Интересная у нас картинка вырисовывается... по поводу покушений. Ты, лейтенант, следи в оба, сейчас, особенно после отказа королевы плясать под их дудку, риллесцы могут что угодно сотворить.

И Нэй бдил. Он видел, как наливаются под глазами Адель мешки, как бледнеет кожа... Маски и крема перестали помогать, и когда она решилась пригласить Бевера Семини на ужин, телохранитель даже обрадовался. Королеве нужна была передышка.

Но все оказалось просто: Адель просила у Семини-младшего помощи. Не напрямую обиняками... Но он понял. И согласился оказать королеве услугу. Взамен попросил рассмотреть его проект по строительству торгового центра и парка развлечений. Королева согласилась: этот проект сулил как рабочие места, там и налоговые сборы.

Этими вопросами занимались чиновник младшего ранга, и Адель не пришлось вмешиваться лично. Но помощь Бевера оказалась кстати. Все затруднения были улажены, удалось не только избежать прямой конфронтации с Риллесом, но даже не потерять большую часть соглашений. Королева наконец-то смогла отдохнуть. Но вместо отпуска она отправилась на юг, туда, где солнце выжигало землю, уничтожая все живое.

Засуха сильно ударила и по регионам, и по стране. Поля покрывали редкие пучки растительности, а между ними землю разрывали глубокие трещины. Уровень воды в реках и озерах неумолимо падал, и колодцы уже начали пересыхать.

— Обратитесь к армии. Пусть их инженеры проведу коммуникации и обеспечат людей хотя бы питьевой водой! — Адель не могла понять, что же она делает не так.

Одиночные пикеты сменились демонстрациями. Люди требовали регента, а так же замужества королевы и наследника. Они боялись, что династия прервется и тогда Эллодию ждет неминуемая гибель.

Адель сходила с ума. Ей так не хватало спокойствия далеких дней в горном домике. И Нэя, ведущего себя с ней, как с обычным человеком. Но вырваться хотя бы на час было невозможно.

Она продолжала играть роль королевы. Устраивала пресс-конференции, встречалась с возмущенными людьми на улицах, выслушивала их претензии. И успокаивала, успокаивала... И обещала. Призрак замужества маячил уже на расстоянии вытянутой руки.

Но назвать имя кандидата Адель так и не решилась. Она просто не знала, что делать.

Нэй был рядом. Сильный. Надежный. От одного взгляда на него перехватывало дух, хотелось, чтобы весь мир отправлялся куда подальше и не мешал. Не мешал им быть вместе. Тем более, что происхождение позволяло: брак с Нэйм Байю не был мезальянсом.

Останавливало другое. Солдат до мозга костей, преданный родной стране и трону, лейтенант без раздумий примет предложение и станет принцем-консортом. И даже подарит ей наследника. Но... что он будет при этом чувствовать? Адель не льстила себе: в Академии командир недолго любил одну вредную особу по имени Кара Хань. И о том, что он внезапно вспылал чувствами к её двойнику, можно было и не мечтать. И о том, что будет счастлив в браке — тоже.

Адель хорошо знала своего телохранителя: честный, ответственный... и гордый. Стать принцем-консортом значило навечно играть вторые роли, забыв о собственных амбициях. Подчиняясь долгу, сын канцлера пойдет на это. Но такой судьбы для него не хотела уже сама Адель: Нэй ничем не заслужил подобного унижения.

А значит, нужно было искать претендента в другом месте.

Адель перебирала всех знакомых молодых дворян. Но подходящих не видела. Одним она не могла довериться, другим — доверить столь высокий пост, все же муж королевы занимает важную должность при дворе. А третьи... третьим дворец стал бы золотой клеткой. Как Нэю.

Адель сходила с ума. А новости приходили одна хуже другой. Последней каплей стал вывод специалистов из Службы Безопасности: покушения на родителей королевы и её брата — дело рук риллесских наемников.

— Прямых доказательств мало, но все следы ведут туда.

— Это серьезное обвинение, — Адель все еще не хотела верить. — Без доказательств...

— Это дело времени. Не сомневайтесь, ваше величество!

Адель чуть не плакала:

— Я не знаю что делать. Сижу, как на пороховой бочке... Пойдите... Вы говорили, что покушение на меня было совершено теми же людьми, что и на маму с папой...

— Да, это так, — согласился начальник Королевской Службы Безопасности. — Что касается их величеств, по нашим данным, причиной послужил отказ подписать договоренность о совместном развитии спорных территорий...

— Северных земель. — Адель села за стол и машинально развернулась к карте. — Не сходится!

— Простите, ваше величество? — не понял собеседник.

Начальник Службы Безопасности редко что-то не понимал. И теперь замер, стараясь выяснить, что именно имела в виду королева.

— Пасьянс не сходится. Смотрите, — Адель придвинула к себе листок и начала рисовать схему. — Отец отказывает Риллесу в подписании договора. Его убирают. А Кост? К нему что, тоже с этим вопросом обращались?

— Его высочество присутствовал на встречах. Он знал, что его величество против некоторых пунктов...

— Подозреваю я, что это за пункты. Ладно, это сейчас к делу не относится. Дальше: после моей коронации работа по договору продолжилась. Почему — это уже другой вопрос, и я с ним разберусь. — Адель достала блокнот и записала несколько предложений. Начальник службы безопасности вздрогнул: прежний король имел точно такую же привычку.

— В общем, бомбу в мой кабинет подложили несмотря на то, что я почти согласилась на совместное управление северными территориями. Вопрос: зачем им это было надо?

Догадка лежала на поверхности. Но начальник Королевской Службы Безопасности решил её озвучить:

— Или это не они, что вряд ли, или... — он побледнел. — Уничтожение династии?

Адель кивнула.

Она хорошо понимала испуг выдавшего вида мужчины. Гибель правящего дома значила и гибель королевства, потому что побочных ветвей в доме Риас не осталось.

— Надеюсь, вы понимаете...

— Так точно! — вытянулся командир. — Сохранение полной секретности...

Они говорили при Нэе. Ему безоговорочно доверяли оба. А сам телохранитель изо всех сил старался удержаться на ногах — он вдруг во всей красе увидел зияющую пропасть. И между ней и королевой стоял только он.

А напротив королевы уже сидел следующий визитер. Нэй вдруг понял, что привык видеть отца вот так: в этом кабинете, за работой. Они обменивались официальными приветствиями и занимались каждый своим делом, словно и не было между ними родственных связей. Но он тут же выкинул лишние мысли из головы: королева сейчас как никогда нуждалась в помощи. Но то, что он услышал, чуть не свело его с ума.

Королева заговорила о замужестве.

— Мой долг состоит не только в том, чтобы сохранить династию. Я обязана укрепить её. А для этого нужен наследник. И, желательно, не один.

— У вашего величества есть кто-то на примете? — осведомился Канцлер.

— Нет. Взгляните, — Адель швырнула на стол кипу распечаток. — Разве кому-то из них можно доверить роль консорты? Сами знаете, подвигов в постели маловато для этого титула.

— А... — Канцлер внимательно изучал досье, — вот...

— Самовлюбленный идиот. Да, имеет вес в определенных кругах, но круги эти... — усмешка Адель показала, что она думает об окружении кандидата.

— А этот?

— Умен, согласна. Но... слишком любит женщин.

— Это порок?

— Для моего супруга — да. Неужели вы думаете, что он сможет отказаться от своих привычек ради одной женщины, пусть и королевы?

— Если это его долг...

— Долг, — Адель горько рассмеялась. — Вы хотите, чтобы ради счастья иметь мужа я разрушила жизнь одному из этих мужчин? Господин Канцлер, с таким же успехом можно приказать стать моим мужем любому, кто принес присягу. Да вон, хоть вашему сыну!

Еще не договорив, Адель пожалела о том, что не сдержала язык. Но Нэй по-прежнему стоял у дверей, неподвижный, словно статуя, а его отец даже не поморщился:

— А почему бы и нет? Ради блага государства...

— Ради блага государства на роль супруга королевы стоит подбирать того, кто никогда не пожалеет об этом. То есть человека, который получит больше, чем потеряет!

— Всего-то? — в глазах Канцлера мелькнуло что-то, похожее на сожаление.

— Этого достаточно!

— Этого достаточно Эллодии. А королеве? Будете ли счастливы вы, ваше величество?

— Счастье правителя — в судьбе его страны. Если я смогу родить здорового ребенка, мне будет этого достаточно.

— Как скажете, — вздохнул канцлер. — У вас уже есть идеи?

— Если не получается найти подходящую кандидатуру среди знати, стоит поискать её среди других сословий? Хорошее образование, ум, приятная внешность, амбиции, наконец... Почему нет?

Канцлер задумался. А потом кивнул:

— Возможно, вы правы. И, судя по всему, вы уже имеете кого-то на примете?

— Вас не обмануть. — Адель отвернулась к окну и долго смотрела на бегущие по небу облака, прежде чем продолжить. — Бевер Семини. Подходит по всем параметрам. Плюс — бизнесмен до мозга костей. Ни за что не упустит хорошую сделку.

— А то, что он молод и красив...

— Это приятный бонус, — отмахнулась Адель. — Но куда важнее другое: господин Семини-младший может быть полезен Эллодии не только как отец наследника.

23

Решив раз, Адель не стала откладывать исполнение в долгий ящик. Приглашение во дворец Беверу Семини отправили в тот же день.

Он прибыл точно в срок.

— Ваше величество...

— Удивлены? — поднялась ему навстречу Адель.

— Признаться, я представлял королевский кабинет несколько более...

— Женственным? — подхватила королева. — Это место мой отец называл своей берлогой. Я не стала ничего менять, это как память.

— Понимаю, — Бевер опустился в предложенное кресло с высокой спинкой. Неудобное, как и остальная мебель.

Адель невозмутимо устроилась напротив. И дала знак Нэю выйти. Тот не посмел ослушаться, хотя едва сдерживал желание вышвырнуть этого самодовольного типа не только из покоев королевы, но и из Дворца.

Бевер с удивлением проследил, как уходит телохранитель, но ничего не спросил. Вместо этого спокойно пригубил поданный чай и стал ждать продолжения.

— Вы правы, — Адель начала разговор так, словно отвечала на вопрос, — разговор будет несколько... необычным.

— Я весь внимание, — Бевер отставил чашку и чуть подался вперед.

— Как-то, не очень давно, вы озвучили мне свои мечты, — она дождалась кивка, прежде чем продолжать. — Думаю, я смогу помочь в их осуществлении. А может, не только в их...

Бевер не отвечал. Молчание затянулось. По правилам, предложение о свадьбе должно прозвучать от королевы, но... между ней и Бевером не было ничего. И она просто не знала, что и как говорить.

Мужчина понял её затруднения и, как всегда, взял на себя решение проблемы:

— Значит ли это, что я могу мечтать куда как шире, чем обычно? И насколько?

— Настолько, насколько это не повредит Эллодии.

— Очень щедрый подарок, ваше величество, — Бевер напрягся, как кобра перед прыжком. — Но простите, как вы не верите в бескорыстие людей моего круга, так и я не верю в незаслуженные бонусы. Ваше величество, что вы потребуете взамен?

— Вас! — на выдохе, словно в омут нырнула.

Отступить было некуда, и Адель пришлось выдержать оценивающий взгляд собеседника. Тот осматривал её, как породистую лошадь на выставке. Но вдруг отвернулся:

— Простите. Мне не следовало...

— Ничего, — вздохнула Адель. — Так каков ваш ответ?

— Мы же торгуемся, верно? — Бевер смотрел в сторону, но слова звучали громко и четко. — Тогда будет справедливо, если я постараюсь продать себя подороже.

Торговался он серьезно.

Юристы обеих сторон поднимали законы, стараясь составить договор к обоюдному согласию. К неудовольствию Адель, к процессу присоединился Семини-старший, но Бевер настоял на его участии, пришлось смириться.

Вся работа проходила в строжайшей тайне, а официально было объявлено, что в целях укрепления династии и для улучшения положения в стране Её Величество Адель ас Кармина, глава правящего дома Риас, Королева Эллодии выходи замуж. Поданные приняли новость с восторгом.

Адель их понимала: Бевер, человек из незнатной семьи, вызывал у людей симпатию. В нем видели осуществление мечты многих и многих тысяч жителей мира: «простой человек» возносился к вершинам власти благодаря своим умениям и трудолюбию. И эту «картинку» старательно поддерживали все СМИ страны.

А еще пара играла роль беззаветно влюбленных: никто и никогда не должен был узнать, что королевские браки — всего лишь хорошо спланированные сделки «во благо страны», а

любовь — всего лишь приятный бонус. Появляясь с Бевером на публике, Адель отчаянно завидовала покойным родителям и радовалась, что несмотря на отсутствие чувств, мужчина старается быть хорошим женихом: чутким, внимательным, нежным. Королева надеялась, что они сумеют создать семью если не в любви, то во взаимном уважении, и поддержка народа вселяла уверенность.

Вот только Нэй... Телохранитель её беспокоил. Бессменная работа превратила сильного, бесстрашного мужчину в подобие тени. Под глазами залегли мешки и казалось, он вот-вот потеряет сознание... И королева подняла вопрос о смене охраны.

Канцлер был против. Он по прежнему никому не доверял. И сам лейтенант утверждал, что справится. Но Адель была непреклонна: телохранителю нужен напарник.

Его нашли. Опытный гвардеец тридцати восьми лет. Прежде он был приставлен к Канцлеру, но чиновник передал его королеве:

— За много лет он ни разу не подвел. Надеюсь, я не зря ему доверяю.

Сама же Адель долго не могла привыкнуть к новому человеку в окружении. Она поворачивалась к креслу в надежде увидеть знакомую фигуру Нэя, напиться уверенностью... и наткнулась на незнакомца. В такие моменты она с трудом сдерживалась, чтобы не сорваться, не накричать, не придраться к какой-нибудь мелочи. И корила себя за вспышку: новый телохранитель старался изо всех сил, он чувствовал недовольство королевы и сам не мог понять, что же делает не так. В таких случаях Адель делала перерыв и предлагала ему выпить чаю. Гвардеец неизменно отказывался, но напряжение спадало, оба успокаивались... до следующего раза.

Немного выручал Бевер. Несмотря на то, что за кулисами этого представления шли ожесточенные юридические бои, он оставался вежлив и внимателен. Словно его интересовала сама королева, а не то положение, которое она могла ему дать. И Адель была ему благодарна за тактичность.

На встречах и общественных мероприятиях Бевер держался уверенно и с достоинством. Спокойно общался и с высшим сословием, и с крестьянами.

— Все они люди, независимо от того, есть ли над воротами дома личный герб, или нет. Я привык судить о людях по их личным качествам, от них зависит успешность бизнеса.

Адель соглашалась и как губка впитывала новые знания: Бевер открыл для неё изнанку мира, о котором она не знала ничего.

Коммерцию и экономическое управление были знакомы ей только по цифрам, предоставляемым Министерством, да по урокам в университете. Теперь же королева понимала: без знаний, откуда и как берутся деньги, как они зарабатываются, о рисках, о судьбах людей, связанных со всем этим, невозможно быть настоящим правителем. И благодарила судьбу, что он послал к ней Бевера. Мужчина щедро делился знаниями, и несколько его предложений уже рассматривали на Малом Совете. Их внедрение могло снизить налоги без ущерба для казны.

Но, тем не менее, Адель не могла не заметить и отрицательные черты своего жениха. И то, с чем она не могла смириться — его эмоциональная зависимость от отца.

— Что поделаеть, ваше величество, — отшучивался Бевер. — Я тоже прошел через подростковый бунт. Мне казалось, что я все знаю лучше и действовал по-своему. А результат всегда совпадал с тем, что предсказывал отец. Теперь я знаю, что во многом именно он и подстраивал итог, но это ничего не меняет: смысла воевать, когда выигрыш невозможен, просто нет смысла. Это как от снайпера убежать: только вспотеешь.

Адель не улыбнулась старой шутке. И постаралась аккуратно дать понять будущему свекру: его влияние на политику страны она не потерпит.

А еще... при ровном отношении к людям Бевер старался избегать общества бастрадов, а при рассказе об их родителях его откровенно передергивало. Адель попыталась понять причину. И поразилась: её жених ненавидел свою бабушку!

— Она родила того, кто мог иметь все: положение в обществе, уважение окружающих... А вместо этого её ребенок оказался незаконорожденным.

— Но ведь твоего отца признали! Он получил все, что полагается ему по положению: прекрасное образование, помощь на первых порах, наследство...

— От которого он отказался. А положение... Отец рассказывал, как к нему относились в школе.

— И это причина возненавидеть мир? — Адель поразила глубина открывшейся пропасти. И почему ты винишь только бабушку? Для рождения ребенка нужны двое.

— Кровь дворянина может только улучшить. Это бабке думать надо было...

Но во всем остальном Бевера не в чем было упрекнуть. Мало того, несмотря на то, что ему предстояло стать консортом, он не попросил для себя не то, что титула, а даже просто дворянской грамоты. Ему было достаточно того, что всем этим будет обладать его ребенок:

— Какая разница, кто я, если мой сын будет Наследником?

— Значит, дочка тебя не устроит? — поднимала Адель бровь в наигранном удивлении. Она уже знала ответ, который повторялся раз за разом:

— Меня устроит любое дитя, которое подарит мне моя королева...

Но со свадьбой не спешили, как не торопил организаторов Гур Семини: траур только что закончился, да и замуж выходила не обычная девчонка, а правительница страны. Готовили приглашения главам дружественных государств, составляли списки гостей, думали над организацией масштабного действия... В условиях разрастающейся засухи это оказалось непросто: пришлось очень сильно урезать бюджет. Но при этом следовало сделать так, чтобы гости этого не заметили.

Слушая прогнозы по неурожаю, глядя на карты выгоревших полей Адель не находила себе места. Она надеялась, что сама подготовка уже отодвинет беду, утихомирит гнев Неба... В итоге беспокойство заставило её согласиться с Семини-старшим:

— Мне уже все равно, что подумают о нас остальные. Эллодия на грани краха...

— Вы считаете, что Наследник укрепит династию и улучшит положение в стране?

— По крайней мере, это успокоит людей.

— Что же, смысл в этом есть, — вынужденно согласился Канцлер. — Но и торопиться с торжествами нельзя.

— Я понимаю, — Адель закрыла лицо руками, задев чашку. Давно остывший ромашковый чай выплеснулся на документы, но королева не обратила на это внимания. — Но я не знаю, что делать...

— Думаю, это можно как-то решить. Возможно, в древних протоколах сохранились не только бесполезные ритуалы. Я вашего позволения я дам указания Геральдической Палате покопаться в документах...

— Да-да, прошу вас, — Адель с надеждой посмотрела на собеседника. И тут же опустила взгляд: за спиной Канцлера, у двери, стоял бледный, как мел Нэй.

— Лейтенант, вам плохо? — канцлер заметил состояние сына. — Я велю прислать вам замену...

— Не надо, — выдохнул Нэй.

А вечером, едва он сменился, раздался телефонный звонок:

— Я заеду за тобой. Мать соскучилась, она тебя давно не видела.

В машине молчали. Мать радовалась визиту сына, сокрушалась, что из-за работы он похудел:

— Наверное, и поесть не успеваешь. С такой-то нагрузкой... Нелегко, сынок?

— Он сам туда рвался, так что не причитай, — бурчал отец, подкладывая на тарелку Нэя куски побольше. — Сейчас полегче будет, напарник есть. Может, почаще этого самостоятельного видеть будешь.

Мать только вздыхала. От неё не укрылось, что мужчины что-то не договаривают. Их уход в кабинет только подтвердил опасения. Оставалось только надеяться, что они решат все вопросы до наступления утра.

— Мать напугал. Ты что, совсем не спишь?

— Сплю, — Нэй принял стакан с виски. Льда было больше, чем напитка, пришлось ждать, когда он начнет таять.

— Врать ты так и не научился. По крайней мере, мне. Ладно, что там с тобой происходит?

Вместо ответа Канцлер получил встречный вопрос:

— Эта свадьба... она обязательна?

— А ты как думаешь? Её одобрили оба Совета, и Малый, и Большой... Погоди, а тебе что-то не нравится? Нэй?

— Да нет. Все в порядке, только...

Канцлер не дослушал:

— Семини? Тебе тоже их семейка не нравится? Но, надо быть честными: именно они могут вытащить Эллодию из той пропасти, в которую она стремительно катится. Их деньги, наши связи... Шанс весьма ощутимый.

Нэй молчал.

— Что? Совсем не вмоготу? — Канцлер пригляделся к сыну внимательнее. И достал из ящика стола лист бумаги и ручку. — Пиши рапорт о переводе. Найду, куда тебя приткнуть, раз во Дворце не прижился. А пока посидишь в отпуске.

Нэй не стал спорить. Придвинул стул, и страница покрылась ровными, хотя и размашистыми строками.

Канцлер молча смотрел на эту картину, медленно попивая виски. Его губы кривила горькая усмешка, но как только Нэй закончил, лицо снова стало бесстрастным.

24

Адель показалось, что она осиротела. Несколько дней пугалась, когда вместо ставшего родным Нэя натыкалась взглядом на непривычную фигуру нового телохранителя. Её раздражение заметил даже всегда корректный Бевер:

— Ваше величество, так нельзя. Ваше настроение передается окружающим. Они не смогут хорошо работать в такой нервной обстановке.

Адель понимала его правоту, но ничего не могла с собой поделать. И тогда окружающие предложили ей отдохнуть. На острове, или в горном домике... Но королева наотрез отказалась: Остров еще зиял свежей раной, а горы сочлились воспоминаниями. Отправляться туда одной, без Нэя казалось неправильным.

Но при этом Адель прекрасно понимала, что долго так продолжаться не может. И надеялась, что замужество хоть немного отвлечет её от горьких мыслей.

Геральдическая Палата старалась вовсю. Наконец, их усилия принесли результат: в пропыленных архивах они нашли церемонию «предварительного брачного соглашения». Несколько сотен лет назад, на поле боя, правитель взял в жены принцессу соседнего княжества, приобретая сильного союзника в лице её отца. Поскольку свадьба проходила наспех, после победы устроили вторую.

— Но тем не менее, именно этот случай создает нужный прецедент. «Предварительное брачное соглашение» равноценно традиционному бракосочетанию. Ваш муж наделяется всеми правами и обязанностями, но в то же время у нас остается время подготовиться к основному ритуалу, не нанеся при это никому оскорблений.

Неделя ушла на консультации с юристами. И, получив их одобрение, назначили дату. И закрутился водоворот предсвадебной суеты.

Хоть и полуофициальное, мероприятие обязано было пройти на высшем уровне. Приглашения разослали всем послам и личным друзьям королевской семьи. Аккредитовали средства массовой информации. Дали разрешение на освещение свадьбы некоторым особо популярным блогерам.

Но Адель это все мало занимало. К её ежедневным заботам прибавились другие, которые считались радостными и волнительными: с ней обсуждали оформление зала, свадебный торт, букет...

Но больше всего времени ушло на подбор платья. Без вычурности и газовой пены, простое, и в то же время элегантное... Дизайнеры предоставляли один эскиз за другим, а мадам Алори, которой и поручили организацию, отметала все. И только три лучших модели были представлены на суд её величества.

Белый атлас, слегка мерцающий с ярком свете хрустальных ламп. Простой крой. Прямая юбка чуть расширялась у колен, и недлинный шлейф мягко струился по полу. Открытые плечи прикрывало болеро. Мягкое кружево казалось уютным и словно укрывало от нескромных взглядов окружающих.

Красивое платье вполне подходило для церемонии. Адель нравился подобный стиль... Но, стоя перед зеркалом, она поймала себя на мысли, что главный в жизни любой женщины наряд не приносит радости. И причину Адель знала очень хорошо, она заключалась не в платье.

Но менять что-либо было уже поздно. Выкинув из головы все мысли о Нэе и заперев чувства к нему глубоко в сердце, девушка повернулась к модельеру:

— Вы отлично справились. Благодарю.

— Позвольте предложить вашему величеству подходящие украшения... — засуетился обласканный одобрением королевы дизайнер.

Адель скользнула взглядом по заботливо расставленным на специальном столике коробкам. На темном бархате сверкали, мерцали, искрились алмазы, сапфиры, топазы. Но они не привлекали королевского взгляда.

— К этому наряду подойдет фамильный жемчуг её величества, — мадам Алори жестом велела убрать коробки и выпроводила дизайнера, чей рейтинг с этого момента взлетел к небесам.

— Нет, — вздохнула Адель, когда они остались одни. — Жемчуг тоже... лишний.

Надевать драгоценности она считала излишним — страна находилась не в лучшем

положении. Беверу она тоже настрого запретила дарить себе драгоценности:

— Направь эти деньги на выведение страны из кризиса.

Бевер только улыбался в ответ, но просьбу выполнил.

Очнувшись от мыслей, Адель поймала на себе задумчивый взгляд мадам Алори.

— Что-то случилось?

— Нет, ваше величество, — женщина не стала звать горничных, сама помогла королеве снять платье. — Просто... вы не похожи на счастливую невесту.

— Не как мама, да? — Адель завязала пояс легкого халатика. — А какая она была... в тот день?

Мадам Алори задумалась:

— Она просто светилась от счастья. Она ведь очень любила вашего отца. Мы, её подруги, тогда очень ей завидовали и мечтали любить столь же сильно. Увы, сложилось не у всех, — она отвела взгляд.

— Простите, — спохватилась Адель. У самой мадам Алори семейная жизнь не сложилась.

— Ничего, — женщина на минуту отвернулась и несколько раз глубоко вздохнула. — В жизни все случается. Но, ваше величество, хочу, чтобы вы знали: происходящее мне не нравится категорически! И я взялась за все это только потому что вы — дочь моей школьной подруги.

— Мне тоже не все нравится в этой жизни, госпожа Алори, — мягко, стараясь не задеть чувств собеседницы, ответила Адель. — Но вы только что сами сказали: не все зависит только от нас. Иногда судьба толкает нас на странные пути...

— Лишь бы они привели туда, куда надо, — пробурчала мадам и откланялась.

А Адель еще долго смотрела в зеркало, словно искала в нем ответы на множество печальных вопросов.

25

Зелень королевского сада казалось особенно яркой. Первые краски грядущей осени еще не разбавили изумруд листвы и лужаек.

Белый шатер с вензелем правящего дома окружали кашпо с цветами. Садовники отдали предпочтение белым лилиям и кремовым розам. А в букете невесты выглядывали из кружевного обрамления незабудки. Королева лично настояла на этом цветке, навсегда прощаясь с запретным отныне чувством.

Жених ни в чем не уступал невесте. Но на атласном лацкане смокинга утопала в зеленых листьях одинокая кремовая роза.

Несоответствие букету невесты отметили все, но слишком уж красивой казалась пара у алтаря. И гимн Небу в исполнении лучшего хора Эллодии наполнял сердца умилением и восторгом.

Адель не разделяла чувства гостей. Она молчала, уголки губ чуть приподнимались в привычной дежурной улыбке... Она знала: это припишут естественному волнению, которое и должна испытывать невеста в торжественный день. Взгляд скользил по лицам гостей и вдруг... Сердце ударилось о ребра и замерло. Дыхание перехватило и потребовалось несколько мгновений, чтобы прийти в себя. А потом Адель осмелилась снова посмотреть в толпу.

Нэя уже не было. Она отчаянно пыталась найти его среди этих равнодушных и

любопытных лиц... Она забыла о женихе, что терпеливо сносил невнимание невесты...

Движение возле украшенного белыми и голубыми лентами дереве привлекло внимание. Начальник Королевской Службы Безопасности вчитывался в какой-то документ. С одной стороны, ему по статусу было положено самому вникать во все, связанное с охраной королевы, но читать в такой момент...

А мужчина уже отдал приказ. И один из телохранителей пробрался сквозь толпу приглашенных к Канцлеру. Тот, оставив жену, немедленно последовал за ним.

Гимн закончился. Пришла пора клятв жениха и невесты, но Адель не слушала, что говорит Бевер. Все её внимание было сосредоточено на Канцлере. Впервые в жизни она видела, как этот государственный муж не смог сдержать эмоций. А значит, случилось что-то действительно важное. Настолько, что...

Королева подняла руку, останавливая церемонию. Свадьба может подождать, Эллодия — нет.

Бевер послушно отступил с пути невесты. А та шла прямо к своему министру, не обращая внимания на окружающих. Удивленно-возмущенные шепотки наполнили пространство. Адель хотелось закрыть уши, чтобы ничего не слышать, и страх поднимался липкой волной. Еще не зная, что в тех записках, что так внимательно изучали два важнейших чиновника прямо на свадьбе, не сомневалась: ничего хорошего.

Выстрела не услышала. Просто какая-то сила толкнула в лечо, разворачивая, а через мгновение обмякшее тело придавило Адель к земле.

Крики, шум, суматоха... Адель не сразу поняла, что случилось. И только увидев кровь на белом кружеве испугалась. Не за себя. За тех, кто мог оказаться на пути бестолковой пули.

— Кто... что...

Кто-то уже накрывал распластанное на земле тело. И кремовая роза на атласном лацкане.

— Бевер! — Адель кинулась к жениху.

Но её не пустили. Телохранители взяли королеву в кольцо и силой увлекли в ближайшее здание — павильон из красного кирпича. Там, под прикрытием стен, правительница была в безопасности.

— Пустите! — она вмиг забыла о правилах. — Бевер!

Перед глазами стояли гробы, скрывающие останки родителей. Звучала траурная музыка и ужас тех дней вернулся, как будто все произошло только сейчас. Даже запах цветов, долетавший в распахнутые окна, напоминал о похоронах — тогда весь зал устлали венками и букетами.

— Ваше величество! Ваше величество!

Она не слышала. Рвалась из крепких рук охраны, что-то кричала... пока голова не мотнулась от сильного удара. Адель задохнулась, но пощечина вернула её в чувство.

— Ваше величество! — Канцлер знал, как вернуть королеве разум — сунул в руки тот самый документ, что читал еще недавно.

Адель пришлось приложить усилие, чтобы понять, о чем речь. А, дочитав до конца, приказала:

— Немедленно арестовать Гура Семини. Посла Риллеса... — она задумалась... — Вызвать для дачи пояснений вот этого. И... извинитесь перед гостями.

В павильон вошел гвардеец.

— Ваше величество, преступник обезврежен. Вы можете проследовать во дворец...

— Оставьте меня, — напряжение отступило.

Осталась только невероятная слабость. Поддавшись ей, Адель сползла по стенке и осталась сидеть на полу.

— Я хочу побыть одна...

Никто не посмел перечить. Адель не заметила, как выходили телохранители, не слышала долетающих в окно приказов, не обратила внимания на шум — это мадам Алори прорывалась сквозь строй охраны. Ей помог Канцлер — дал знак пропустить.

И только, когда мягкие руки обвили за плечи, словно закрывая от всех невзгод, Адель очнулась.

Школьная подруга матери сидела рядом с ней и баюкала, как младенца.

— Тщщщ, моя девочка, тщщщ... Все хорошо...

Напряжение последних дней вырвалось надсадным воем. Гости его уже не слышали — их давно отвели в безопасное место и оставили ждать допроса. Так что этот почти звериный крик слышали только телохранители. Да Канцлер.

Он выслушивал одно донесение за другим, стараясь хоть как-то помочь Начальнику Службы безопасности. Но в конце-концов не выдержал и, отойдя в сторону, набрал номер:

— Ты где, Нэй?

Выслушав ответ, кинул помощнику:

— Машину! Да не представительскую — простую. Я сам поведу.

— Но господин Ка...

Одного взгляда хватило, чтобы помощник закашлялся и забыл обо всех вопросах. Сев за руль неприметного авто, Канцлер вдавил педаль в пол. Машина вырулила на трассу и помчалась на пределе допустимой правилами скорости.

Нэй сидел в приватной комнате ресторана. Перед ним высилась батарея бутылок. Канцлер уселся напротив сына. Тот тут же придвинул отцу стакан, полный водки:

— Угощайся.

Вместо ответа отец оглядел стол:

— Без закуски? Или еще не нализался?

— Боишься за мой разум? — Нэй начал выстраивать перед собой бутылки, сортируя по размеру. — Так поздно уже. Считаю, я сошел с ума. Хотя еще ничего не пил.

— Я знал, что ничего путного из тебя не выйдет, — Канцлер резким движением отодвинул стакан. Водка выплеснулась, и на столе расплзлось мокрое пятно. — Отказаться от таких перспектив ради солдафонских бредней! Но и тогда я тобой гордился. Да, ты не воплотил мои мечты, но ты оставался храбрым, честным солдатом. Ты не прятался ни от опасности, ни от ответственности. Но как же горько я ошибся! Мой сын оказался тряпкой и трусом!

Нэй прервал свое занятие и поднял на отца злой взгляд:

— Ты никогда не говорил, что гордишься... только попрекал!

— А тебе нужны были слова? Дел мало? Хотя чему я удивляюсь, ты только языком трепать и горазд. Честь и совесть! Фамильная гордость! И, упиваясь этими понятиями ты спокойно смотрел, как твою любимую ведет к алтарю убийца её родителей?

— Что?

От резкого движения стол содрогнулся. Бутылки упали, некоторые скатились и разлетелись на мелкие осколки, забрызгивая все вокруг дорогим спиртным. Но ни Нэй, ни Канцлер не обратили на это внимания:

— Убийца её родителей?

— Ну, не совсем он. Его отец. Смотри! — он сунул сыну поднос пачку уже изрядно помятых распечаток. — Несколько лет назад Гур Семини просил разрешения на покупку дворянской грамоты. Готов был возместить любые материальные затраты... и почти добился своего. Но его величество самолично наложил запрет, сказав, что титул покупается честной и достойной жизнью, а не богатством. И Наследник ответил точно так же. В общем, их гибель была подстроена Гуром Семини... с целью воздействовать на Адель. По его мнению, юная королева был куда более подвержена влиянию...

— Его сын... он знал?

— Наверняка мы уже не узнаем — Бевер мертв, а Семини-старший будет выгораживать память сына всеми средствами. Даже, если придется взять на себя всю вину.

— А тогда, в кабинете? Зачем, он же...

— А вот мину в кабинет королевы подложили наши любимые соседи. Причем сделали это очень толково. Королевская Служба Безопасности чуть с ума не сошла, выясняя правду.

Но Нэй уже сам нашел всю информацию.

— Да чем они там занимаются! Проворонить такой заговор...

— Думаешь, ты бы не проворонил?

Нэй тут же сник:

— Я её даже от пули заслонить не смог... телохранитель...

Только присутствие отца удержало его от крепкого выражения.

— Вот я и говорю — тряпка! Ты даже не поговорил со своей любимой женщиной, запала не хватило. Зато смотреть, как...

— Она — королева! А я...

— А ты — сын Канцлера! Дворянин в одиннадцатом поколении! Кажется, ты забыл о том, что твои предки оставили нам не только состояние... Сын, она же при тебе рассуждала: вопрос о свадьбе от королевы будет истолкован как прямой приказ. Приказ, понимаешь? А кто осмелится...

Договаривал он уже в пустоту. А потом, усмехнувшись, выбрал бутылку из уцелевших, распечатал... Из горлышка пахнуло крепким спиртным.

— Теперь можно, — разрешил себе Канцлер и сделал глоток.

— Милая, да что же ты себя в такие рамки-то загнала? — мадам Алори наплевала и на этикет, и на правила приличия. Сидела рядом с королевой и вразумляла, как простую девчонку.

— Засухааа... — всхлипнула Адель, пряча лицо на её плече.

— Засуха... Так чувствует тебя земля-то. Запрещаешь ты себе любить-то. Строго-настрога запрещаешь. Вот и сохнет все вместе с тобой. Адель, девочка моя... Пойми, ты не только королева! Ты еще и живой человек! Позволь чувствам жить, позволь тому, кто...

Нецензурная брань, долетевшая с улицы заставила её замолчать. Женщина насторожилась, готовясь защищать королеву, если дойдет до крайности. Но в дверь, прорвавшись через заслон телохранителей, ворвался мужчина. И мадам Алори оставалось только осторожно выпутаться из складок перепачканного платья королевы и тихонько выйти.

Но она могла шуметь, кричать, взрывать фейерверки... Двое, оставшиеся наедине, видели только друг друга.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net